

Алтайский юридический вестник

Научный журнал Барнаульского юридического института МВД России

№ 2 (30) 2020

Главный редактор:

Анохин Ю.В., д-р юрид. наук, доцент

Зам. главного редактора:

Плаксина Т.А., д-р юрид. наук, доцент

Ответственный за выпуск:

Авдюшкин Е.Г.

Состав редакционного совета:

Абызов Р.М., д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Анисимов П.В., д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Аничкин Е.С., д-р юрид. наук, профессор
Арыстанбеков М.А., д-р юрид. наук, доцент
Афанасьев В.С., д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Баранов А.М., д-р юрид. наук, профессор
Бекетов О.И., д-р юрид. наук, профессор
Бучакова М.А., д-р юрид. наук, доцент
Васильев А.А., д-р юрид. наук, доцент
Герасименко Ю.В., д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Гончаров И.В., д-р юрид. наук, профессор
Деришев Ю.В., д-р юрид. наук, профессор
Ким Д.В., д-р юрид. наук, профессор
Князьков А.С., д-р юрид. наук, доцент
Кодан С.В., д-р юрид. наук, профессор
Корякин И.П., д-р юрид. наук
Кузьмина И.Д., д-р юрид. наук, доцент
Мазунин Я.М., д-р юрид. наук, профессор
Майле А.Д., канд юрид. наук, доктор права, магистр административных наук
Сиземова О.Б., д-р юрид. наук, профессор
Сумачев А.В., д-р юрид. наук, доцент
Филиппов П.М., д-р юрид. наук, профессор
Харитонов А.Н., д-р юрид. наук, профессор
Чечетин А.Е., д-р юрид. наук, профессор
Шарапов Р.Д., д-р юрид. наук, профессор
Шепель Т.В., д-р юрид. наук, профессор

Состав редакционной коллегии:

Арсенова Н.В., канд. юрид. наук
Баньковский А.Е., канд. юрид. наук
Белицкий В.Ю., канд. юрид. наук, доцент
Бублик И.Г., канд. юрид. наук, доцент
Кригер А.Е., канд. юрид. наук, доцент
Михалева Д.А., канд. юрид. наук, доцент
Овчинникова О.Д., канд. юрид. наук, доцент
Репьев А.Г., канд. юрид. наук, доцент
Семенюк Р.А., канд. юрид. наук, доцент
Тырышкин В.В., канд. юрид. наук
Чесноков А.А., канд. юрид. наук, доцент
Шаганова О.М., канд. юрид. наук
Шебалин А.В., канд. юрид. наук, доцент
Шмидт А.А., канд. юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь:

Жолобова Ю.С.

Редактура: О.Н. Татарниковой, Ю.С. Жолобовой

Компьютерная верстка: О.Н. Татарниковой

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство
о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-57487
от 27.03.2014

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук

Включен в систему РИНЦ 23.04.2013
(договор № 245-04/2013)

Подписной индекс
распространителя
по договору подписки
с ОАО «Роспечать» 70801

Учредитель: Барнаульский
юридический институт МВД России.
Свободная цена.

Адрес и телефоны редакции, издателя,
типографии: 656038, Алтайский край, г. Барнаул,
Барнаульский юридический институт
МВД России,
ул. Чкалова, 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.
[www.http://vestnik.buimvd.ru](http://vestnik.buimvd.ru)
E-mail: altvest@buimvd.ru

Научно-исследовательский
и редакционно-издательский отдел.

Подписано в печать 21.05.2020.
Выход в свет 25.05.2020.
Заказ № 195. Формат 60x84/8.
Ризографирование.
Усл. п.л. 18,5. Тираж 80 экз.

© Барнаульский юридический
институт МВД России, 2020

Altai Law Journal

Science Journal of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

№ 2 (30) 2020

Editor-in-Chief:

Anokhin Yu.V., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Deputy Editor-in-Chief:

Plaksina T.A., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Responsible for Issue:

Avdyushkin Ye.G.

Editorial Advisory Board:

Abyzov R.M., Doctor of Juridical Sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

Anichkin E.S., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Anisimov P.V., Doctor of Juridical Sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

Afanasiev V.S., Doctor of Juridical Sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

Arystanbekov M.A., Doctor of Juridical Sciences, professor

Baranov A.M., Doctor of Juridical Sciences, professor

Beketov O.I., Doctor of Juridical Sciences, professor

Buchakova M.A., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Chechetin A.E., Doctor of Juridical Sciences, professor

Filippov P.M., Doctor of Juridical Sciences, professor

Gerasimenko Yu.V., Doctor of Juridical Sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

Goncharov I.V., Doctor of Juridical Sciences, professor

Derishev Yu.V., Doctor of Juridical Sciences, professor

Kim D.V., Doctor of Juridical Sciences, professor

Kharitonov A.N., Doctor of Juridical Sciences, professor

Knjazkov A.S., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Kodan S.V., Doctor of Juridical Sciences, professor

Koryakin I.P., Doctor of Juridical Sciences

Kuzmina I.D., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Maile A.D., Candidate of Juridical Sciences, Doctor
of Juridical Sciences, Master of Administrative Sciences

Mazunin Ya.M., Doctor of Juridical Sciences, professor

Sizemova O.B., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Sumachev A.V., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Sharapov R.D., Doctor of Juridical Sciences, professor

Shepel T.V., Doctor of Juridical Sciences, professor

Vasiliev A.A., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Editorial Review Board:

Arsenova N.V., Candidate of Juridical Sciences

Bankovskij A.E., Candidate of Juridical Sciences

Belitskij V.Yu., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Bublik I.G., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Repev A.G., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Kruger A.E., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Ovchinnikova O.D., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Semenyuk R.A., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Tirishkin V.V., Candidate of Juridical Sciences

Mikhaleva D.A., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Chesnokov A.A., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Shaganova O.M., Candidate of Juridical Sciences

Shebalin A.V., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Shmidt A.A., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Executive Secretary:

Zholobova Yu.S.

Proofreading: O.N. Tatarnikova, Yu.S. Zholobova

Desktop publishing: O.N. Tatarnikova

The journal is registered in Federal Service
for Supervision in the Sphere
of Telecom, Information
Technologies and Mass Communications.
Registration certificate
PI No. FS77-57487 dated
27.03.2014.

The journal is included into the List
of peer-reviewed scientific
journals recommended by Higher
Attestation Commission
for publishing of major results
of dissertations for the degree of Doctor and
Candidate of sciences

Journal indexing:
RINTS contract
No. 245-04/2013 (23.04.2013)

Subscription index in the catalog
of «RosPechat»
Agency Ltd is 70801

Founder: Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia.
Uncontrolled price.

Address of editor, editor's
and printing office: 656038,
Altai territory,
Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Chkalovstr., 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.
www. <http://vestnik.buimvd.ru>.
E-mail: altvest@buimvd.ru

Research-evaluation
and publishing department.

Passed for printing 21.05.2020.

Issue date 25.05.2020.

Order 195. Format 60x84/8.

Conventional printed sheets 18,5.

Issue 80 copies.

© Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2020

Содержание

Государственно-правовое регулирование общественных отношений

<i>Аничкин Е.С., Резинкин А.Ю.</i> Правовое закрепление приоритетов научно-технического развития ШОС и их отражение в национальном законодательстве Китая и Индии	7
<i>Казанцева О.Л., Мамедов Р.Ю. оглы.</i> Местное самоуправление в России: есть ли право на будущее?	14
<i>Лоос Е.В.</i> Определение размера компенсации морального вреда при посягательствах на честь и достоинство личности	20
<i>Никулина А.В.</i> К вопросу о соотношении прав человека и правотворчества	25

Административное право и административный процесс

<i>Бекмурзинова К.К.</i> Доказывание по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения	30
<i>Вечерникова Д.В., Светлова А.П., Тырышкин В.В.</i> Процессуальный статус свидетеля и потерпевшего в рамках административного производства по статьям 5.61. и 20.1. КоАП РФ	37
<i>Гаужаева В.А.</i> Некоторые аспекты современного представления о понятии, признаках и составе административного правонарушения	41
<i>Шустикова М.В., Сумачев А.В.</i> Специфика охраны общественного порядка при проведении спортивных мероприятий	46

Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

<i>Габеев С.В.</i> Понятие и признаки убийства по найму	50
<i>Диденко Н.С., Кокорева Л.В., Торовков А.А.</i> Квалификация уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 245 УК РФ: проблемы правоприменительной практики	55
<i>Дизер О.А.</i> Актуальные вопросы противодействия наркоугрозе: тенденции и направления совершенствования	62
<i>Ермакова О.В.</i> Моделирование состава преступления: понятие и особенности осуществления	68
<i>Заварыкин И.Н.</i> Феномен, социально-психологическая основа и противодействие неосторожной преступности	72
<i>Коренная А.А.</i> Преступления в сфере внешнеэкономической деятельности в странах Евразийского экономического союза: сравнительно-правовое исследование	77
<i>Урда М.Н.</i> Признак «организация» в статье 322 ¹ УК РФ: проблемы толкования и значение для квалификации деяния	82
<i>Фазлиев А.А.</i> Правовое регулирование уголовной ответственности за нарушение антидопинговых правил в Российской Федерации	87

Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза, оперативно-разыскная деятельность

<i>Железняк Н.С.</i> О возможных путях оптимизации надзорной деятельности прокуратуры	92
<i>Каунов А.В.</i> Проблемные вопросы правовой регламентации гласного обследования нежилых помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств в оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел	98
<i>Охлупина А.Н.</i> К вопросу об информативности современной подписи	104
<i>Поляков Н.В., Юсупова О.А.</i> К вопросу о расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, на первоначальном этапе	109
<i>Стельмах В.Ю.</i> Некоторые проблемы отмены прокурором постановлений о приостановлении предварительного расследования и о прекращении уголовного дела	114

Гражданско-правовые отношения

<i>Ваймер Е.В.</i> Правовое регулирование деятельности инвестиционных платформ как направление развития цифровой экономики	119
<i>Кабанова Ю.С.</i> К вопросу о понятии семьи в современном российском законодательстве.....	124
<i>Кривоногов А.Н., Гончаров П.С.</i> К вопросу об определении авторов служебных результатов интеллектуальной деятельности	129
<i>Нажмутдинова П.М., Хайруллина Д.А.</i> Запретительные акты государства в отношении коронавируса как обстоятельство непреодолимой силы	133
<i>Портянова П.Д.</i> Дискретность права в области применения «права на забвение».....	138
<i>Семина Л.А.</i> Проблемы и перспективы противодействия обороту контрафактной продукции на современном этапе	145

CONTENTS

STATE AND LEGAL REGULATION OF PUBLIC RELATIONS

<i>Anichkin E.S., Rezinkin A.Yu.</i> Legal Consolidation of the Priorities of the Sco's Scientific and Technical Development and their Reflection in the National Legislation of China and India.....	7
<i>Kazantseva O.L., Mamedov R.Yu.ogli.</i> Local Self-Government in Russia: is there a Right to the Future?	14
<i>Loos E.V.</i> Determination of the Compensation for Moral Damage in Case of Attacks on the Honour and Dignity.....	20
<i>Nikulina A.V.</i> Revisiting the Relation Human Rights and Law-Making	25

ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESS

<i>Bekmyrzinova K.K.</i> Evidence in Cases of Administrative Offenses in the Field of Traffic	30
<i>Vechernikova D.V., Svetlova A.P., Tyryshkin V.V.</i> Procedural Status of a Witness and Victim within the Framework of Administrative Proceedings under Articles 5.61 and 20.1 of the Administrative Code of the Russian Federation.....	37
<i>Gauzhaeva V.A.</i> Some Aspects of the Modern Understanding of the Concept, Features and Composition of an Administrative Offense	41
<i>Shustikova M.V., Sumachev A.V.</i> Specifics of Public Order Protection during Sporting Events	46

CRIMINAL LAW, CRIMINOLOGY, PENAL LAW

<i>Gabeev S.V.</i> The Concept and Signs of Murder for Hire.....	50
<i>Didenko N.S., Kokoreva L.V., Torovkov A.A.</i> Qualification of Criminal Cases on Crimes under Article 245 of the Criminal Code: Problems of Law Enforcement Practice	55
<i>Dizer O.A.</i> Current Issues of Countering the Drug Threat: Trends and Areas of Improvement	62
<i>Ermakova O.V.</i> Modeling of Structure of a Crime: the Concept and Peculiarities of Implementation.....	68
<i>Zavarykin I.N.</i> Phenomenon, Social Psychological Grounds and Counteraction to Criminal Negligence	72
<i>Korennaya A.A.</i> Crimes in the Field of Foreign Economic Activity in the Countries of the Eurasian Economic Union: a Comparative Legal Study	77
<i>Urda M.N.</i> Sign «Organization» in Article 322 ¹ of the Criminal Code of the Russian Federation: Problems of Interpretation and Significance for the Qualification of the Act.....	82
<i>Fazliev A.A.</i> Legal Regulation of Criminal Responsibility for Violation of Anti-Doping Rules in the Russian Federation.....	87

CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINALISTICS, FORENSICS ENQUIRY, INVESTIGATIVE ACTIVITY

<i>Zheleznyak N.S.</i> Revisiting the Possible Ways to Optimize the Supervising Activity of the Prosecutor's Office.....	92
<i>Kaunov A.V.</i> Problematic Issues of a Legal Regulation of Public Inspection of Non-Residential Premises, Buildings, Constructions, Sites of the Area and Vehicles in Operational Search Activity of Law-Enforcement Bodies	98
<i>Okhlupina A.N.</i> Revisiting the Informative Modern Signature	104
<i>Poliakov N.V., Yusupova O.A.</i> On the Investigation of Crimes Related to Arms Trafficking at the Initial Stage.....	109
<i>Stelmakh V.Yu.</i> Some Problems of Cancellation by the Prosecutor of Decisions to Suspend Preliminary Investigation and about the Termination of Criminal Case	114

CIVIL LEGAL RELATIONS

<i>Vaimer E.V.</i> Legal Regulation of Activity of Investment Platforms as a Direction of Digital Economy Development.....	119
<i>Kabanova Yu.S.</i> On the Concept of Family in Modern Russian Legislation.....	124
<i>Krivosnogov A.N., Goncharov P.S.</i> On the Problem of Identifying Authors of Intellectual Property	129
<i>Nazhmutdinova P.M., Khairullina D.A.</i> Prohibition Acts of the State against Coronavirus as a Circumstance of Insuperable Force	133
<i>Portyanova P.D.</i> Discreteness of Law in the Application of «Right to Be Forgotten».....	138
<i>Semina L.A.</i> Problems and Prospects of Counteraction to Trafficking of Counterfeit Products at the Present Stage	145

Государственно-правовое регулирование общественных отношений

УДК 341.232.5

Е.С. Аничкин, доктор юрид. наук, доцент

Алтайский государственный университет

E-mail: rrd231@rambler.ru;

А.Ю. Резинкин, канд. филол. наук

Алтайский государственный медицинский университет

E-mail: aleksei-rezinkin@yandex.ru

ПРАВОВОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРИОРИТЕТОВ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ШОС И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В НАЦИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ КИТАЯ И ИНДИИ¹

В статье обосновывается необходимость повышения уровня интеграции стран – членов ШОС, присутствия государств-участников в мировой научно-технической повестке, обмена опытом и лучшими практиками, объединения ресурсов и усилий для совместного решения стоящих перед современным обществом «больших вызовов» в глобальном масштабе. Описывается опыт Китая и Индии по нормативному правовому закреплению приоритетов научно-технологического развития во внутреннем законодательстве.

Ключевые слова: международное научно-техническое сотрудничество, национальный и наднациональный уровни регулирования, региональные и межрегиональные интеграционные объединения, «большие вызовы», программно-целевое управление, стратегические программные документы.

E.S. Anichkin, Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

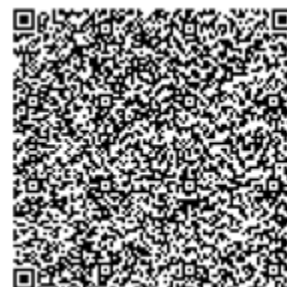
Altai State University

E-mail: rrd231@rambler.ru;

A.Yu. Rezinkin, Candidate of Philological Sciences

Altai State Medical University

E-mail: aleksei-rezinkin@yandex.ru

LEGAL CONSOLIDATION OF THE PRIORITIES OF THE SCO'S SCIENTIFIC AND TECHNICAL DEVELOPMENT AND THEIR REFLECTION IN THE NATIONAL LEGISLATION OF CHINA AND INDIA

The need for closer international scientific and technical ties in the SCO space is described, on the one hand, as an established global trend; and on the other hand, it is justified by the need to increase the level of integration of the member countries of this regional interstate association, the presence of member states on the world scientific and technical agenda, the exchange of experience and best practices, the pooling of resources and efforts to jointly more effectively address the «large challenges» globally. The experience of China and India in normatively fixing the priorities of scientific and technological development in national strategic regulatory documents is described, as well as the positive experience and effects of implementing state-owned comprehensive development programs for this area.

Key words: international scientific and technical cooperation, national and supranational levels of regulation, regional and interregional integration associations, “big challenges”, program-oriented management, strategic program documents.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (научный проект № 18-29-15011 «Принципы, источники и особенности правового регулирования международного научного и научно-технического сотрудничества и международной интеграции в области исследований и технологического развития в России и зарубежных странах Шанхайской организации сотрудничества»).

Международное научно-техническое сотрудничество (далее – МНТС) на рубеже XX-XXI вв. по праву оказывается в фокусе особого внимания как отдельных государств, так и имеющих влияние в современном мире международных организаций, различных межрегиональных объединений государств (Совет Европы, БРИКС, ЕврАзЭС, СНГ, АСЕАН, ШОС и др.). Почти все современные государства оценивают МНТС, которое выступает в межгосударственных отношениях средством объединения интересов в сфере науки, научно-технической политики и внешней политики, а также является механизмом развития научного потенциала и драйвером экономического роста внутри государства.

В Концепции МНТС РФ подчеркивается, что на межрегиональном и региональном уровнях международное научно-техническое сотрудничество РФ исполняется в приоритетном порядке с государствами-членами финансово-экономических и политических интеграционных объединений на постсоветском пространстве (СНГ, ЕАЭС, ОДКБ и Союзное государство России и Белоруссии) и в рамках организаций, участницей которых она является (ШОС, БРИКС, АТЭС, АСЕМ, СБЕР), а также во взаимодействии с другими международными структурами и торгово-экономическими форматами (ЕС, АСЕАН, МЕРКОСУР, Африканским союзом и др.), в частности, с целью гармонизации норм, правил и координации научно-технических мероприятий ради обеспечения целей, задач и приоритетов МНТС России и реализации глобальной научно-технической повестки, связанной с преодолением «больших вызовов» [4].

В.М. Шугуров отмечает, что в подобном взаимодействии определение научно-технологической и инновационной политики и формирование повестки новым содержанием на всех уровнях происходят более интенсивно. В данной связи особой актуальностью начинает характеризоваться анализ не только преобразований во внутригосударственных и внутрирегиональных процессах в научно-технической и инновационной сферах, но и трансформаций по линии международного научно-технологического и инновационного партнерского взаимодействия региональных объединений государств [14].

Как отмечает ряд исследователей из Высшей школы экономики, в последнее время проводятся активные обсуждения вопроса о будущем науки и технологий, их значении в поступательном развитии общества и основных сфер общественной деятельности, а также актуальных вопросов формирования и осуществления научно-технической политики, и главным посылом этих дискуссий выступает потребность принимать во внимание настоящие и будущие глобальные изменения и детерминирующие их внеш-

ние и внутренние, а также эксплицитные и имплицитные факторы [1, с. 5].

По мнению некоторых экспертов Российского совета по международным делам, современный мир сталкивается с большим количеством проблем глобального характера, или «глобальных вызовов» (Global Challenges), решение которых требует объединения усилий многих государств [7, с. 41]. Среди таких проблем Всемирный банк, например, выделяет: *глобальное потепление и изменение климата, охрану окружающей среды, распространение опасных заболеваний, сохранение биоразнообразия, управление ресурсами, включая использование Мирового океана и космического пространства в интересах всего человечества* [16]. В этом ключе консолидация усилий отдельных стран в решении глобальных проблем является устоявшимся современным трендом в международном научно-технологическом сотрудничестве.

В Концепции МНТС РФ отмечается, что направленность международной научно-технологической повестки на решение задач и поиск ответов, связанных с «Большими вызовами», обуславливает расширение и углубление кооперации участников глобальных научно-технологических процессов [4]. Оживление МНТС продиктовано также повышением уровня мобильности научных кадров, интенсивным развитием в области цифровых и коммуникационных технологий, приводящих, в свою очередь, к росту глобальной доступности результатов научных исследований и разработок, возникновению современных сетевых форм партнерств в области научно-технологического и инновационного взаимодействия.

В Стратегии развития ШОС до 2025 года указывается, что на сегодняшний день имеются определенные основания для выведения ШОС на качественно новый уровень, отличительной чертой которого будет возрастание участия в делах всего макрорегиона, а также в процессе глобального регулирования, увеличение результативности взаимодействия в области экономики, финансов, политики, безопасности, экологии, развития культурных и гуманитарных связей, научно-технологического сотрудничества [13].

В сентябре 2013 г. в Бишкеке было подписано Соглашение между правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о научно-технологическом сотрудничестве, ставшее главным документом, регулирующим МНТС между государствами, входящими в данную региональную организацию [11]. В статье 1 данного Соглашения были совместно определены *приоритетные направления* в сфере научно-технологического сотрудничества государств – членов ШОС:

- охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов;
- науки о жизни;

- сельскохозяйственные науки;
- наносистемы и материалы;
- информационные и телекоммуникационные технологии;
- энергетика и энергосбережение;
- науки о Земле, в т.ч. сейсмология и геология.

Стратегия развития ШОС до 2025 года также отмечает приоритетными направлениями МНТС в рамках ШОС *передовые природоохранные технологии, возобновляемые и экологически чистые источники энергии, энергоэффективность в интересах устойчивого развития.*

При этом необходимо отметить, что указанные приоритеты в области научно-технического сотрудничества в рамках ШОС были согласованы и определены государствами *в соответствии с национальным законодательством, исходя из приоритетов научно-технического развития отдельных государств, входящих в ШОС.*

В настоящей статье мы дадим краткую характеристику и анализ приоритетов научно-технологического развития Китая и Индии как динамично развивающихся в современных условиях в области науки и техники государств – членов ШОС и нормативное закрепление данных приоритетов в национальном законодательстве государств, входящих в ШОС.

В современной ситуации **Китай** как один из ведущих участников данной региональной организации может являться определенным ориентиром для других членов ШОС во многих сферах развития, в т.ч. в области научно-технологического развития.

На сегодня Китай представляет собой одно из активно развивающихся в научно-технологическом плане государств мира: динамично эволюционирует производство наукоемкой продукции; ежегодно увеличивается на 20% объем финансирования научных исследований; число исследователей в республике каждый год повышается в среднем на 9%, и за последние годы китайские ученые показали несколько крупных достижений в научно-технологической области (например, открыты высокотемпературная сверхпроводимость в материалах на основе железа, новый вид нейтринных осцилляций, квантовый аномальный эффект Холла, способ индукции плюрипотентных стволовых клеток и кристаллической структуры человеческого переносчика глюкозы GLUT1 и др.) [8, с. 53]. В современном Китае активно развивается система внедрения результатов НИОКР [5].

Необходимо отметить, что значимые достижения китайской науки во многом обоснованы действенной реализацией государственных программ, нацеленных на поступательное движение вперед в области науки и технологий, а также экономическими реформами, обеспечившими заметные темпы подъема национальной экономики и вероятность

размеренного финансирования научно-технологической сферы.

Приоритетные направления научно-технологического развития КНР установлены в следующих основных нормативных стратегических документах:

- Национальный средне- и долгосрочный план развития науки и технологий на период с 2000 по 2020 гг.;
- Государственная программа развития науки и технологий на 2006-2020 годы;
- 13-ая пятилетняя Государственная научно-техническая и инновационная программа;
- Стратегия «Решения по ускорению реформ научно-технической системы и построению национальной инновационной системы»;
- Программа «Дальнейшие реформы научно-технической системы и построение инновационной системы на основе предпринимательства».

В Национальном средне- и долгосрочном плане развития науки и технологий на период с 2000 по 2020 гг. сформулированы *несколько основных задач национальной научно-технической политики КНР:*

- увеличение внутренних затрат на исследования и разработки до 2,5% от ВВП;
- повышение отдачи от технологических достижений для экономического роста страны более чем на 60%;
- ослабление зависимого положения Китая от импорта технологий (импортируемые технологии должны обеспечивать не более 30% внутреннего рынка);
- увеличение количества зарегистрированных патентов;
- повышение уровня цитируемости китайских исследователей.

Данная программа предусматривает реализацию больших научных проектов, а также широкое внедрение промышленных инноваций и коммерциализацию ноу-хау [10, с. 9].

Тематические приоритеты научно-технологического развития КНР, сформулированные в Государственной программе развития науки и технологий на 2006-2020 годы:

- биотехнологии;
- информационно-коммуникативные технологии;
- морские технологии;
- лазерные технологии;
- аэрокосмические технологии;
- энергетика;
- новые материалы;
- передовое машиностроение и промышленное оборудование.

Основной курс и тренды в области науки, техники и инноваций КНР зафиксированы в 13-ой пятилетней Государственной научно-технической и инновационной программе с целью осуществления

стратегии инновационного развития государства. Большое внимание в программе уделяется повышению согласованности программ развития городских и сельских регионов, увязыванию процессов развития информатизации, индустрии, урбанизации и модернизации сельского хозяйства, ориентации на «зеленую» экономику, усилению интернационализации инноваций в области науки и техники, росту процессов коммерциализации и внедрения инновационно-технологических разработок посредством стимулирования широкой предпринимательской и инновационной активности. Большое значение в таком контексте приобретает мониторинг и экспертиза научно-технических проектов, а также воспроизводство научных кадров. В русле программ «Made in China 2025» и «Укрепление основ развития промышленности» предполагается продвигать в промышленное производство новые технологии, такие как «Интернет плюс», «Интернет вещей», «Большие данные». В этой связи также планируется расширение международного сотрудничества, которое будет основываться на принципах открытой научно-технической и инновационной политики и интеграции в глобальную инновационную сеть.

Программа «Made in China 2025» ориентирована на организацию более совершенной промышленной индустрии, которая будет готова создавать продукцию с высокой добавленной стоимостью, соизмеримую с товарами развитых экономик, а также на формирование и дальнейший рост внутренних производственных инноваций и создание локальных брендов. В этой связи предполагается осуществлять протекцию 10 базовым производственным отраслям (машинное оборудование и робототехника, регенеративная медицина, производство чипов, судостроение, железнодорожное сообщение, энергетическое оборудование, автомобили с использованием энергосберегающих технологий и новых источников энергии и др.) [2].

Общим координатором реализации данных программ является Министерство науки и технологий КНР, на которое возложены такие функции, как:

- разработка политики, стратегий, формирование приоритетных направлений развития в научно-технологической области; подготовка необходимых законодательных актов и регламентов осуществления научной и инновационной деятельности;
- координирование научных исследований и разработок в фокусе приоритетных направлений научно-технологического развития Китая;
- поддержка развития международного научно-технического сотрудничества, обмена лучшими практиками [цит. по 8, с. 53-54].

Министерство науки и технологий КНР осуществляет выполнение указанных выше задач, применяя

программно-целевое управление, основным инструментом которого являются *ключевые программы* (Key Programs):

- Национальная программа исследований и разработок в области ключевых технологий (National Key Technologies R&D Program);
- Национальная программа высокотехнологичных исследований и разработок (National High-Tech R&D Program);
- Национальная программа ключевых проектов в области фундаментальных исследований (National Program on Key Basic Research Projects);
- программы «Создание научно-исследовательских инфраструктур» (Construction of S&T Infrastructures) и «Создание научно-технологической промышленной среды» (Construction of S&T Industrial Environment) [15].

В Китае динамично развивается программа «Умный город», представляющая собой градостроительную концепцию объединения ряда информационных и коммуникационных технологий и «Интернета вещей» с целью более эффективного управления муниципальной территорией. Предполагается также формирование некоторых промышленных союзов:

- Китайский стратегический альянс поддержки промышленных технологических инноваций «умных городов»;
- Китайский промышленный альянс «умных городов»;
- Альянс развития «умных городов».

В Китае в 2012 г. создан специализированный фонд развития малых и средних инновационных предприятий. Базовой институциональной формой инфраструктурной поддержки инновационного развития малого и среднего предпринимательства выступают зоны новых и высоких технологий, или технопарки [12].

Ю.Г. Лаврикова, Е.Л. Андреева и А.В. Ратнер, сравнивая в своей работе научно-технологическое развитие Китая и России, отмечают следующие характерные для современной КНР черты:

- обладание необходимой ресурсной базой, в т.ч. человеческими ресурсами для осуществления экономического роста и научно-технологического прогресса;
- осознание приоритетности научно-технологического прогресса для поступательного и устойчивого развития и модернизации экономики, инновационного роста, усиления конкурентоспособности национальных товаров на внутреннем и международном рынках, адекватного встраивания в международное разделение труда; необходимость во внедрении научно-технологических разработок в современное производство, в т.ч. за счёт международной

кооперации – все это нашло справедливое отражение в стратегических программных документах;

- специализация на мировом рынке Китая как производителя машин, оборудования и транспортных средств;

- трансформация КНР из мирового центра сборки изделий в высокотехнологичную экономику;

- активная практика внедрения и применения на мировом рынке китайских разработок [6, с. 56].

Программно-целевой подход в государственном регулировании научно-технической сферы и нормативное закрепление ее приоритетных направлений развития в стратегических программных документах позволяют Китаю интенсивно развиваться в инновационном плане и задавать определенный тон, служить лучшей практикой для других государств – членов ШОС.

Республика Индия только в 2019 г. стала полноправным членом ШОС, хотя взаимодействие государств, в т.ч. по линии научно-технического сотрудничества, происходило также в рамках межгосударственного объединения БРИКС. Однако следует отметить, что Индия наряду с Китаем также является страной, интенсивно развивающейся в инновационном и научно-технологическом планах.

На законодательном уровне приоритеты развития науки и технологий Индии определяются следующими документами, отчасти носящими так же, как и в Китае, программный характер регулирования данной сферы жизнедеятельности:

- Прогноз научно-технологического развития Индии на период до 2020 г., разработанный Советом по технологическому прогнозированию;

- Заявление о политике в области науки и технологий (2003 г.);

- Двенадцатый пятилетний план на 2012-2017 гг.;

- Научно-техническая и инновационная политика Индии (принята в 2013 г.);

- Десятилетие инноваций 2010-2020 гг.;

- Доклады Консультативного научного комитета Кабинету министров Индии и указы соответствующих министерств.

Необходимо отметить, что современная научно-технологическая политика Индии отличается преемственностью и социальной ориентированностью, а также тем, что государство играет главную роль в научно-технологическом развитии страны и является крупнейшим инвестором в данной сфере.

В 2014 году премьер-министр Индии Нарендра Мори выдвинул инициативу «Делайте в Индии (Made in India)», предусматривающую «превращение страны в глобальный инжиниринговый и промышленный хаб» [3, с. 38]. Данные программы были приняты в свое время во многих государствах, в т.ч., как упоминалось уже выше, и в Китае.

Современные приоритетные направления развития научно-технологической сферы в Индии, зафиксированные в научно-технической и инновационной политике республики, в общем и целом соотносятся с приоритетами Китая в данной области, а также с обозначенными выше приоритетами государств – членов ШОС. Такими приоритетными направлениями являются:

- наука о космосе и космические технологии;

- ядерная физика и атомные технологии;

- нанотехнологии;

- биотехнологии;

- здравоохранение и разработка лекарственных препаратов;

- сельское хозяйство и сельскохозяйственные технологии;

- ИКТ, в т.ч. высокопроизводительные вычисления;

- энергобезопасность и возобновляемые источники энергии (солнечная энергетика);

- питьевая вода и управление водными ресурсами;

- промышленность и энергетика, технологии производства;

- транспорт;

- пищевая промышленность;

- освоение океана;

- автомобилестроение – электромобили и гибридные электромобили;

- окружающая среда и изменение климата [8, с. 57].

Общность приоритетов и интересов в сфере науки и технологий Индии с такими локомотивами развития сотрудничества в ШОС, как Россия и Китай, позволила, на наш взгляд, перейти Индии из статуса наблюдателя в категорию стран-участниц ШОС.

Сравнивая научно-технологическое развитие Китая и Индии, можно выделить общие для них направления развития научно-технической сферы: биотехнологии, ИКТ, морские технологии, космические технологии, энергетика, машиностроение. Специфичными, например, для Индии являются такие направления, как ядерная физика и атомные технологии, что связано с актуальным вопросом развития данного вида источников энергии в этой стране, а также питьевая вода и управление водными ресурсами, пищевая промышленность, что обусловлено проблемой нехватки чистой пресной воды и продуктов питания в некоторых штатах Индии.

Как указывает Т.В. Никифорова, сотрудничество между Индией и Китаем приведет к «азиатскому веку информационных технологий». В этом сотрудничестве КНР проявляет интерес к совместной работе с Индией в сфере космических исследований, а именно в использовании данных космического компью-

терного мониторинга для сельского хозяйства и экологических программ. Также Китай заинтересован в индийских технологиях изготовления микрочипов, геной инженерии, биологических исследований, исследований материалов, оптической и радиоастрономии [9, с. 66].

При сравнительном анализе научно-технологического развития Китая и Индии также можно наблюдать схожие тренды в развитии нормативно-программной базы научно-технологического развития двух стран. В Китае и Индии разработан целый пакет нормативно-правовых документов стратегического характера на основе программно-целевого подхода в управлении сферой науки и технологий. Имеется ряд государственных программ, ориентированных на прорывное научно-технологическое развитие в обоих государствах. Регулирование научно-технологической сферы является компетенцией государственных структур.

В определении приоритетных направлений в сфере научно-технического сотрудничества Китая и Индии как государств – членов ШОС, а также их соотношении с приоритетами в сфере научно-технического сотрудничества государств – членов ШОС, закрепленных в Соглашении о МНТС государств – членов ШОС, как нам представляется, можно выделить несколько ведущих факторов.

Объективным фактором, несомненно, является «привязка» данных критериев к актуальным, проблемным и в то же время представляющим совместный интерес областям жизнедеятельности в государствах – членах ШОС.

Следующим фактором может являться ответ на потребность в новых технологиях со стороны базовых отраслей национальных экономик, являющихся основным драйвером научно-технологического развития в государствах – членах ШОС. В этой связи государства – участники региональной организации должны ориентироваться на глобальную научно-техническую и инновационную повестку, на мониторинг исследований и разработок мирового уровня в научно-технологической сфере, использование передовых научных знаний и технологий в национальном производственном секторе, а также экспорт собственной инновационной высокотехнологичной продукции в другие страны.

Еще одним фактором мы считаем общую стратегию государств – членов ШОС на устойчивое развитие и адекватную реакцию на соответствующие угрозы национальной безопасности. Так, учитывая при-

обретающие в современном мире особую актуальность для стран ШОС вопросы продовольственной безопасности, одним из приоритетных направлений сотрудничества государств – членов региональной организации является сельское хозяйство. И в качестве ответов на данные вызовы, например, планируются реализация сетевых высокотехнологичных программ по производству и переработке сельскохозяйственной продукции, использование инновационных технологий в аграрном комплексе, в т.ч. в продовольственном секторе и т.п.

Отмеченные приоритеты и научно-технические области для сотрудничества являются, с одной стороны, базовыми направлениями, а с другой стороны, носят общий характер, и в рамках того или иного направления могут разрабатываться более узкие темы. Также следует отметить, что указанный перечень приоритетных направлений не является закрытым и возможны другие взаимосогласованные области сотрудничества.

Предметные приоритеты МНТС государств – членов ШОС определяются исходя из долгосрочных трендов и общемировой линии развития определенных областей науки и отраслей экономики, потенциала государств – членов ШОС, наличия необходимых ресурсов и иных факторов.

Содержание и формы МНТС государств – членов ШОС видоизменяются в зависимости от географического положения стран, интересов каждого и взаимных интересов, степени их развития в сфере науки и технологий, инновационного потенциала, ресурсной базы, конкурентных преимуществ научно-технологического потенциала отдельных стран и других обстоятельств.

Также международное научно-технологическое сотрудничество государств – членов ШОС должно принимать во внимание глобальную геоэкономическую картину и ее выражение в мировой торговле и производстве, а также такие факторы научно-технологического сотрудничества участников данного регионального объединения, как место стран в глобальном инновационном развитии, близкие национальные приоритеты научно-технологического развития и аналогичные виды программных документов. Применение подобных подходов позволит максимально имплементировать национальные приоритеты научно-технологического сотрудничества государств – членов ШОС в наднациональный уровень регулирования данной сферы сотрудничества.

Литература

1. Глобальные тренды и перспективы научно-технологического развития Российской Федерации: краткие тезисы: доклады к XVIII международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 11-14 апреля 2017 г. / Л.М. Гохберг, А.В. Соколов, А.А. Чулок и др. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017.

2. Индия vs. Китай: гонка инноваций уже началась // Вести. Экономика. 22.07.2015. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/60402>.
3. Кириченко И.В. Индия: актуальная инновационная политика // Азия и Африка сегодня. 2018. № 11. С. 34-41.
4. Концепция международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации (одобрена решением Правительства Российской Федерации от 8 февраля 2019 г. № ТГ-П8-952). URL: france.mid.gouv.fr/upload/iblock/7f8/...pdf.
5. Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай – Россия – 2050: стратегия соразвития. М.: Институт экономических стратегий, 2006.
6. Лаврикова Ю.Г. Научно-технологическое развитие России и Китая: компаративный анализ и перспективы сотрудничества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 4.
7. Международное научно-техническое сотрудничество Российской Федерации: краткий обзор и вопросы развития / гл. ред. И.С. Иванов. М.: Спецкнига, 2014.
8. Методическое пособие по участию российских научных организаций и университетов в международной научно-технической деятельности / А.Г. Пикалова, Е.Г. Насыбулина, А.В. Соколов и др. М.: НИУ ВШЭ, 2017.
9. Никифорова Т.В. Научно-исследовательская деятельность в Индии: особенности государственного регулирования // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2009. № 2. С. 58-68.
10. Салицкая Е.А. Научно-технологический комплекс КНР: опыт развития // Наука. Инновации. Образование. 2013. № 14. С. 7-22.
11. Соглашение между правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о научно-техническом сотрудничестве. URL: <http://www.docs.cntd.ru/document/499074151>.
12. Справка об инструментах поддержки инноваций и стимулировании спроса на инновации в КНР // Инновации: информационный портал Минэкономразвития России. URL: innovation.gov.ru/sites/.../gosudarstvennoe_regulirovanie_innovacionnoy-2.doc.
13. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года. URL: <http://www.static.kremlin.ru/media/events/files/ru/...pdf>.
14. Шугуров М.В. Международное измерение научно-технологической интеграции ЕАЭС в контексте стратегии устойчивого развития: политико-правовые основы // Lex Russica. № 8 (153), август 2019. URL: file:/mejdunarodnoe-izmerenie-nauchno-tehnologicheskoi-integratsii-eaes-v-kontekste-strategii-ustoi-chivogo-razvitiya-politiko-pravov-e-osnov.pdf.
15. China national medium and long-term plan for the development of science and technology. URL: itu.int/...ITU...Cybersecurity...National...China_2006.pdf.
16. URL: <http://www.web.worldbank.org/wbsite/external/extaboutus/0,,contentMDK:20627105~pagePK:51123644~piPK:329829~theSitePK:29708,00.html>.

УДК 352.075

О.Л. Казанцева, канд. юрид. наук

Алтайский государственный университет

E-mail: verwaltung@mail.ru;

Р.Ю. оглы Мамедов, доктор философии по праву, доцент

Академия полиции МВД Азербайджанской Республики

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: ЕСТЬ ЛИ ПРАВО НА БУДУЩЕЕ?

Местное самоуправление представляет собой разновидность публичной власти, источником которой в Российской Федерации является многонациональный народ. До внесения предлагаемых поправок в Конституцию РФ, которые были разработаны в соответствии с Посланием Президента РФ от 15 января 2020 г., де-юре закрепляются организационная самостоятельность местного самоуправления и невхождение органов местного самоуправления в систему органов государственной власти. Де-факто российская государственность характеризуется «встраиванием» местного самоуправления в единую вертикаль государственной власти. Поправки в Конституцию РФ касаются в том числе организации государственной власти и местного самоуправления, закрепляют вхождение органов местного самоуправления в единую систему публичной власти и выполнение публичных функций и полномочий органами местного самоуправления во взаимодействии с органами государственной власти. Вместе с тем понятие публичной власти в Конституцию РФ не вносится, что не позволяет окончательно разрешить вопрос о формах и принципах взаимодействия государственной власти и местного самоуправления. В этой связи авторами исследуются перспектива развития местного самоуправления и его право на дальнейшее существование как демократического института.

Ключевые слова: публичная власть, местное самоуправление, конституционные ценности, государственная власть, система.

O.L. Kazantseva, Candidate of Juridical Sciences

Altai State University

E-mail: verwaltung@mail.ru;

R.Yu. ogli Mamedov, Doctor of Philosophy in Law, assistant-professor

Police Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Azerbaijan

LOCAL SELF-GOVERNMENT IN RUSSIA: IS THERE A RIGHT TO THE FUTURE?

Local government is a form of public authority, the source of which in the Russian Federation is a multinational people. In anticipation of the next constitutional and legal reform, the legislator's approach to determining public authority and the place of local self-government in its system is of interest. Prior to the introduction of the proposed amendments to the Constitution of the Russian Federation, which were developed in accordance with the Address of the President of the Russian Federation of January 15, 2020, the organizational independence of local self-government and non-entry of local self-government bodies into the system of state authorities are fixed de jure. De facto Russian statehood is characterized by "embedding" local government in a single vertical of state power, which is expressed in a strict definition of the legal foundations of local self-government, narrowing its independence, increasing the volume of individual state powers transfer⁵⁹red to the local level of government, and reducing sources of funding. Amendments to the Constitution of the Russian Federation concern, inter alia, the organization of state power and local self-government, consolidate the entry of local self-government into a unified system of public power and the performance of public functions and powers by local self-government in cooperation with public authorities. At the same time, the concept of public authority is not included in the Constitution of the Russian Federation, which does not allow to finally resolve the issue of the forms and principles of interaction between state power and local self-government. In this regard, the author explores the prospect of the development of local self-government and its right to further existence as a democratic institution.

Key words: public authority, local government, constitutional values, state power, system.

На протяжении последних двадцати лет актуальной является проблема реформирования местного самоуправления и определения его места в системе публичной власти. Перманентное состояние местного самоуправления объясняется отсутствием четкой последовательной государственной политики в этой сфере.

Поскольку правовые основы местного самоуправления определяются государством и именно в них закладывается модель современного местного самоуправления, закрепляются формы и принципы его взаимодействия с органами государственной власти, представляется необходимым решить вопрос о соотношении государственной власти и местного самоуправления, определяя порядок их взаимоотношений друг с другом.

Можно относиться к местному самоуправлению по-разному, и как к самостоятельной разновидности публичной власти, наиболее приближенной к населению – и как к продолжению власти государственной на местах, и как к лишнему элементу в единой системе государственной власти, но нельзя игнорировать положения Конституции РФ, закрепляющие местное самоуправление как важнейшую основу конституционного строя Российского государства, демократический институт, без которого немислимо любое развитое правовое, демократическое государство.

Безусловно, развитие общественных отношений, в т.ч. и в сфере местного самоуправления, диктует новые условия их регулирования, однако концепция развития местного самоуправления должна быть единой и реализовываться она должна не в спешке, а планомерно и поступательно, без каких-либо потрясений в этой сфере, поскольку проводимые реформы имеют свойство отражаться в первую очередь на местном уровне. Метод «проб и ошибок» в данном случае неприемлем, поскольку влечет негативные для формирования организационных, компетенционных, территориальных, экономических основ местного самоуправления последствия.

Представляется, что выстраивание действенной модели местного самоуправления усилит позиции государства, а также послужит защите прав интересов граждан на решение вопросов местного значения в пределах территорий муниципальных образований.

Вопросы оценки системы и структуры публичной власти, реформ и исследования проблем в сфере местного самоуправления в России рассматривались в трудах С.А. Авакьяна, Р.В. Бабуна, Н.С. Бондаря, Т.М. Бялкиной, В.И. Васильева, А.Н. Кокотова, А.Н. Костюкова, С.Г. Соловьева, Т.В. Сумской, В.Е. Чиркина, А.Н. Швецова, Е.С. Шоминой, Е.С. Шугриной и др. Ученые анализировали проблемы правового регулирования местного самоуправления, дальнейшего развития его основ, участия насе-

ления в осуществлении власти на местах, предлагали варианты их решения [3, 5, 6, 7, 8, 18, 19, 26, 28, 30].

Ежегодное Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 15 марта 2020 г. актуализировало имеющиеся дискуссии относительно будущего у российского местного самоуправления, поскольку ознаменовало проведение новой конституционной реформы, в которую вовлечено также и местное самоуправление, являющееся частью публичной власти. В Послании Президент РФ уделил особое внимание усилению роли органов местного самоуправления и введению их в единую систему публичной власти. В соответствии с положениями ныне действующей Конституции РФ органы местного самоуправления являются организационно самостоятельными и не входящими в систему государственной власти. Именно органы власти на местах обеспечивают решение наиболее жизненно важных, насущных вопросов населения. Предполагается, что предложенные изменения в Конституцию РФ позволят напрямую вовлекать органы местного самоуправления в реализацию государственной политики во всех сферах государственного управления, приведут к усилению контроля государства за местным самоуправлением, усилят регулирующее воздействие органов государственной власти на местное самоуправление.

Обусловлено это, видимо, тем, что местное самоуправление не зарекомендовало себя как эффективный вид публичной власти, надлежащим образом осуществляющий возложенные на него полномочия. В последнее время все чаще можно встретить критику работы местной власти, недовольство со стороны органов государства, укоры в адрес органов местного самоуправления со стороны населения. Но если разобратся, то этому способствует ряд в том числе и объективных причин.

Прежде всего, определимся с понятием публичной власти. С.А. Авакян под публичной властью в широком смысле понимает власть государственную, общественную и власть местного самоуправления [1, с. 139-141]. Поскольку Основной закон Российского государства закрепляет две формы осуществления публичной власти, а именно государственную власть и местное самоуправление, то в рамках данной статьи именно они будут представлять интерес. Власть принадлежит народу, а это значит, что именно народ является главным субъектом ее осуществления (ст. 3 Конституции РФ) [15]. При этом он может осуществлять ее непосредственно либо через формируемые органы государственной власти и местного самоуправления. Ряд статей Конституции РФ закрепляет единство сущности публичной власти (ст. 1, 3, 10, 11 и 12), у нее единое предназначение, территориальный принцип функционирования в зависимости от уровня ее осуществления, правотвор-

чество, однако есть и специфика в реализации государственной власти и местного самоуправления. Так, например, государственная власть осуществляется на основе принципа разделения властей, который зиждется на четком разграничении полномочий между тремя ветвями власти. Для местного самоуправления данный принцип конституционно не закрепляется, но о разграничении полномочий между представительными и исполнительно-распорядительными органами тоже можно вести речь. У государственной власти и местного самоуправления совершенно разные уровни (местное самоуправление наиболее приближено к населению), различные масштабы деятельности и территория осуществления, государственная власть суверенная, а местное самоуправление – власть подзаконная.

Свою позицию по вопросу отнесения органов местного самоуправления к органам публичной власти выразил Конституционный Суд РФ в постановлениях от 24 января 1997 г. № 1-П, от 15 января 1998 г. № 3-П, где указал, что публичная власть может быть и муниципальной [24, 25]. Таким образом, закрепление муниципальной власти в качестве вида публичной власти в Конституции РФ отражает фактическое состояние дел.

Европейская хартия местного самоуправления использует термин «публичные дела», значительную часть которых должны решать органы местного самоуправления, закрепляет самостоятельность местного самоуправления при их осуществлении и использовании финансовых и материальных ресурсов [9]. Вместе с тем основной проблемой муниципалитетов является слабая экономическая основа, которая не позволяет эффективно решать возложенные на них вопросы местного значения, не дает возможности исполнять годами копившиеся судебные решения, способствует оттоку квалифицированных кадров из органов местного самоуправления, осознающих свою немощность в решении стоящих перед ними задач [10].

На первый взгляд нейтральные поправки в Конституцию РФ в сфере местного самоуправления могут получить различное правовое регулирование в тексте Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [23], а также в иных федеральных законах, а изменения эти неизбежны.

Учитывая нарастающие тенденции огосударствления местного самоуправления, происходящие в последнее время, можно предположить, что и в дальнейшем влияние органов государственной власти на местное самоуправление будет только возрастать [2, 12]. В качестве одного из последних примеров влияния органов государственной власти на форми-

рование органов местного самоуправления можно привести замену процедуры прямых выборов глав муниципальных образований на конкурсную. Жители муниципальных образований лишены реальной возможности повлиять на то, кто станет главой муниципального образования. Окончательное решение принимается представительным органом, мнение которого относительно кандидата на должность главы муниципального образования может не совпадать с мнением населения. Ряд ученых, экспертов, практиков в сфере местного самоуправления и судей Конституционного Суда РФ считают такое вмешательство органов государственной власти в работу местного самоуправления не соответствующим положениям Конституции РФ [16, 17]. Однако при внесении в ст. 131 Конституции РФ поправок о том, что в случаях и порядке, установленных федеральным законом, органы государственной власти вправе участвовать в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления, такое вмешательство будет очевидным.

Еще одним примером государственного вторжения в сферу местного самоуправления может служить укрупнение муниципальных образований. Трендом государственной политики в 2003 г. явилось максимальное приближение местной власти к населению, в этой связи в период с 2003 по 2009 гг. количество муниципальных образований в России было увеличено более чем в 2 раза (в 2003 г. – 11 600, в 2009 г. – 24 160). Однако сделано это было также в спешке и без учета финансовых возможностей и способностей муниципальных образований справляться с возложенными на них полномочиями.

В настоящее время наблюдается процесс объединения муниципальных образований, ликвидируется поселенческий уровень, сокращается количество органов местного самоуправления объединенных муниципальных образований, упраздняются бюджеты, сворачивается муниципальное нормотворчество муниципальных образований. Решение об участии в объединении принимают представительные органы соответствующих поселений, выражая зачастую свое собственное мнение, а не мнение населения. По прогнозам процедура укрупнения муниципальных образований должна привести к существенной экономии бюджетных средств, сокращению излишнего количества муниципальных служащих и более качественному решению вопросов местного значения.

Однако практика укрупнения муниципальных образований не принесла долговременного экономического эффекта, а создала дополнительные сложности участия населения в осуществлении местного самоуправления и получении муниципальных услуг

в преобразованных муниципальных образованиях. В этом смысле централизация управления, которая была достигнута отчасти укрупнением муниципальных образований, не дала положительных результатов, не привела к эффективности управления на низовом уровне публичной власти, потому что на местах проблемы были лучше видны, а решать их не хватало полномочий.

Наконец, еще одно нововведение касается перераспределения полномочий между органами государственной власти субъектов РФ и местного самоуправления. В соответствии со ст. 1, п. 7 ст. 2 Федерального закона от 27.05.2014 № 136-ФЗ субъекты РФ вправе перераспределять полномочия между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта РФ на основании регионального закона на срок не менее срока полномочий соответствующего представительного органа субъекта РФ, а также устанавливать дополнительные вопросы местного значения городских округов с внутригородским делением [20]. Иными словами, органы государственной власти субъекта РФ могут вмешиваться в осуществление местного самоуправления, что противоречит конституционному принципу самостоятельности местного самоуправления (ст. 12 Конституции РФ).

Вместе с тем право граждан на местное самоуправление считается незбылемым, и вмешательство органов государственной власти в этот процесс может рассматриваться как серьезное нарушение Конституции РФ. Однако вносимые в нее изменения могут послужить благодатной почвой для сворачивания местных инициатив и самостоятельности муниципалитетов, а главным субъектом осуществления местного самоуправления станет не население, а органы местного самоуправления, встраиваемые в единую вертикаль власти.

Как видно из вышеприведенных примеров развития законодательства в сфере местного самоуправления, закрепленная на конституционном уровне самостоятельность местного самоуправления существенно ограничивается, существенных мер по укреплению экономических основ не принимается, что подрывает жизнеспособность российского местного самоуправления [13].

Государство стоит перед выбором либо предоставить самостоятельность местному самоуправлению, а населению реальное право самому управлять территорией и решать местные дела, укрепив его общественную природу, либо взять «под свое крыло», встраивая общую единую иерархию органов власти, признавая, что само население неспособно осуществлять принадлежащую ему власть.

Очевидно, что избранный вектор развития местного самоуправления будет влиять на будущее не

только самого местного самоуправления, но и на развитие государства в целом.

Одним из определяющих в реализации государственной политики является Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», который закрепил, что национальными интересами на долгосрочную перспективу являются в том числе укрепление национального согласия, политической и социальной стабильности, развитие демократических институтов, совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества [21]. В части развития демократических институтов в России, важнейшим из которых является местное самоуправление, ситуация не до конца понятна.

Истинная демократизация характеризуется децентрализацией власти и ресурсов [14, с. 39], а по факту разрастающаяся бюрократизация власти не способствует доверию сформированным органам власти, вследствие чего появляется отчуждение народа от власти, неприятие ее. Избранники народа забывают о своем предназначении, намереваясь как можно дольше задержаться на своих постах, заботясь прежде всего о своем благополучии, а сам народ становится заложником государственного аппарата, который принимает управленческие решения, учитывая исключительно свои собственные интересы [2].

Проблема выбора пути развития местного самоуправления касается не только нашего государства. Девяностые годы в Азербайджане характеризуются проведением конституционной и муниципальной реформ. Х. Дж. Исмаилов отмечает, что государственная власть и местное самоуправление в Азербайджане являются видами публичной власти, органы которых осуществляют деятельность, связанную с общим назначением – обеспечением интересов населения [11, с. 25]. Выбранная Азербайджанской Республикой модель основана на таком понятии местного самоуправления, как особая форма публичной власти на местах. В соответствии со ст. 1 Закона Азербайджанской Республики от 2 июля 1999 г. № 698-ІQ местное самоуправление в Азербайджанской Республике – это такая система организации деятельности граждан, которая предоставляет им возможность для осуществления права в рамках закона самостоятельно и свободно решать вопросы местного значения и осуществлять часть государственных дел во имя интересов местного населения в соответствии с ч. II ст. 144 Конституции Азербайджанской Республики [22].

В то же время самостоятельность органов местного самоуправления ограничивается юридической силой международных актов, участником которых является государство, наблюдается тенденция к сокращению численности муниципалитетов.

Двуединая (общественная и государственная) природа местного самоуправления сыграла с ним злую шутку. С одной стороны, местное самоуправление не может быть исключительно общественным, поскольку это хоть и публичная власть, но власть с присущими ей атрибутами. С другой стороны, государство признает и гарантирует местное самоуправление, а следовательно, должно обеспечивать его нормальное развитие и принимать участие в его организации. Как отмечает Н.А. Тарабан, «вопрос о том, является ли институт российского местного самоуправления институтом гражданского общества или ступенью властной вертикали, остаётся открытым» [29, с. 49]. Представляется необходимым обеспечить баланс интересов государства и местного самоуправления, поскольку служат они интересам народа.

Так, например, в Азербайджане наряду с местным самоуправлением существует система местных органов государственной власти. При этом и те и другие участвуют в решении вопросов местного значения. Между органами местной исполнительной власти и муниципалитетами нет отношений власти и подчинения, за исключением некоторых ситуаций, и полномочия их не пересекаются, а главы исполнительной власти на местах осуществляют государственную власть.

Для России последние годы характеризуются целенаправленным введением в законодательство механизмов оперативного контроля государства за реализацией вопросов местного значения, происходит существенное ограничение самостоятельности местного самоуправления, а также его противопоставление государственной власти [27, с. 29].

Поправки в главу 8 Конституции РФ, согласно которым местное самоуправление встраивается в си-

стему публичной власти, обосновываются тем, что основной проблемой в сфере местного самоуправления представляется проблема его взаимодействия с органами государственной власти. Именно здесь, по мнению Президента РФ, происходят сбои.

Учитывая, что местное самоуправление представляет собой посредника между государством и населением, именно на этом уровне власти необходимо сбалансировать государственные и общественные начала, оптимально учесть пределы местного самоуправления как формы народовластия и определить необходимость централизованного регулирования местного самоуправления как гарантию для его дальнейшего развития. Нельзя противопоставлять местное самоуправление государству. Развитое местное самоуправление при поддержке государства и населения может служить оплотом государственности и эффективной государственной политики [4, 31].

Резюмируя изложенное, необходимо отметить, что само местное самоуправление теряет свое назначение и сущность без реально обеспеченной компетенционной, организационной и территориальной самостоятельности. Немыслимо эффективное и развитое местное самоуправление без сильной экономической основы, обеспечивающей реализацию вопросов жизнеобеспечения муниципальных образований. Но самое главное и важное в осуществлении местного самоуправления – это население. Не стоит забывать, что именно население является важнейшим субъектом местного самоуправления. В связи с этим необходимо повышать активность населения, учитывать его мнение при принятии управленческих решений на всех уровнях власти. Идеалы, изначально заложенные в Конституции РФ, должны получить свое дальнейшее развитие в законодательстве России.

Литература

1. Авакьян С.А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. 6-е изд. М.: Норма, 2018. Т. 1.
2. Авакьян С.А. Конституционализм и публичная власть: концепции и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 27-30.
3. Бабичев И.В. О некоторых актуальных тенденциях и задачах развития местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 3. С. 46-54.
4. Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Сильное местное самоуправление – сильное государство: история и современность // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 4. С. 62-74.
5. Васильев В.И. Местное самоуправление: конституционные идеи и практика // Журнал российского права. 2013. № 9. С. 5-17.
6. Васильев В.И. Правовой статус местного самоуправления: перемены и ожидания // Журнал российского права. 2014. № 11. С. 51-59.
7. Васильев В.И. О некоторых приоритетах правового регулирования местного самоуправления // Журнал российского права. 2016. № 3. С. 5-18.
8. Гончаров В.И. Институционализация системы местного самоуправления в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: монография. М.: Проспект, 2016. 272 с.
9. Европейская хартия местного самоуправления ETS № 122 (Страсбург, 15 октября 1985 г.) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 36. Ст. 4466.

10. Зенков А.П. Местное самоуправление сегодня и завтра // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 10. С. 30-33.
11. Исмаилов Х. Дж. Правовые аспекты взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления в Азербайджане // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2019. № 28. С. 25-34.
12. Казанцева О.Л. Местное самоуправление в России: курс на централизацию // Алтайский юридический вестник. 2016. № 3 (15). С. 36-39.
13. Ким Ю.В. Системные эффекты несистемных решений: о тенденциях развития системы местного самоуправления в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 5. С. 67-73.
14. Кокотов А.Н. Децентрализация местного самоуправления // Российский юридический журнал. 2015. № 1. С. 38-47.
15. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
16. Костюков А.Н. Исчезающее народовластие... // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 8. С. 61-64.
17. Костюков А.Н. Реформа в никуда... // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 4. С. 58-63.
18. Коньшева Е.Г. Вопрос об эффективности местного самоуправления – вопрос об определении уровней публичной власти // Евразийский юридический журнал. 2016. № 11 (102). С. 117-122.
19. Лахтина Т.А. Местное самоуправление как элемент публичной власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 7. С. 16-20.
20. О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: федеральный закон от 27.05.2014 № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 22. Ст. 2770.
21. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.
22. О статусе муниципалитетов: Закон Азербайджанской Республики от 2 июля 1999 г. № 698-IQ // Сборник законодательных актов Азербайджанской Республики. 1999. № 7. Ст. 405.
23. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
24. По делу о проверке конституционности закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике» [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ от 24 января 1997 г. № 1-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
25. По делу о проверке конституционности статей 80, 92, 93 и 94 Конституции Республики Коми и статьи 31 Закона Республики Коми от 31 октября 1994 года «Об органах исполнительной власти в Республике Коми» [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ от 15 января 1998 г. № 3-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
26. Разворотнева С.В. Самоуправление – декларация или возможность? // Местное право. 2013. № 4-5. С. 79-90.
27. Соловьев С.Г. Основные идеалы местного самоуправления: современное состояние // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 7. С. 24-29.
28. Таболин В.В. Проблемы осуществления местного самоуправления в условиях административно-командной системы государственного управления // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 6. С. 46-50.
29. Тарабан Н.А. Местное самоуправление в России: институт гражданского общества или ступень властной вертикали? // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 3. С. 44-49.
30. Шугрина Е.С. Понятие местного самоуправления как конституционной ценности // Юридический мир. 2016. № 2. С. 16-20.
31. Щепачев В.А. Республиканский путь развития России в дальнейшем невозможен без сильного местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 4. С. 46-52.

УДК 347.426.42

Е.В. Лоос

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: elev_01@mail.ru

ОПРЕДЕЛЕНИЕ РАЗМЕРА КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ПРИ ПОСЯГАТЕЛЬСТВАХ НА ЧЕСТЬ И ДОСТОИНСТВО ЛИЧНОСТИ

В статье поднимается проблема определения размера материальной компенсации за вред, причиненный посягательствами на честь и достоинство личности. Автором ставятся вопросы о способах возмещения морального вреда, допустимости его материальной компенсации, сумме, соответствующей его справедливому возмещению. Проводится краткий историко-правовой анализ концепции материального возмещения морального вреда, а также обзор современного российского законодательства, регулирующего этот вопрос.

Автор отмечает, что наличие широких полномочий, предоставляемых суду при принятии решения о возмещении морального вреда и определении суммы этого возмещения, отрицательно сказывается на единообразии судебной практики. Высказывается точка зрения, что в целях достижения такого единообразия, судебные полномочия должны быть ограничены определенными рамками. Автором предлагаются новые правила определения размера компенсации за причиненный моральный вред.

Размер компенсации предполагается установить в зависимости от вида посягательств: преступлений, административных правонарушений, прочих видов правонарушений. При определении размера компенсации морального вреда, причиненного преступлениями, предложено учитывать категорию совершенного преступления.

Ключевые слова: моральный вред, компенсация, полномочия суда, правила, справедливость, честь, достоинство.

E.V. Loos

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: elev_01@mail.ru

DETERMINATION OF THE COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE IN CASE OF ATTACKS ON THE HONOUR AND DIGNITY

The article raises the problem of determining the amount of material compensation for damage caused by violations of the honour and dignity of the person. The author questions the ways of compensation for moral damage, the admissibility of its material compensation, the amount corresponding to its fair compensation. A brief historical and legal analysis of the concept of material compensation for moral damage is being carried out, as well as an overview of modern Russian legislation regulating this issue.

The author points out that the broad powers granted to the court in deciding on compensation for moral injury and determining the amount of this compensation have a negative impact on the uniformity of judicial practice. It is suggested that, to achieve such uniformity, judicial powers should be limited to certain limits. The author proposes new rules for determining the amount of compensation for moral damage caused.

The amount of compensation is supposed to be established depending on the type of abuse: crimes, administrative offenses, other types of offenses. When determining the amount of compensation for non-pecuniary damage caused by crimes, it is proposed to consider the category of the crime committed.

Key words: moral damage, compensation, court powers, rules, justice, honor, dignity.

Основной целью защиты субъективных прав личности является их восстановление до состояния, предшествующего нарушению. Однако на практике, как правило, полностью осуществить такое восстановление невозможно. В этой связи важнейшим вопросом обеспечения реальной защиты прав личности является возмещение потерпевшему причиненного вреда.

Когда речь идет о возмещении вреда материального, то особых сложностей не возникает, поскольку и причиненный вред, и его возмещение находятся в одной категории – категории материального. Причиненный вред может быть совершенно конкретно измерен и в полном объеме возмещен. При посягательствах же на честь или достоинство личности причиняется, как правило, моральный вред, что создает определенные проблемы при решении вопроса о его возмещении. Каким образом моральный вред может быть возмещен, допустима ли его материальная компенсация, а если да, то какая сумма соответствует его справедливому возмещению? Подходы к решению этих вопросов менялись на протяжении всей истории российского государства, однако дискуссия продолжается и в наше время.

Концепция материального возмещения морального вреда имела и имеет как своих сторонников, так и противников. С.А. Беляцкий, к примеру, будучи сторонником названной концепции, писал, что нет «ничего удивительного в том, что человек, у которого отняли по чужой вине житейские радости, удовольствия, духовные блага, желает компенсации в деньгах, открывающих источники человеческих удовольствий» [1, с. 49].

Иной точки зрения придерживался Г.Ф. Шершеневич: «Нужно проникнуться глубоким презрением к личности человека, чтобы внушать ему, что деньги способны дать удовлетворение всяким нравственным страданиям» [11, с. 402].

Вопрос о понятии и возмещении морального вреда в России имеет свои исторические корни. Так, Соборное Уложение 1649 г. предусматривало такой состав правонарушения, как бесчестье, т.е. преимущественное оскорбление словом. Бесчестьем именовалась также денежная компенсация за оскорбление [9, с. 294-296].

Статья 62 Уложения о делах уголовных и исправительных 1845 г. устанавливала: «Виновные в преступлении, причинившем кому-либо убытки, вред или обиду, сверх наказания, к которому присуждаются, обязаны вознаградить за сей вред, убыток или обиду из собственного имущества по точному о сем постановлению суда» [10, с. 186].

В Советском Союзе рассматривался и подлежал возмещению лишь имущественный вред. Вопрос о моральном вреде хотя и поднимался в теории пра-

ва, но на практике решался исключительно в рамках идеологической доктрины: принцип компенсации морального вреда признавался классово чуждым социалистическому правосознанию [6, с. 44].

С марта 1991 г. возможность денежной компенсации морального вреда в нашей стране стала реальностью, получив свое дальнейшее развитие с принятием в 1995 г. Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). На сегодняшний день вопрос о возможности и целесообразности денежной компенсации морального вреда во многом утратил свою актуальность. Законодатель четко выразил свою позицию по нему в ст. 1101 ГК РФ: «Компенсация морального вреда осуществляется в денежной форме» [5].

Вопросы, касающиеся возмещения морального вреда, причиненного противоправными посягательствами, довольно активно разрабатываются в науке. Им посвящен целый ряд фундаментальных исследований, не говоря уже о многочисленных научных публикациях в периодических изданиях. Как правило, это исследования в области гражданского права, однако встречаются они и в других отраслях, а также, хотя и редко, в теории и истории права.

В статье 151 ГК РФ моральный вред определяется как физические или нравственные страдания. Если гражданину был причинен моральный вред, то в качестве обязательного условия для его компенсации в этой статье указывается, что такой вред должен быть причинен действиями, которые нарушили его личные неимущественные права либо посягнули на принадлежащие гражданину нематериальные блага.

Честь и достоинство личности в ст. 150 ГК РФ признаются нематериальными благами, следовательно, вред, причиненный посягательствами на них, должен подлежать возмещению. Однако такой вред подлежит возмещению исключительно по решению суда, а в соответствии со ст. 151 ГК РФ принятие решения о компенсации морального вреда – это право суда, а не его обязанность. Суд может такого решения и не принять. Гражданин же вправе требовать компенсацию морального вреда, причиненного исключительно распространением сведений, порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию [5]. В соответствии со ст. 1100 ГК РФ компенсация морального вреда в этом случае должна быть назначена независимо от вины причинителя вреда.

Таким образом, решение о компенсации морального вреда принимает суд, руководствуясь при его принятии внутренним убеждением. Передается законодателем на усмотрение суда и определение размера компенсации морального вреда [5].

Однако наличие широких полномочий, предоставляемых суду при принятии решения о возмещении морального вреда, отрицательно сказывается на

единообразии судебной практики. В первую очередь, конечно, в части, касающейся размера присуждаемой компенсации.

Так, 16.03.2017 Ленинский районный суд г. Орска Оренбургской области, рассмотрев в открытом судебном заседании гражданское дело по иску Л. к К. о защите чести и достоинства, постановил взыскать с К. в пользу Л. компенсацию морального вреда в размере 100 000 рублей. К. распространил в сети Интернет сведения, не соответствующие действительности, порочащие честь, достоинство, доброе имя и деловую репутацию Л.

Определяя размер компенсации морального вреда, суд учел публичный характер деятельности истца и выполнение общественной работы в качестве депутата Орского городского Совета депутатов, «его положительную характеристику как лица, которому избиратели делегировали полномочия по представлению их интересов в Орском городском Совете депутатов, основываясь на представлениях о его деловых, профессиональных качествах, морально-этических свойствах личности, сложившемся авторитете и сформировавшемся положительном имидже, подрыв которых обусловил высокую степень нравственных страданий» [7].

В то же время в сентябре 2017 г. Центральным районным судом г. Тулы принято решение о взыскании с М., распространившей в сети Интернет сведения, порочащие честь, достоинство и деловую репутацию медицинского работника Г., компенсации морального вреда в размере 5 000 рублей. Истец окончила медицинский институт с отличием, всю жизнь работает врачом по специальности, имеет многочисленные поощрения за добросовестный труд и профессионализм. Судом отмечено, что сведения, содержащиеся в оспариваемой информации об истце, не соответствуют действительности, носят порочащий характер. К указанным сведениям имеют доступ неограниченное число лиц [8].

Вопрос определения размера компенсации морального вреда на протяжении уже длительного времени вызывает оживленную дискуссию в научной литературе. Однако в выработке универсальных критериев определения этого размера исследователи мало приблизились к цели.

Следует отметить многообразие подходов к решению этого вопроса. Так, С.М. Воробьев при определении размера компенсации морального вреда предлагает за основу брать критерий его опасности для здоровья [2, с. 16-17].

Г.Г. Горшенков видит решение этого вопроса в разработке компьютерных технологий в юридической деятельности [4, с. 148].

С.Н. Гориславский предлагает при определении компенсации морального вреда использовать ре-

зультаты психологической экспертизы пострадавших [3, с. 8].

А.М. Эрделевским разработана целая система определения размера компенсации морального вреда, где размер компенсации поставлен в прямую зависимость от вида противоправного деяния, которым потерпевшему были причинены физические или нравственные страдания [12, с. 227-243].

Нами приведена лишь малая часть существующих подходов к решению вопроса об определении размера компенсации морального вреда. Безусловно, каждый из них научно обоснован и несет в себе рациональное зерно. Вместе с тем каждый имеет и существенные недостатки и не может быть признан универсальным. К примеру, даже глубоко научно проработанная система определения размера компенсации морального вреда А.М. Эрделевского, которая многими учеными признается наиболее удачной, не может учесть индивидуальные особенности потерпевшего. Как отмечает сам автор, «глубина страданий не поддается точному измерению» [12, с. 233]. В силу особенностей восприятия каждым окружающей действительности моральный вред, причиненный оскорблением, может быть для одного потерпевшего большим, чем для другого причинение тяжкого вреда здоровью.

Таким образом, следует отметить, что моральный вред и его материальная компенсация не могут быть полностью соотнесены друг с другом и закреплены в законе с исчерпывающей полнотой. В связи с этим полагаем оправданным предоставление законодателем широких полномочий суду в вопросе определения размера компенсации морального вреда. Вместе с тем с целью достижения единообразия в судебной практике эти полномочия должны быть ограничены определенными рамками.

При выборе пути решения вопроса о размере компенсации за моральный вред можно согласиться с А.М. Эрделевским, полагающим, что Верховный Суд Российской Федерации «должен в порядке обеспечения единообразия применения законов при осуществлении правосудия предложить судам общий базис и подход к определению размера компенсации морального вреда, оставляя при этом достаточный простор усмотрению суда при решении конкретных дел» [12, с. 234].

Следует отметить, что подобным же образом этот вопрос разрешен в странах прецедентного права, где основанием для принятия решения о размере компенсации за моральный вред является судебный прецедент, т.е. решение высшего судебного органа по определенному делу, которое в дальнейшем является обязательным для судов при разрешении аналогичных дел. Однако более верным нам представляется законодательное закрепление размеров компенсации за моральный вред.

Правила определения размера компенсации за причиненный моральный вред предлагается установить, обобщив разработки ведущих российских ученых в этой области.

В основу расчетов размера компенсации морального вреда предлагается поместить условную денежную единицу (УДЕ), равную установленному на федеральном уровне минимальному размеру оплаты труда (МРОТ). Размер компенсации предлагается установить, к примеру, от 0,5 до 100 УДЕ в зависимости от вида посягательств: от 2 до 100 УДЕ – за моральный вред от преступлений, от 1 до 5 УДЕ – от административных правонарушений, от 0,5 до 3 УДЕ – от прочих видов правонарушений.

Размер компенсации морального вреда, причиненного преступлениями, также предполагается неодинаковым. В качестве основного критерия предлагается использовать категорию преступления. Так, размер компенсации морального вреда, причиненного преступлением небольшой тяжести, может составлять от 2 до 10 УДЕ, средней тяжести – от 10 до 20 УДЕ, тяжким преступлением – от 20 до 50 УДЕ, особо тяжким преступлением – от 50 до 100 УДЕ. Предлагаемые пределы предполагаемой суммы возмещения окончательными не являются и могут при необходимости быть скорректированы.

Закрепив выдвинутое предложение путем издания нормативного правового акта, мы получим простую и достаточно гибкую систему определения размеров компенсации морального вреда. Ее применение даст судам базовый ориентир, и в то же время оставит им при вынесении решений достаточно свободы для учета всех необходимых факторов: степени нравственных или физических страданий потерпевшего, фактических обстоятельств причинения морального вреда, индивидуальных особенностей потерпевшего и других конкретных обстоятельств, свидетельствующих о тяжести перенесенных им страданий.

Таким образом, предположим, что в отношении потерпевшего были распространены заведомо ложные сведения, порочащие его честь или достоинство, и правонарушитель был привлечен к уголовной ответственности по ст. 128.1 УК РФ «Клевета». Указанное преступление является преступлением небольшой тяжести. В случае подачи потерпевшим иска о компенсации морального вреда суд может, учитывая все обстоятельства дела и исходя из требований разумности и справедливости, определить ему размер компенсации в сумме от 2 до 10 УДЕ (приблизительно от 20 до 100 тысяч рублей).

В случае если гражданин совершил правонарушение, предусмотренное ст. 5.61 КоАП РФ «Оскорбление», и был привлечен за это к административной ответственности, размер компенсации морального

вреда в соответствии с предложенной нами системой будет уже иным. В случае подачи потерпевшим иска о компенсации морального вреда суд может определить ему размер компенсации в сумме от 1 до 5 УДЕ (приблизительно от 10 до 50 тысяч рублей).

В случае отсутствия в действиях правонарушителя признаков преступления и административного правонарушения и предъявления потерпевшим иска о компенсации морального вреда суд, установив соответствующие обстоятельства, может определить ему размер компенсации морального вреда в сумме от 0,5 до 3 МРОТ (приблизительно от 5 до 30 тысяч рублей).

Безусловно, на размер компенсации должен влиять не характер правоотношений, возникающих по поводу нарушения субъективных прав, а тяжесть причиненного морального вреда. Однако, как уже отмечалось, объективное определение степени его тяжести весьма проблематично. Менее сложной задачей является определение степени тяжести совершенного правонарушения.

Наиболее тяжким правонарушением объективно является преступление. Административное правонарушение является проступком, что ставит его на одну ступень с прочими правонарушениями. Вместе с тем перечень административных правонарушений ограничен Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, специальными нормативными актами и нормативными актами органов представительной и исполнительной власти субъектов РФ и муниципальных образований. Следовательно, в него включены деяния, наиболее вредные для личности, общества и государства. По этой причине административное правонарушение, на наш взгляд, является более тяжким проступком.

Обязательным условием для признания деяния административным правонарушением является наличие вины в форме умысла или неосторожности (ст. 2.2 КоАП РФ). При этом посягательства на честь и достоинство личности, предусмотренные административным законодательством, всегда характеризуются умышленной виной. Правонарушитель, привлекаемый к ответственности в гражданско-правовом порядке, в некоторых случаях может даже не осознавать противоправность своих действий. К примеру, распространяя в сети Интернет ложную, порочащую честь и достоинство другого лица информацию, правонарушитель может добросовестно заблуждаться, полагая такую информацию соответствующей действительности.

Таким образом, если правонарушение является более тяжким, то и вред, им наносимый, будет более серьезным. По этой причине полагаем оправданной зависимость размера компенсации морального вреда от характера совершенного правонарушения.

Предложенная нами система может применяться не только для определения размеров компенсации морального вреда, причиненного посягательствами на честь и достоинство личности, но и для определения размеров компенсации морального вреда, причиненного любыми другими противоправными

посягательствами. Видится, что ее практическое применение облегчит судам задачу определения размера компенсации за причиненный моральный вред и будет способствовать воплощению в жизнь одного из основополагающих принципов права – принципа справедливости.

Литература

1. Беляцкий С.А. Возмещение морального (неимущественного) вреда. М.: ОАО Издательский Дом «Гордец», 2005.
2. Воробьев С.М. Эволюция института компенсации морального вреда в российском праве (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.
3. Гориславский С.Н. Теоретические и методологические основы компенсации морального вреда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
4. Горшенков Г.Г. Моральный вред и его компенсация по российскому законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 1996.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Лоос Е.В. К вопросу о чести и достоинстве коллективных субъектов // Алтайский юридический вестник. 2017. № 3 (19). С. 43-46.
7. Решение по делу № 2-3/2017 (2-1538/2016), вынесенное 16 марта 2017 года Ленинским районным судом г. Орска Оренбургской области. URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 20.04.2018).
8. Решение по делу № 2-594/2017, вынесенное 4 сентября 2017 года Центральным районным судом г. Тулы. URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 20.04.2018).
9. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т.; т. 3: Акты Земских соборов / отв. ред. А.Г. Маньков; под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1985.
10. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т.; т. 6: Законодательство первой половины XIX века / под ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1988.
11. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М.: Фирма «Спарк», 1995.
12. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда. М.: Р. Валент, 2007.

УДК 341.231.14:340.1

А.В. Никулина

адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России

E-mail: alik-112@yandex.ru

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ПРАВОТВОРЧЕСТВА

В настоящее время огромное количество трудов ученых-правоведов посвящено проблеме прав человека, а также изучению вопросов, связанных с правотворчеством. Тенденция развития современного общества обусловлена идеей построения правового государства, при этом правотворчество, несомненно, играет одну из ключевых ролей в этом вопросе. Однако не стоит забывать о том, что необходимым условием становления правового государства является обеспечение прав человека. Как правило, категории «права человека» и «правотворчество» рассматриваются обособленно друг от друга; в настоящее время не существует работ, в которых бы делался акцент на корреляции данных правовых явлений. В связи с этим автору представляется принципиально новым и актуальным изучение вопроса о соотношении прав человека и правотворчества. В статье представлены теоретико-правовые подходы к определению понятия «права человека» через призму правопонимания. В целях всестороннего изучения категории прав человека предложено использование системного подхода. Раскрыты аспекты, касающиеся понятия «правотворчество». Автором предпринята попытка рассмотрения категорий прав человека и правотворчества в их взаимодействии, в котором главенствующая роль отводится правам человека.

Ключевые слова: право, правопонимание, правообразование, правовые нормы, права человека, правовое государство, правотворчество, правоустановление, влияние.

A. V. Nikulina

postgraduate student of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: alik-112@yandex.ru

REVISITING THE RELATION HUMAN RIGHTS AND LAW-MAKING

Currently, a huge number of works of legal scholars are devoted to the problem of human rights and the study of issues related to law-making. The development trend of modern society is determined by the idea of building a legal state, while law-making undoubtedly plays a key role in this issue. However, we should not forget that the necessary condition for the establishment of the rule of law is to ensure human rights. As a rule, categories of «human rights» and «law-making» are considered separately from each other; currently, there are no works that focus on the correlation of these legal phenomena. In this regard, the author of this article seems to be a fundamentally new and relevant study of the impact of human rights on law-making. The article presents theoretical and legal approaches to the definition of «human rights» through the prism of legal understanding. To fully study the category of human rights, a systematic approach is proposed. Aspects related to the concept of «law-making» are disclosed. The author attempts to consider the categories of human rights and law-making in their interaction, in which the main role is given to human rights.

Key words: law, legal understanding, legal education, legal norms, human rights, legal state, law-making, legal establishment, influence.

В современных реалиях проблемы обеспечения прав человека продолжают оставаться актуальными. Среди ученых-правоведов ведется острая полемика, которая начинается с поиска первопричин и исторических основ возникновения прав человека, затрагивает вопросы их развития, функционирования и значения для современного общества.

Важность и актуальность этого вопроса детерминированы специфическими особенностями существующей действительности, причем не ограниченной рамками только правового поля. Это связано с тем, что права человека в современном мире представляют собой огромную часть общечеловеческой культуры, которая опосредует всю систему общественных отношений.

Без изучения концепции прав человека невозможно объективно оценить сложные и многогранные процессы, протекающие во всех сферах общественной реальности, в т.ч. правовые процессы, связанные с таким важным явлением, как правотворчество.

Основной вектор развития современного общества ориентирован на построение правового государства, и правотворчество в этом процессе, несомненно, играет одну из ключевых ролей. Однако не стоит забывать о том, что необходимым условием становления и функционирования правового государства является обеспечение прав человека.

В настоящее время огромное количество научных трудов ученых-правоведов посвящено изучению категории прав человека, а также проблемам, связанным с правотворчеством. Однако авторы в своих работах рассматривают вопросы, касающиеся роли прав человека в правотворчестве, косвенно либо не упоминают вовсе.

По нашему мнению, актуализируется необходимость рассмотрения вопроса о соотношении прав человека и правотворчества, чему и посвящена данная статья.

Анализ обозначенной нами проблемы следует начать с характеристики категории прав человека, которые в своем развитии не всегда справедливо соотносились с их значением в общественной жизни. Они модифицировались и подвергались различным проверкам на «жизнеспособность».

Знания относительно прав человека накапливались постепенно, от эпохи к эпохе, проходя огромные исторические этапы своего становления. Как справедливо отмечает Л.И. Глухарева, «каждый последующий этап исторического развития открывает новую страницу жизни прав человека, но не закрывает всех их старых проблем» [7, с. 14].

Однако весь процесс формирования концепции прав человека можно охарактеризовать как эволюционный, поскольку созданные в разное время теории прав человека следует рассматривать в призмe акси-

ологической значимости с постепенным ростом признания ценности каждой отдельно взятой личности. В этой связи права человека можно определить как одно из важнейших завоеваний мировой культуры и цивилизации, которое воплощает в себе главные добродетели человеческого общежития.

Основываясь на вышеизложенном, нельзя говорить о правах человека с точки зрения их исключительной юридичности, скорее, это целостно-системная картина, представляющая собой многофакторную модель, которая включает в себя основополагающие признаки и системообразующие принципы. Это позволяет нам констатировать тот факт, что права человека оказывают влияние на все сферы общества в призмe их социально-исторического развития, и правотворчество как элемент правовой сферы исключением не является.

Обращаясь к вопросу понимания природы прав человека, невозможно обойтись без анализа правопонимания в целом. Это объясняется тем, что в рамках каждого из выделяемых подходов к пониманию сущности и происхождению права разрабатывается «своя» теория прав человека, которая определяет надлежащее место человека в государстве и обществе [3, с. 99].

Таким образом, право и права человека представляют собой явления, которые немыслимы одно без другого. Но как соотносятся право и права человека? Поиск ответа на этот вопрос представляется уместным начать с высказывания юриста-правоведа П.И. Новгородцева: «Чтобы верно судить о каком-либо праве, нельзя останавливаться на отдельных его определениях, но следует восходить к принципиальному его пониманию» [17, с. 59].

В настоящее время ученые пришли к единому мнению относительно определения права. Так, А.Ю. Мордовцев, анализируя проблему правопонимания в отечественной юриспруденции, отмечает, что «...существуют сотни, возможно, и тысячи определений права. Но среди них нет ни одной так называемой общепризнанной дефиниции, разделяемой всеми, кто изучает право» [13, с. 180].

Поиски трактовки категории права привели к возникновению в юридической науке множества теорий правопонимания. Это явление может быть обосновано субъективными позициями авторов, которые подвержены влиянию исторических и культурных условий, перехода от одной парадигмы общественного бытия к другой, от одной системы ценностей к другой.

Как правило, история и теория правовой мысли представляют собой сосуществование двух типов правопонимания: нормативистского и естественно-правового (в зависимости от источника правообразования (государство или природа человека)).

Некоторые ученые, в частности А.Б. Венгеров, говорят о плюрализме правопонимания [5, с. 359].

А.П. Семитко рассматривает право в трех аспектах:

- право в нормативно-практическом значении, т.е. как нормативный регулятор в практической жизни общества (юридическая догматика);
- право в социально-логическом значении (теория права);
- право как выражение глубинных начал цивилизации (философия права) [1, с. 12].

По мнению В.С. Нерсесянца, существует два типа правопонимания: легистский и юридический.

Легистский подход сводится к пониманию права как результата деятельности государства, который представляется в виде закона, приказа официальной власти. Здесь происходит слияние права и закона, что является принципом юридического позитивизма.

В рамках юридического типа правопонимания выделяют еще два подхода: естественно-правовой и либертарно-юридический.

Естественно-правовой подход определяет право как естественное, которое противопоставляется позитивному праву. Эта концепция уходит своими корнями к античной философии, в которой имела место идея о высшей справедливости божественного происхождения. Позже в процессе исторического развития концепция естественного права поставила во главу угла общественную природу человека, его рассудок, которые дают возможность утвердиться принципам всеобщего и неизблемого естественного права, не зависящего от эпохи и конкретной цивилизации.

Либертарно-юридический подход различает право и закон, но под правом понимает не естественное право, а бытие и нормативное выражение принципа формального равенства.

В работах В.С. Нерсесянца принцип формального равенства понимается как результат абстрагирования от частных различий, присущих уравниваемым объектам. При этом либертарный формально-юридический подход представляется теоретически более последовательной и развитой концепцией юридического правопонимания. Она предполагает все возможные формы различения и соотношения права и закона – от разрыва и противостояния между ними до полного их совпадения [16, с. 59].

Помимо рассмотренных выше подходов, существуют и иные точки зрения на проблему правопонимания (социологический, аксиологический, психологический, генетический подходы). Указанные выше теории со всем спектром их достоинств и недостатков, на которых в рамках данной статьи мы не будем акцентировать внимание, имеют право на существование.

Однако для всестороннего анализа такой многогранной категории, как право, нам представляется необходимым использование системного подхода, который представляет собой соотношение естественно-правового и нормативистского подходов в их тесной связи с другими подходами к пониманию права.

Использование системного подхода позволяет исследовать проблемы, которые касаются не только вопросов правопонимания, но и прав человека одновременно.

С юридической точки зрения всякое право человека субъективно. Обращаясь к юридической терминологии, мы можем отметить, что правосубъектность индивида – это и есть необходимая предпосылка существования права вообще. Право не может существовать для рабов: нет прав человека, нет и права.

Как известно, значимость и ценность всякого права представляется в триединстве свободы, равенства и справедливости. В этом случае мы имеем дело с принципом формального равенства, о чем говорилось выше. Сущность этого принципа «на деле» представим в виде следующей конструкции:

- равенство проявляется в том, что люди, фактически разные, уравниваются единой мерой и общей формой;
- они формально свободны, но подчинены единой равной мере и должны действовать по общей для всех форме;
- справедливость выражена в одинаково равной для всех мере и форме запретов и дозволений, а также исключении каких-либо привилегий.

При этом только право способно провести границу между свободой и произволом. Всеобщая, равная и справедливая мера свободы, закрепленная в нормах права, – это конкретный ориентир для членов человеческого общежития, благодаря которому каждый знает, должен знать свое пространство свободы, которое и является правами человека. Иными словами, права человека – это свобода, ограниченная правом.

Формирование концепции прав человека как объективной реальности – это самый главный перелом в мире правовых явлений и правовых представлений о понимании права вообще за всю человеческую историю.

Становление прав человека есть не что иное, как отражение закономерности общественного развития.

По нашему мнению, следует согласиться с точкой зрения Дж. Финниса, который считает, что право человека «просто более определенно выражает то, что имплицитно содержится в термине "общее благо"» [21, с. 270]. Права человека по Дж. Финнису – это «различные аспекты человеческого процветания» и основные составляющие «такого образа жизни в обществе, который в тенденции способствует всестороннему процветанию человека» [21, с. 278].

С позиции системного подхода права человека одновременно выражаются как субъективные права и как правовые нормы, которые предполагают признание и защиту соответствующих притязаний каждого отдельно взятого индивида.

В качестве субъективных права человека носят абсолютный характер в том смысле, что им корреспондируют обязанности неограниченного числа лиц (всех иных субъектов права) воздерживаться от их нарушения и не препятствовать их реализации [5, с. 87].

В качестве первичных правовых норм они определяют содержание всего позитивного (объективного) права, которое является их конкретизацией применительно к различным правоотношениям. В этом ключе представляется возможным рассматривать права человека как правообразующий фактор. При этом позитивное право должно быть ориентировано на потребности человека, а не только «считаться» с интересами правящей элиты.

По сути, в результате исторического развития права человека в большинстве своем подвергаются юридическому оформлению в виде норм позитивного права посредством правотворчества.

Процесс правотворчества, являющийся завершающим этапом правообразования, играет ключевую роль в урегулировании общественных отношений. Современное юридическое знание не предполагает однозначного понимания сущности этого процесса.

Существует мнение о том, что понятие правотворчества достаточно условно и в некоторой степени даже метафорично. Это аргументировано тем, что государство не является творцом права, оно лишь выражает право, санкционируя правовые нормы, способствует реализации данных норм.

В самом узком смысле под правотворчеством понимается деятельность органов государственной власти по созданию, изменению и отмене нормативных правовых актов.

Рассматривая проблему правотворчества в широком смысле, следует обратить внимание на несколько подходов к его трактовке, сложившихся в теории права.

Так, ряд исследователей определяют значение правотворчества не только в создании правовых норм, но и в признании правовыми тех правил поведения, которые уже существуют в обществе. Например, А.Б. Венгеров, исследуя процесс правотворчества, включает в его определение момент признания правовыми сложившихся, действующих в обществе правил поведения [5, с. 476].

Существует иное мнение авторов, которое предполагает, что правотворчество ограничивается лишь деятельностью по созданию правовых норм с учетом потребностей и интересов общества. Это сугубо по-

зитивистская позиция, согласно которой закон отождествляется с правом, роль которого очень велика, но при этом умалется роль общества, гражданских институтов.

Особую позицию занимает В.С. Нерсисянц, убежденный в том, что следует пользоваться термином не «правотворчество», а «правоустановление». С его точки зрения, «правоустановление – это форма (и направление) государственной деятельности, связанная с официальным выражением и закреплением норм права, которые составляют нормативно-правовое содержание всех действующих источников позитивного права» [16, с. 212].

По нашему мнению, государство не всегда является участником правотворческого процесса; таковыми также могут выступать должностные лица, органы местного самоуправления или даже народ (например, на референдуме).

Таким образом, правотворчество представляет собой правовое явление, благодаря которому права человека подлежат юридическому оформлению и закреплению в источниках позитивного права, что позволяет претворять их в жизнь.

Однако не все право может получить официальное законодательное закрепление. Возникает вопрос, обеспечиваются ли права человека государственной защитой, если государство их не санкционировало и не включило в свою систему законодательства.

Ученые-позитивисты с большей долей вероятности ответят на этот вопрос отрицательно. Однако существуют моменты, когда зарождающиеся в глубинах общества права человека могут иметь и имеют государственную защиту в тех случаях, когда источниками права выступали обычай, сложившиеся правоотношения, договор, судебный прецедент и пр., если в них они получили свое отражение.

При этих условиях права человека, если они были нарушены, могут быть признаны и восстановлены компетентными органами. Следовательно, права человека могут существовать безусловно и не всегда требуют их законодательного закрепления в результате правотворческого процесса.

Подводя итоги вышеизложенному, представляется возможным сделать следующие выводы, позволяющие говорить о соотношении прав человека и правотворчества:

- права человека являются огромной частью общечеловеческой культуры, которая опосредует всю систему общественных отношений; они позволяют оценить сложные и многогранные процессы, протекающие во всех сферах общественной реальности, в т.ч. правовые процессы, связанные с таким важным явлением, как правотворчество;

- в процессе своего исторического развития права человека выступают в роли правообразующего фак-

тора, который позволяет ориентировать правотворчество в нужном направлении;

- права человека представляют собой систему принципов международно-национального характера, на которых базируется правотворчество, а также выступают критерием его легитимности;

- концепция прав человека ставит своей целью организовать, упорядочить общественные отношения, привести общество в равновесие, что может быть достигнуто путем юридического закрепления прав человека посредством правотворчества;

- права человека могут существовать, безусловно, правотворчество выступает лишь средством, позволяющим их юридически санкционировать.

Именно поэтому права человека должны быть для всех субъектов правотворчества теми границами, которые нельзя разрушать, и иметь вектор, определяющий основное направление социальной деятельности в целях существования и воспроизводства самого общества, обеспечения такого образа жизни, который способствует всестороннему процветанию человека.

Литература

1. Алексеев С.С. Права человека: энциклопедический словарь. М.: Норма, 2009. 656 с.
2. Афанасьев В.С. Правообразование и правотворчество // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 1 (4). С. 4-14.
3. Варламова Н.В. Права человека: попытки интегративной интерпретации // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 6 (67). С. 99-108.
4. Варламова Н.В. Принципиальное единство права и прав человека // Труды Института государства и права РАН. 2018. № 4. С. 83-124.
5. Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник. М.: Дашков и Ко, 2019. 607 с.
6. Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972. 258 с.
7. Глухарева Л.И. Права человека в современном мире. М.: Юристъ, 2003. 304 с.
8. Дробязко С.Г. Правообразование, правотворчество, правоустановление, их субъекты и принципы // Право и демократия: сборник научных трудов. Минск: БГУ, 2003. № 14. С. 15-34.
9. Казаков В.Н. Теория государства и права: учебное пособие. М., 2015. 362 с.
10. Киричек Е.В. Становление и развитие прав и свобод человека и гражданина: философско-правовое измерение // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2011. № 2 (16). С. 13-22.
11. Кондрат И.Н. Права человека и российская юридическая наука // Мир политики и социологии. 2016. № 10. С. 83-96.
12. Корнев А.В. Толкование права в контексте различных типов правопонимания // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 29-43.
13. Любашин В.Я., Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю. Теория государства и права: учебник. М.: РИОР, 2014. 450 с.
14. Метшин И.Р. «Правообразование» как теоретико-правовая категория // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2011. № 6. С. 56-60.
15. Назаркулова Л.Т. К вопросу о соотношении правообразования и правотворчества // Инновационная наука. 2015. № 10. С. 172-174.
16. Нерсесянц В.С. Проблемы общей теории права и государства: учебник. М., 2002. 309 с.
17. Новгородцев П.И. Из лекций по общей теории права: часть методологическая. М.: Типография Вильде, 1904. 109 с.
18. Словарь русского языка / под общ. ред. А.П. Евгеньева. М., 1984. Т. 3. 524 с.
19. Спиридонов Л.И. Теория государства и права: учебник. М., 1996. 304 с.
20. Трофимов В.В. Проблемы теории правообразовательного процесса // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 1. С. 24-36.
21. Финнис Дж. Естественное право и естественные права / пер. с англ. В.П. Гайдамака, А.В. Панихиной. М.: ИРИСЭН: Мысль, 2012. 552 с.
22. Честнов И.Л. Теория государства и права: учебное пособие. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. 116 с.

Административное право и административный процесс

УДК 342.9

К.К. Бекмурзинова

адъюнкт Омской академии МВД России

E-mail: kamazonn@mail.ru

ДОКАЗЫВАНИЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Ежегодно увеличивается количество жалоб граждан на нарушения их прав при производстве по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения. Анализ жалоб позволил сделать вывод о том, что действительно в ходе осуществления правоприменительной деятельности допускаются различные юридические ошибки, выражающиеся как в неправильной квалификации содеянного, назначении несправедливого наказания, так и в неправильном собирании и фиксации доказательств. При этом цели общей и частной превенции административных наказаний достигаются при условии обеспечения неизбежности административной ответственности участников дорожного движения. Таким образом, в настоящее время необходимо сформировать теоретическую основу и законодательную базу для эффективного механизма процесса доказывания административных правонарушений. В приведенной статье рассматриваются концептуальные положения процесса доказывания по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения.

Ключевые слова: административная ответственность, производство по делам об административных правонарушениях, полиция, доказывание, доказательства, административные правонарушения в области дорожного движения, ГИБДД.

К.К. Bekmyrzinova

postgraduate student of Omsk Academy of the Ministry of the Interior of
Russia

E-mail: kamazonn@mail.ru

EVIDENCE IN CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE FIELD OF TRAFFIC

The number of citizens' complaints about violations of their rights during administrative proceedings in the field of traffic will increase annually. The analysis of complaints led to the conclusion that indeed, in the course of law enforcement, various legal errors are made, which are expressed both in the incorrect qualification of the deed, the imposition of an unfair punishment, and in the incorrect collection and fixing of evidence. Moreover, the goals of general and private prevention of administrative punishments are achieved provided that the administrative responsibility of road users is inevitable. Thus, at present, it is necessary to form a theoretical basis and legislative base for an effective mechanism for the process of proving administrative offenses. This article discusses the conceptual provisions of the evidence process in cases of administrative offenses in the field of traffic.

Key words: administrative responsibility, proceedings in cases of administrative offences, police, proving, evidence, administrative offence in road traffic, traffic rules, traffic police.

Лидирующую позицию в общем объеме административных правонарушений занимают административные правонарушения в области дорожного движения [27], вопросы привлечения к административной ответственности в области дорожного движения являются наиболее актуальными.

Содержание понятия «дорожное движение» является сложным и многогранным, впервые данный термин был введен в международное правовое пространство в 1949 г. в связи с принятием Конвенции о дорожном движении.

В.В. Лукьянов один из первых дал трактовку понятия «дорожное движение»: «процесс движения транспортных средств по дорогам, в котором действия его участников – водителей, пешеходов и пассажиров – определяются специальными правилами» [14]. Характерными признаками дорожного движения в рамках исследуемого определения являются: процесс движения транспортных средств; участниками процесса являются водители, пешеходы, пассажиры; деятельность участников процесса определена специальными правилами. Наиболее широкую трактовку дорожного движения предложил И.К. Шахриманян [34], выделяя такие признаки дорожного движения, как: государственное регулирование; реальная опасность; возможность приостановления процесса.

В.И. Майоров, учитывая сложную социотехническую природу дорожного движения и возможность наличия различных подходов к определению понятия «дорожное движение», обозначил различные подходы к трактовке данного понятия, отражающие:

- механический аспект (процесс передвижения в пространстве транспортных средств и пешеходов как материальных тел);
- технико-технологический аспект (управление пространственным перемещением в условиях противоречия «скорость – опасность»);
- социальный аспект (в виде совокупности общественных отношений, возникающих в процессе совместной деятельности по реализации транспортной потребности) [16].

В рамках социального аспекта возможно и юридическое определение дорожного движения. В соответствии с Федеральным законом «О безопасности дорожного движения» дорожное движение определяется как совокупность общественных отношений, возникающих в процессе передвижения людей и грузов с помощью транспортных средств или без таковых в пределах дороги [17].

В настоящее время в юридической науке отсутствует целостный подход к теории доказывания, применяемой в ходе процесса доказывания административных правонарушений как в общем, так и в частности, в деятельности органов внутренних дел. Вместе с этим внимание к административно-юрис-

дикционной деятельности становится все более детальным, в связи с чем необходимо сформировать теоретическую основу и законодательную базу для эффективного механизма процесса доказывания.

Доказывание по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения является специфической разновидностью познания в правоприменительной деятельности. В толковом словаре доказывание определяется как процесс действия через термин «доказать», который подразумевает деятельность, направленную на подтверждение, доказывающую что-либо, или же деятельность, обосновывающую какое-нибудь положение на основе своих умозаключений [19]. Сама дефиниция «доказывание» рассматривается как убеждение в истине чего-либо с помощью доводов, свидетельств; подтверждать, что неоспоримо [8]. С позиции логики доказывание не только рассматривается как процесс изложения суждений, утверждающих или отрицающих что-либо, а выступает способом изложения, определяющим достоверность и истинность этих суждений [5].

В научной литературе нет единого определения доказывания. Наиболее развитый институт доказательственного права представлен учеными процессуалистами в области уголовного процесса, где зарождалось и проходило становление процесса доказывания. Р.С. Белкин и А.И. Винберг отмечают, что по своей процессуальной сущности доказывание есть процесс собирания, исследования, оценки и использования доказательств [4]. А.П. Рыжаков доказывание в уголовном процессе определял как урегулированную уголовно-правовым законом деятельность компетентных на то органов и должностных лиц по собиранию, закреплению, проверке и оценке зафиксированных в процессуальном источнике фактических данных, имеющих отношение к делу, а равно по установлению наличия таковых от имени государства [26].

В теории уголовного процесса при анализе понятия «доказывание» в зависимости от научного метода отражаются различные аспекты [1]:

- учитываются различия правовой и гносеологической стороны доказывания [20];
- доказывание рассматривается как процесс получения значимой информации для расследования уголовного дела в соответствии с информационной концепцией [30];
- рассматривается как деятельность, включающая практическую сторону по собиранию и исследованию доказательств [2];
- помимо гносеологической составляющей учитывают и логическую составляющую [31];
- на основе логической категории «доказательство» доказыванием считают «оперирование уголовно-процессуальными доказательствами» [7, 25].

Ученым-процессуалистом в области гражданского права А.Ф. Клейманом отмечается, что доказывание представляет собой деятельность только сторон производства и в нее не входит деятельность суда по исследованию, проверке и оценке доказательств [11].

Процессуально-отраслевые особенности правоотношений придают специфику процессу доказывания в каждой группе правоотношений. Процессуалист в области административного права и административного процесса Е.В. Додин определяет доказывание как деятельность, связанную с установлением фактических обстоятельств дела, осуществляемую уполномоченными лицами средствами и методами, указанными в законе или основанными на законе, которая характерна не только для судебного-прокурорских, но и для иных органов государства при правоприменении [9], также А.А. Пеков отмечает: «Функциональная схожесть задач административно-юрисдикционного процесса с задачами правосудия наталкивает на мысль, что и органы административной юрисдикции при рассмотрении дел об административных правонарушениях выполняют функцию правосудия». Действительно, главными признаками административно-юрисдикционной деятельности являются установление и доказывание событий, их юридическая оценка в соответствии с законодательством и, как следствие, оформление процессуальных документов, принятие правового акта в форме предписания, запрета, дозволения или иного процессуального документа [23].

Ф.П. Васильев определяет доказывание по делу об административном правонарушении как «осуществляемые уполномоченными лицами органов внутренних дел доказательственные действия как на стадии возбуждения дела, так и на стадии его рассмотрения в соответствии и в пределах процессуальных норм действующего закона, включающие собрание, проверку и оценку доказательств. Все это производится на основе внутреннего убеждения. Убежденность уполномоченного лица всегда органически связана с его мировоззрением, правосознанием, предоставленными ему властными полномочиями оценивать любые доказательства на основе профессионализма. Внутреннее убеждение – это результат деятельности уполномоченного лица по использованию и разрешению дела об административном правонарушении» [6]. В своем подходе Ф.П. Васильев отмечает, что доказывание осуществляется как на стадии возбуждения дела, так и в процессе рассмотрения дела об административном правонарушении.

Административно-процессуальное доказывание является разновидностью практической познавательной деятельности, в связи с чем целью доказывания является познание всех существенных обстоятельств,

имеющих значение для принятия правильного решения по делу об административном правонарушении. Однако отличительной особенностью доказывания в административно-юрисдикционной деятельности является возможность принятия решения по делу об административном правонарушении путем констатации факта административного правонарушения, т.е. отсутствует необходимость познавательной (исследовательской) деятельности.

Доказывание рассматривалось как разновидность аргументации, в связи с чем процесс доказывания и представление доказательств неразрывно связаны с взаимообусловленными понятиями «аргументация» и «обоснование». С точки зрения логики «доказывание» и «аргументация» рассматриваются в качестве синонимов, при этом доказывание представляется не просто процессом изложения суждений, а способом изложения, определяющим достоверность и истинность этих суждений [5]. Так, в правоприменительной деятельности одним из наиболее частных оснований вынесения протеста прокурора на постановление по делу об административном правонарушении является недоказанность обстоятельств, на основании которых было вынесено постановление о привлечении к административной ответственности, а именно в материалах дела об административном правонарушении отсутствует совокупность доказательств, позволяющих сделать однозначный вывод о наличии события правонарушения, либо сотрудниками в описательно-мотивировочной части постановления не полностью описывается и доказывается объективная сторона совершенного правонарушения.

В процессе доказывания по делам об административных правонарушениях возникает вопрос о правовой характеристике и значении установления истины. Современное процессуальное законодательство, в частности Кодекс РФ об административных правонарушениях [12], не содержит прямых требований к установлению истины в процессе производства и привлечения к ответственности, в ст. 24.1 КоАП РФ обозначены лишь задачи в качестве всестороннего, полного, объективного и своевременного выяснения обстоятельств дела, однако так было не всегда. В соответствии с ч. 2 ст. 243 УПК РСФСР [32] председательствующий обязан был принять все процессуальные меры для всестороннего, полного, объективного исследования обстоятельств дела и установления истины.

Являясь гносеологической проблемой, категория истины изучалась с древности и остается актуальной проблемой в настоящее время. Впервые категория истины была определена Платоном: «... тот, кто говорит о вещах в соответствии с тем, каковы они есть, говорит истину; тот же, кто говорит о них иначе, – лжет» [24].

В настоящее время существует множество концепций истины, однако единого мнения в понимании установления значения истины в процессе доказывания нет. Согласно корреспондентской концепции истины, истина есть соответствие между сознанием и миром. Материалистический вариант корреспондентской концепции предполагает, что истина есть соответствие между сознанием, мышлением и объективным материальным миром. Соответствие в данном понятии рассматривается как совпадение, «совпадает – это значит: в данных границах чувственное представление и есть вне нас существующая действительность» [3], однако В.И. Ленин отмечал не тождество, а соответствие (согласие) между миром ощущений и объективным миром [13]. Такие критерии, как соответствие, согласие, позволяют раскрыть материалистическое понимание истины – как совпадение содержания мыслетворения с объективным миром.

Совпадение содержания мыслетворения с объективным миром не является абсолютным, тождественным. Объективный мир и содержание истинного мыслетворения всегда совпадают и не совпадают одновременно. Совпадение проявляется в том, что содержанием мыслетворения является объективный мир, а различие проявляется в том, что содержанием мыслетворения является часть, не весь объективный мир, а также вошедшая в мышление часть мира, существующая в нем в субъективной форме [28]. Установление объективной истины является гносеологически важным, т.е. необходимо установить все обстоятельства, привести их в соответствие с объективной реальностью, при этом обязательно учитывать, что объективная истина постижима и познаваема.

Установление обстоятельств правонарушения должно носить объективный характер, т.е. вне зависимости от того, познано ли оно, независимо от волеизъявления субъекта административно-юрисдикционной деятельности.

Согласно теории отражения Т. Павлова, истина рассматривается как высшая форма сознания, которое может быть не только объективным, но и субъективным. В определении истины должна присутствовать в качестве момента ссылка на «характер всякой истины (всякого верного или истинного мышления) как особой формы, именно как человечески сознательной субъективной формы отражения вообще...» [22]. Ю.И. Семенов рассматривает проблему установления истины через три самостоятельных понятия – «истина», «истинность», «истинное». Согласно материалистической концепции истина представляет собой определенное отношение между тем или иным мыслетворением и объективным миром, а именно отношение соответствия между ними, предполагающее совпадение содержания мыслетворения с объектив-

ным миром. Истинность рассматривается как признак мыслетворения, состоящий в его соответствии объективному миру, а истинное рассматривается как характеристика этого мыслетворения, обусловленная наличием у мыслетворения такого признака [28].

В рассматриваемом нами контексте считаем возможным соотношение понятия объективного мира с событием административного правонарушения, а также, как нам представляется, понятие мыслетворения должно включать в себя сведения о правонарушителе и квалификации его действий. Таким образом, «истина» в доказывании по делам об административных правонарушениях отражается в соответствии с установленным правонарушителем и квалификацией его действий с событием правонарушения. «Истинность» в доказывании по делам об административных правонарушениях рассматривается как признак соответствия устанавливаемого правонарушителя и квалификации его действий с событием правонарушения. «Истинное» в доказывании по делам об административных правонарушениях рассматривается как возможная характеристика процесса установления правонарушителя и квалификации его действий.

Учитывая особенности производства по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения, актуальными являются субъективистские концепции истины, такие как концепция очевидности и концепция авторитарности истины, в которых истина отождествляется с истинностью и истинным.

Концепция очевидности предполагает в виде истины очевидность истинности события правонарушения, истина – это то, что совершено очевидно. При этом отмечается субъективный характер критерия очевидности, подразумевающий, что очевидное для одного индивида может быть совершенно неочевидно для другого. На очевидность как признак истинности порой ссылаются в обыденной жизни, отмечая, что то или иное положение настолько ясно, что не нуждается ни в каких дополнительных аргументах. Авторитарная концепция истины заключается в том, что истиной является все то, что провозглашено каким-либо авторитетом, в рассматриваемом нами контексте субъектами административно-юрисдикционной деятельности.

Многообразие форм истины и сложность ее определения позволяют нам рассматривать установления истины как специфический принцип в процессе доказывания. Принцип объективной истины является основным и социально ориентированным, в рамках которого производится глубокое и всестороннее изучение обстоятельств совершенного правонарушения. В рамках данного принципа истина рассматривается как необходимая цель, к которой должны стремиться

правоприменители и без которой деятельность последних будет оцениваться как неправильная и неэффективная. Для достижения объективной истины необходимо отметить четкие критерии, а именно установить объект, предмет познания, критерии.

Также следует отметить специфический принцип применения презумпции невиновности, реализуемый в процессе доказывания по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения. Принцип презумпции невиновности, закреплённый как в уголовно-процессуальном, так и в административном законодательстве, требует обоснованности и доказанности обвинения лица в совершённом им правонарушении. Так, в соответствии с трактовкой принципа презумпции невиновности, предусмотренным Уголовно-процессуальным кодексом РФ [33], бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого и обвиняемого, лежит на стороне обвинения. Все сомнения в пользу обвиняемого. Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях. В соответствии со ст. 1.5 КоАП [12] принцип презумпции невиновности изложен в похожей редакции, однако не установлено бремя доказывания, а также допускаются исключения применения данного принципа. Принцип презумпции невиновности не распространяется на совершённые правонарушения в области дорожного движения в случае фиксации данных правонарушений работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъёмки, видеозаписи, или средствами фото- киносъёмки, видеозаписи. Исключения применения принципа невиновности были введены в 2007 г.

Конституционный суд РФ неоднократно в своих решениях указывал на законность исключений из данного принципа невиновности в административном законодательстве [18]. В случае фиксации административных правонарушений данным способом протоколы об административных правонарушениях не составляются, выносятся постановления по делу об административном правонарушении уполномоченными лицами без участия правонарушителей. Таким образом, в соответствии с административным законодательством уполномоченные органы не обязаны доказывать вину собственников (владельцев) транспортных средств при вынесении в отношении них постановлений по делам об административных правонарушениях, зафиксированных с помощью специальных технических средств, работающих в автоматическом режиме и имеющих функции фото- и киносъёмки, видеозаписи, или средств фото-, киносъёмки, видеозаписи.

Принцип экономичности производства предполагает быстроту, целесообразность, экономичность

и оперативность административного производства. О значении данного принципа в своих работах писал Е.В. Додин, отмечая, что законодатель устанавливает сжатые сроки исходя из относительной несложности рассматриваемых административных дел и соответствующей квалификации должностных лиц. Также принцип экономичности отражается в незначительности затрачиваемых денежных средств для обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения. В настоящее время происходит совершенствование процесса доказывания, расширяется круг допустимых административно-процессуальных действий, упрощается порядок проведения административных процедур, расширяется применение специальных технических средств и т.д.

Принцип наглядности. Научно-техническое развитие стремительно прогрессирует, совершенствуясь, усложняя такие системы, в которых интегрируются люди, техника, наука и другие составляющие. В 2018 году возбуждено 131 млн 300 тысяч дел об административных правонарушениях в области дорожного движения (+16,8 к АППГ), из которых 80,7%, или 105 млн 900 тысяч (+27,9% к АППГ), выявлены специальными техническими средствами автоматической фиксации [21]. Каждому нарушителю приходит «письмо счастья», в котором правонарушителю предъявляется доказательство в виде фотоснимка с указанием времени и места совершённого правонарушения.

Принцип активного участия граждан в производстве. Современный научно-технический прогресс развивается очень быстро и влечет за собой тенденции к расширению сферы применения современных технических средств. Так, на современном этапе граждане обладают устройствами с функциями фото-, видеофиксации, с помощью которых могут фиксировать нарушения правил дорожного движения.

В соответствии с проектом федерального закона № 291354-7 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (об уточнении порядка фиксации нарушений правил дорожного движения техническими средствами)» [10] в прим. 1 ст. 2.6 КоАП РФ [12] предлагается внести изменения, позволяющие привлекать к административной ответственности за отдельные нарушения правил дорожного движения собственников (владельцев) транспортных средств без составления протокола о правонарушении, по результатам фиксации факта совершения данного правонарушения в электронной форме с помощью технических средств, обладающих функциями фото- и видеозаписи, и специализированного программного обеспечения, полученного гражданами, зарегистри-

рованными на Едином портале государственных и муниципальных услуг. Также в законопроекте предусматривается внесение изменений и в другие статьи КоАП [12], обеспечивающих практическую реализацию данной нормы. Гражданам достаточно будет зарегистрироваться на Едином портале государственных и муниципальных услуг, подтвердить учетную запись, после чего с помощью специализированного программного обеспечения направить фото- или видеофайл на информационный портал МВД в системе Единого портала государственных услуг. Следует отметить, что все направленные файлы должны будут рассматриваться уполномоченными должностными лицами по существу, т.е. исключаются факты автоматизированного выписывания штрафов.

На современном этапе доказывание по делам об административных правонарушениях в области

дорожного движения представляет собой логико-практическую деятельность познавательного характера, имеющую процессуальный целенаправленный характер по установлению фактических обстоятельств, определению состава административного правонарушения, совершенного в области общественных отношений, возникших в процессе подготовки и передвижения людей и грузов с помощью транспортных средств или без таковых в пределах дороги, урегулированных специальными нормами права.

Процессу доказывания по делам об административных правонарушениях характерно установление объективной истины, использование современных технических средств, наглядное представление доказательств, активное участие граждан в процессе выявления нарушений правил дорожного движения.

Литература

1. Агутин А.В. О методологии информационного подхода в контексте уголовно-процессуального доказывания // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2004. № 2. С. 322-323.
2. Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе. М., 1964.
3. Корнев Г.П. Методологические проблемы уголовно-процессуального познания. Н. Новгород, 1995.
4. Базаров В.А. Мистицизм и реализм нашего времени // Философский сборник. Очерки по философии марксизма. 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком» / URSS, 2011. С. 65.
4. Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание (методологические проблемы). М.: Юридическая литература, 1969.
5. Боруленков Ю.П. Теоретические основы познания в процессуальной юридической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
6. Васильев Ф.П. Доказывание по делу об административном правонарушении: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.
7. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1912.
8. Даль В. Толковый словарь. URL: <https://gufo.me/dict/dal/доказывать> (дата обращения: 20.03.2020).
9. Додин Е.В. Доказывание и доказательства в правоприменительной деятельности органов советского государственного управления. Киев: Изд-во «Вища школа», 1976.
10. Законопроект № 291354-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/291354-7> (дата обращения: 20.03.2020).
11. Клейман А.Ф. Новейшее течение в науке гражданского процессуального права. М., 1967.
12. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. Т. 18.
14. Лукьянов В.В. Безопасность дорожного движения. М., 1974.
15. Люблинский П.И. О доказательствах в уголовном суде. М., 1924.
16. Майоров В.И. Административно-правовые проблемы управления обеспечением безопасности дорожного движения: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1997.
17. О безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]: Закон РФ от 10.12.1995 № 196-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
18. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Казаченко Владимира Геннадьевича на нарушение его конституционных прав статьей 2.6.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 12.03.2019 № 575-О, от 07.12.2010 № 1621-О-О, от 25.01.2012 № 64-О-О, от 28.03.2017 № 489-О и др. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
19. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 2003.
20. Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2001.
21. Официальный сайт ГИБДД. URL: <https://гибдд.рф> (дата обращения: 20.03.2020).

22. Павлов Т. Теория отражения. Основные вопросы теории познания диалектического материализма. М., 1949.
23. Пеков А.А. Доказательства и доказывание по делам об административных правонарушениях: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000.
24. Платон. Кратил // Сбор. соч.: в 4 т. М., 1990. Т. 1.
25. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Петроград, 1916.
26. Рыжаков А.П. Уголовно-процессуальное доказывание: понятие и средства. М., 1997.
27. Сборник по России. Сведения об административной практике органов внутренних дел Российской Федерации за январь-декабрь 2012-2018 гг.
28. Семенов Ю.И. Введение в науку философии. Кн. 5: Проблемы истины. Мышление, воля и мозг. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
29. Сто миллиардов с дороги. За что штрафovali водителей в 2019 году. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4269789> (дата обращения: 20.03.2020).
30. Теория доказательств в советском уголовном процессе / под ред. Н.В. Жогина. М., 1973.
31. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / под ред. П.А. Лупинской. М., 2004.
32. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР [Электронный ресурс]: утвержден ВС РСФСР 27.10.1960. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
33. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
34. Шахриманьян И.К. Безопасность дорожного движения. М., 1979.

УДК 342.951

Д.В. Вечерникова, канд. юрид. наук
Краснодарский университет МВД России
E-mail: dinvech2@yahoo.com;

А.П. Светлова, канд. юрид. наук
Краснодарский университет МВД России
E-mail: leli-7171@mail.ru;

В.В. Тырышкин, канд. юрид. наук
Барнаулский юридический институт МВД России
E-mail: witsan333@yandex.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС СВИДЕТЕЛЯ И ПОТЕРПЕВШЕГО В РАМКАХ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО СТАТЬЯМ 5.61 И 20.1 КОАП РФ

Вопросы, касающиеся определения процессуального статуса участников административных правоотношений, всегда были достаточно актуальны. В статье рассматриваются процессуальные аспекты приобретения участниками административных правоотношений статуса «свидетель» либо «потерпевший» в рамках производства по делам об административных правонарушениях, а также особенности определения момента возникновения данного статуса на стадии возбуждения дела об административном правонарушении по статьям 5.61 и 20.1 КоАП РФ. Кроме этого, в статье анализируются проблемные вопросы, касающиеся возмещения морального вреда потерпевшим в рамках производства по данным административным правонарушениям.

Ключевые слова: административное правонарушение, общественный порядок, оскорбление, свидетель, потерпевший, статус, квалификация, рассмотрение дел, возмещение имущественного и морального вреда.

D.V. Vechernikova, Candidate of Juridical Sciences
Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
E-mail: dinvech2@yahoo.com;

A.P. Svetlova, Candidate of Juridical Sciences
Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
E-mail: leli-7171@mail.ru;

V.V. Tyryshkin, Candidate of Juridical Sciences
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: witsan333@yandex.ru

PROCEDURAL STATUS OF A WITNESS AND VICTIM WITHIN THE FRAMEWORK OF ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS UNDER ARTICLES 5.61 AND 20.1 OF THE ADMINISTRATIVE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The questions concerning the determination of the procedural status of participants in administrative legal relations have always been quite relevant. The article discusses the procedural aspects of the acquisition by participants of administrative legal relations the status of «witness» or «victim» in the framework of proceedings on administrative offences, and also specifically determine the moment of occurrence of the status at the stage of initiation of proceedings about an administrative offence under articles 5.61 and 20.1 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation. In addition, the article analyzes problematic issues related to compensation for moral harm to victims in the framework of proceedings on these administrative offenses.

Key words: administrative offense, public order, insult, witness, victim, status, qualification, consideration of cases, compensation for property and moral damage.

С точки зрения среднестатистического гражданина, в окружающей действительности существует множество событий, понятий, от неточности формулировок которых суть происходящего не меняется. Но это суждение меняется, когда сторонний наблюдатель становится участником противоправного деяния, приобретая не только малоприятный опыт морально-психологического дискомфорта от самой ситуации, но и в большей степени опыт правовых последствий своего статуса в конкретном событии.

В связи с этим определение административно-правового статуса участников производства по делам об административных правонарушениях имеет существенное значение для соблюдения прав лиц, участвующих в данном производстве. Особенно это актуально для производства по статьям 5.61 и 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), т.к. в рамках данных производств очень часто возникает спорный вопрос, каким статусом обладают присутствующие лица – свидетель или потерпевший, а от этого зависит, какими правами данные субъекты будут обладать.

Цель анализа именно правовых норм, предусмотренных ст. 5.61 и 20.1 КоАП РФ, заключается в определении значения и важности статуса участников административного производства, который, в свою очередь, влияет на объективную оценку ситуации, на правильную ее квалификацию, а следовательно, и процессуальные последствия, а также на объем прав и обязанностей сторон.

Первая проблема, рассматриваемая нами в данной статье, посвящена определению процессуального статуса лица, ставшего очевидцем противоправных действий, предусмотренных ст. 20.1 КоАП РФ. Будет ли он являться свидетелем либо потерпевшим в рамках административного производства в связи с совершением мелкого хулиганства в отношении его близкого родственника (например, супруга или супруги)?

В данном случае мнения могут разделиться, т.к. признаками противоправного деяния, предусмотренного ст. 20.1 КоАП РФ, являются действия, совершенные в общественном месте, а именно нецензурная брань, оскорбительное приставание к гражданам, уничтожение или повреждение чужого имущества [3]. Непосредственным объектом мелкого хулиганства является общественный порядок, на который посягает нарушитель, и только дополнительным объектом выступают честь и достоинство личности. Поэтому возникает проблема с определением процессуального статуса лиц, присутствующих при противоправных действиях. Однозначно лицо будет потерпевшим, если ему причинен имущественный вред – сломаны очки или порвано пальто, например.

Сложнее обстоят дела, когда вред моральный. По сути, само лицо, присутствующее при осуществлении противоправных действий, должно определиться, будут ли оскорблять данное лицо действия правонарушителя или нет. Соответственно будет ли оно являться потерпевшим либо будет иметь процессуальный статус свидетеля. В данной ситуации проблема будет проявляться наиболее ярко, если лицо, присутствующее при противоправных действиях, будет считать себя потерпевшим, но эту позицию не будет поддерживать лицо, осуществляющее производство по делу об административном правонарушении. По сути, устранить данные противоречия будет достаточно сложно в рамках производства по конкретному делу об административном правонарушении по ст. 20.1 КоАП РФ.

Вторая проблема, рассматриваемая нами, касается определения процессуального статуса участников при совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 5.61 КоАП РФ.

Объектом административного правонарушения, предусмотренного ст. 5.61 КоАП РФ «Оскорбление», являются общественные отношения, связанные с гарантированными Конституцией РФ правами граждан на честь и достоинство. Конституция предусматривает, что достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления [4, ч. 1 ст. 21]. Каждый имеет право на защиту своей чести и доброго имени [4, ч. 1 ст. 23]. Объективная сторона правонарушения выражается в совершении действий, выраженных в неприличной форме и направленных на унижение чести и достоинства другого лица.

Поэтому для определения административно-процессуального статуса потерпевшего в рамках производства по ст. 5.61 КоАП РФ очень важно определить, что является унижением чести и достоинства другого лица, выраженным в неприличной форме, и, соответственно, в каком случае лицо в принципе может быть признано потерпевшим по данной статье.

Следует заметить, что представленный в КоАП РФ подход к понятию оскорбления вызывает множество сложностей в правоприменительной практике.

Во-первых, наблюдается неопределенность терминов «честь» и «достоинство». Гражданский кодекс РФ, например, честь и достоинство относит к нематериальным, неотчуждаемым правам личности (благам) [1, ст. 150].

Во-вторых, понятие «неприличная форма» также не может быть однозначно определено. Оценка формы отнесена на усмотрение судьи. В случае необходимости судья может принять решение о проведении судебной лингвистической экспертизы. Оскорбление может быть выражено в устной или письменной форме. Кроме этого, следует учитывать, что оскорбление

может быть выражено не только в словесной форме, но и в невербальной, например жесты, звуки, пощечины и т.д.

В-третьих, судебная практика свидетельствует о том, что необходимо доказывать, что неприличные действия, образующие объективную форму оскорбления, были направлены именно на конкретное лицо, а не на всю ситуацию или происходящие события в целом. Из характера деяния следует, что вина выражается в форме умысла, т.е. лицо осознает, что унижает честь и достоинство другого человека в неприличной форме, и желает этого.

Все это, безусловно, вносит определенные сложности в квалификацию деяния, особенно, если эти действия сочетают в себе еще и признаки мелкого хулиганства.

Но вернемся к административно-процессуальному статусу «потерпевший-свидетель». Стороны становятся участниками противоправного деяния, приобретают статус потерпевшего только в случае причинения вреда: физического, материального или морального. Когда о причинении такого вреда заявит сам потерпевший, процессуально он становится им после возбуждения дела об административном правонарушении. То есть в определении процессуального статуса потерпевшего есть очень важный аспект, касающийся того, с какого момента лицо будет данным статусом обладать.

Основанием возбуждения данного дела является несколько моментов, один из которых – составление протокола об административном правонарушении. Моментом возбуждения административного производства по мелкому хулиганству является составление протокола по ст. 20.1 КоАП РФ, в котором указаны конкретные действия, соответствующие диспозиции указанной статьи. Потерпевшей стороной выступает общество, ему причинен вред, и об этом заявляют очевидцы происходящего, процессуальный статус которых становится «свидетели». Государство посредством уполномоченных должностных лиц компенсирует вред (ущерб), причиненный обществу противоправным деянием, посредством назначения административного наказания в виде штрафа или административного ареста.

Когда нецензурно выражаются в общественном месте, страдают представители общества – граждане. Но все в разной степени: кого-то эта ситуация оставит безразличным, а кто-то воспримет как личное оскорбление. Но как общество узнает, что пострадал конкретный гражданин в связи с хулиганскими действиями и его необходимо защитить? Пострадали его честь и достоинство, что является дополнительным объектом мелкого хулиганства.

Моментом возбуждения административного производства в связи с оскорблением является постанов-

ление прокурора, в котором будут указаны признаки не ст. 20.1, а именно ст. 5.61 КоАП РФ. Только тогда этот гражданин будет признан потерпевшим.

Какой вред причинен очевидцу события, когда гражданин в общественном месте безадресно выражается нецензурной бранью. Это аморально, противоречит моральным канонам жизнедеятельности общества. Очевидец происходящего испытывает определенный дискомфорт от посягательства на его привычное мироощущение. Но эти действия совершаются не в его адрес. Он претерпевает неудобства, но не является потерпевшим. Какой же вред ему причинен? Физический – нет, в этом случае кроется состав уголовно наказуемого деяния. Имущественный – нет. Моральный – также нет. А должен быть хотя бы один вид вреда для возникновения статуса потерпевшего. И если это вред моральный, то в рамках административного производства по мелкому хулиганству потерпевший не сможет защитить свои честь и достоинство, т.к. состав правонарушения, предусмотренного ст. 20.1 КоАП РФ, формальный, потерпевший – общество в целом.

Одним из наиболее важных аспектов, касающихся определения процессуального статуса потерпевшего, является вопрос возмещения вреда, причиненного административным правонарушением, который требует более детального рассмотрения.

Так, статья 4.7 КоАП РФ представляет возможность решения вопроса о возмещении имущественного ущерба при рассмотрении дела об административном правонарушении, ч. 2 ст. 29.10 КоАП РФ устанавливает, что если при решении вопроса о назначении судьей административного наказания за административное правонарушение одновременно решается вопрос о возмещении имущественного ущерба, то в решении по делу указываются размер ущерба, подлежащий возмещению, сроки и порядок его возмещения [2].

Исходя из требований нормы ч. 2 ст. 29.10 КоАП РФ, речь идет только о судье и только о возмещении имущественного ущерба. О других лицах, также уполномоченных назначать административные наказания, следовательно, выносить решение о компенсации морального вреда в рамках административного производства, ничего не упоминается [2]. Кроме того, в ст. 4.7 КоАП РФ ничего не сказано о том, каким образом должен быть возмещен причиненный ущерб.

При разрешении дел об административных правонарушениях законодатель предоставляет возможность решения вопроса о возмещении ущерба несколькими способами. В данном случае участники противоправного деяния становятся стороной не только административных, но и гражданских правоотношений. Гражданско-правовой деликт разрешается в соответствии с нормами гражданского, граждан-

ско-процессуального права, которые и предусматривают различные способы возмещения вреда.

Моральный вред, причиненный гражданину, законодатель рассматривает как действия, нарушающие его личные неимущественные права либо посягающие на принадлежащие гражданину нематериальные блага. Вследствие этого на суд возложена обязанность денежной компенсации указанного вреда.

Имеются случаи, когда суды неправомерно отказывают гражданам в компенсации морального вреда, причиненного оскорблением, не учитывая при этом, что действия виновного лица, «привлеченного к административной ответственности, направлены на унижение личного достоинства человека, посягают на принадлежащие ему нематериальные блага, что порождает у потерпевшего право требовать в связи с этим компенсации морального вреда на основании статьи 151 ГК РФ» [5, п. 20].

Также нормы КоАП РФ не вносят ясности, не просматривается последовательность действий в таком существенном моменте, как процедура подачи требований потерпевшего о возмещении ущерба. Потерпевший должен заявить о своих имущественных требованиях письменно или достаточно устного заявления о возмещении вреда? Каковы должны быть форма и содержание такого заявления?

Несмотря на всю сложность процедуры компенсации ущерба, причинного административным правонарушением, заявить о нарушении своих прав и

требовать возмещения вреда в будущем может только участник производства по делу, имеющий процессуальный статус потерпевшего.

Итак, собрав воедино различные подходы и мнения в решении вопроса об удовлетворении требований пострадавшей стороны вследствие действий деликвента, подведем итог.

Сложилось два мнения. Первое: процессуальный статус очевидца события в рамках производства по мелкому хулиганству – потерпевший, и он указывается таковым в соответствующей графе протокола, составленного в связи с административным правонарушением, предусмотренным ст. 20.1 КоАП РФ, вне зависимости от того, настаивает лицо на том, что ему причинен какой-либо вред, либо не настаивает на этом.

Второе: очевидец мелкого хулиганства в общественном месте приобретает статус потерпевшего только на основании своего заявления о совершении действий, униживших его честь и достоинство в неприличной форме; с момента вынесения постановления о возбуждении дела об административном правонарушении и только в рамках ст. 5.61 КоАП РФ. Именно тогда процессуальный статус потерпевшего влечет юридические последствия и предоставляет возможность требовать защиты нарушенных прав посредством компенсации морального вреда в рамках административного производства за оскорбление.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [Электронный ресурс]: федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Жолобов Я.Б. Некоторые проблемы, возникающие при рассмотрении дел об административных правонарушениях, связанных с возмещением имущественного ущерба и морального вреда потерпевшим // Проблемы реализации норм, регулирующих доказывание и доказательство в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве: сборник статей по мат-лам международной научно-практ. конф-ции, Санкт-Петербург, 16 октября 2015 г. / под ред. Л.В. Войтович, В.И. Кайнова. СПб., 2015. С. 128-134.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.
5. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации: утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 16 марта 2016 г.

УДК 342.92

В.А. Гаужаева, канд. юрид. наук

Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России

E-mail: ruslan-nalchik@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПОНЯТИИ, ПРИЗНАКАХ И СОСТАВЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Законодательство об административных правонарушениях Российской Федерации включает Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и принимаемые в соответствии с его положениями законы субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях.

В статье рассматриваются дефиниция административного правонарушения, его признаки, включающие в себя общественную вредность, противоправность, виновность и наказуемость, и содержание состава, исходя из современных тенденций обращения к этому предмету изучения, а также на основе анализа нормативно-правовых актов, литературных источников учебного и научного характера делается вывод о значимости традиционной концепции понимания административного правонарушения, его объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны.

Актуальность темы состоит в том, что совершение административных правонарушений непосредственно затрагивает жизненные интересы и потребности граждан, юридических лиц, оказывает влияние на все без исключения сферы жизни и управления.

Ключевые слова: административное правонарушение, признаки административного правонарушения, общественная вредность, противоправность, виновность, наказуемость, состав правонарушения, объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона.

V.A. Gauzhaeva, Candidate of Juridical Sciences

North-Caucasian Advanced Training Institute (branch) of the Krasnodar

University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: ruslan-nalchik@yandex.ru

SOME ASPECTS OF THE MODERN UNDERSTANDING OF THE CONCEPT, FEATURES AND COMPOSITION OF AN ADMINISTRATIVE OFFENSE

The legislation on administrative offences of the Russian Federation consists of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation and the laws of the subjects of the Russian Federation on administrative offences adopted in accordance with its provisions.

The article considers the definition of an administrative offense, its features, including social harm, public danger, illegality, guilt and punishability, and the content of the composition based on current trends in addressing this subject of study, as well as on the analysis of normative legal acts, literary sources of educational and scientific nature, the conclusion is made about the significance of the traditional concept of understanding an administrative offense, its object, objective side, subject and subjective side.

The relevance of the topic lies in the fact that the commission of administrative offenses affects the vital interests and needs of citizens, individuals and legal entities directly, as they penetrate into all spheres and areas of life, management, without exception.

Key words: administrative offense, signs of an administrative offense, social harm, wrongfulness, guilt, punishability, corpus delicti, object, objective side, subject, subjective side.

Становление Российской Федерации как самостоятельного государства в условиях глобализации общества с внесением существенных изменений в социально-экономическую и политическую структуры особое внимание исследователей обращает на административную сферу деятельности. По этой причине комплекс вопросов, связанных с совершением административных правонарушений, представляет особую актуальность.

Административным правонарушением признается противоправное, виновное деяние, за совершение которого Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность (ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ). Особенностью административной ответственности является то, что нормы, нарушение которых недопустимо, включены не только в основной кодифицированный акт, а разрозненны, в т.ч. по законодательным актам регионов.

Вместе с тем иных критериев, кроме самого права, позволяющих признавать акт поведения в качестве правонарушения, не существует [12, с. 99-103].

Такая ответственность устанавливается как для физических, так и для юридических лиц, вместе с тем наступление ответственности для юридического лица не исключает ответственности виновных в правонарушении физических лиц и наоборот. Деяние, в свою очередь, может выражаться в одной из двух предусмотренных законом форм: в форме действия или бездействия, на что указывается и в научной литературе [8, с. 194-195].

Любое административное правонарушение обладает рядом признаков, на наличие которых необходимо опираться при установлении принадлежности того или иного деяния к разряду именно правонарушений административного характера. К их числу необходимо отнести противоправность, виновность и наказуемость как признаки, напрямую указанные в законе, и общественную вредность.

Общественная вредность [2, с. 87-90] является критерием разграничения административных правонарушений и преступлений, отражением признака вредоносности действия, т.к. в результате осуществления лицом действий, которые именуется административным правонарушением, ущерб, вред (урон) причиняются правам и законным интересам государства, граждан и общества. Согласно системе приоритетов нашего государства, интересы человека и гражданина представляют собой наиболее охраняемый законом объект, однако с точки зрения причиняемого вреда его объем по статистике является большим, если вред причиняется интересам государства. Этим широким понятием охватывается система защищаемых интересов, оказывающих влияние на

жизнь всех представителей сообщества, т.к. государственные интересы включают сложившуюся систему управления обществом, согласованность прав и обязанностей граждан, схему поддержки тех, кто в ней нуждается, т.е. потенциально вред, наносимый этим интересам, затрагивает большую часть населения.

Признак противоправности означает, что совершаемое деяние противоречит нормам права административного характера, которые устанавливают запрет на совершение определенных действий, действий в определенном порядке или, напротив, обязывают осуществлять субъектов какие-то действия, от выполнения которых они пытаются уклониться. Во всех случаях метод воздействия на нарушителей норм права носит императивный характер, т.е. лицо, устанавливающее правило поведения, обладает необходимыми для этого властными полномочиями, а другие субъекты подчиняются этому требованию и несут ответственность за нарушение установленного правила.

Признак виновности самый обширный по содержанию. Само понятие «вина» [7, с. 51-61], являясь ключевым термином, крайне объемно по смысловому значению. Административное правонарушение может быть признано таковым при виновном его совершении, вне зависимости от формы вины. Если умысел или неосторожность в его совершении не усматриваются, то невиновное причинение вреда ответственности в административном порядке не подлежит.

Наказуемость административного правонарушения заключается в применении специально предусмотренных законом мер, указанных в санкции к нормам, характеризующим деяние, признаваемое административным правонарушением. Такие меры называются мерами административной ответственности. Перечень применяемых мер является исчерпывающим [10, с. 191-193], равно как количественные и качественные характеристики устанавливаемого наказания.

Составом административного правонарушения признается «совокупность закрепленных нормативно-правовыми актами признаков, наличие которых может повлечь административную ответственность» [18, с. 229]. Это устоявшийся термин, который в настоящее время изучен и раскрыт в научной литературе в достаточной степени. Однако в литературе встречаются предложения относительно того, что состав административного правонарушения необходимо законодательно закрепить [17, с. 25-27], однако нам такая инициатива не представляется важной, т.к. сам по себе состав в достаточной степени изучен теоретиками и не содержит требующих законодательного закрепления признаков, относящихся ко всем правонарушениям в их совокупности. Эти признаки

находят свое отражение в квалификации и установлении соответствия определенных проступков конкретному составу.

Элементы состава административного правонарушения представляются идентичными элементам состава преступления, но в административном процессе отсутствует как таковое понятие соучастия [13, с. 511].

К числу элементов состава административного правонарушения отнесены объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона. Каждый из этих элементов может стать ключевым при квалификации, поэтому они требуют отдельного рассмотрения.

Объектом административного правонарушения являются общественные отношения в сфере государственного управления, регулируемые нормами административного права и охраняемые мерами административной ответственности под угрозой применения наказания. Сфера управления достаточно широка, что обуславливает широкое понимание объекта административного правонарушения.

Структура Особенной части КоАП РФ уже в названиях глав предусматривает упоминания конкретного вида общественных отношений, на которые посягают правонарушения, предусмотренные этой главой, образуя, таким образом, родовые объекты административных правонарушений посредством их объединения в некоторые совокупности, связанные однородностью охраняемых общественных отношений, установленный порядок в которых нарушается субъектами. Такой трактовки объекта придерживаются большинство авторов современных учебников по административному праву [14, с. 28; 1, с. 22].

Объективная сторона состава административного правонарушения характеризует его как акт поведения нарушителя норм права, носящий антиобщественный характер и имеющий ясные внешние проявления, выражающийся в действии или бездействии и влекущий, помимо наступившего результата, административную ответственность. Административным правонарушением выступают только внешне выраженные акты субъекта [6, с. 24-26].

Объективная сторона содержит в себе обязательные и факультативные элементы [11, с. 243-245]. В качестве первых выступают: противоправное деяние (в форме действия или бездействия), о котором шла речь выше, вредные для конкретной личности, общества или государства в целом последствия и причинно-следственная связь между деянием, совершенным виновным, и наступившими последствиями.

В качестве вторых выступают:

- во-первых, время, рассматриваемое как временной период [4, с. 48-51], в течение которого было совершено деяние либо в зависимости от законода-

тельной конструкции состава совершено деяние и наступили общественно вредные последствия от его совершения;

- во-вторых, место, территория, имеющая определенные границы [5, с. 27-29], помещение или участок местности, где было совершено посягательство административного характера и наступили его последствия;

- в-третьих, способ, включающий в себя не только приемы и методы, используемые при совершении правонарушения, но и меры по подготовке к совершению административного правонарушения и по его сокрытию;

- в-четвертых, обстановка включающая в себя совокупность обстоятельств, сопровождающих совершение правонарушения в различной степени благоприятствования по отношению к наступлению преступного результата;

- в-пятых, наличие признака другого лица в случаях неисполнения распоряжения, приказа уполномоченного лица правонарушителем.

Объективная сторона правонарушений, влекущих административную ответственность юридических лиц, выражается в действии или бездействии руководителей, других должностных лиц либо представителей предприятий, учреждений и организаций, нарушивших установленные для юридических лиц требования, правила, нормы и стандарты. В настоящее время уточнение юридической формулы вины юридического лица в совершении административного правонарушения и существенное отграничение оснований для привлечения его к административной ответственности [3, с. 75-80] являются предметом обсуждения в связи с разработкой проекта федерального закона № 630089-6 «Административный кодекс Российской Федерации (Общая часть)» [15]. Этот институт в рамках рассматриваемого нормативно-правового акта предполагается в существенной мере пересмотреть.

Субъектом административного правонарушения могут являться как физические, так и юридические лица. При этом различают общий субъект, привлечение к ответственности которого в результате совершения им правонарушения возможно при наличии в отношении физических лиц двух признаков – возраста 16 лет и вменяемости, а в отношении юридических лиц – статуса юридического лица и специального субъекта.

Специальный субъект – это лицо, которое, наряду с двумя обязательными признаками, которые были указаны выше, должно обладать дополнительными признаками, обязательными для привлечения лица к административной ответственности за совершение определенного правонарушения. Такие признаки либо прямо называются, указываются в статье, либо

могут быть установлены посредством толкования нормы. Они факультативны лишь для общего понятия субъекта правонарушения, однако применительно к норме в конкретных составах они являются обязательными.

Все специальные субъекты можно условно поделить в зависимости от того, какие дополнительные требования предъявляются к этим субъектам. Часть требований находится в прямой зависимости от социальной роли и правового положения субъекта, к их числу, наряду с другими, может быть отнесено и отношение к военной службе, и должностное положение; другие характеризуют физические свойства субъекта, такие как пол, состояние здоровья или трудоспособности, а третьи – взаимоотношения с потерпевшим, включая различные формы зависимости.

Субъективная сторона административного правонарушения отнесена к психической сфере деятельности лица, совершившего административное правонарушение в связи с совершением им общественно опасного деяния. Ключевой составляющей субъективной стороны правонарушения является вина.

В административном законодательстве предусмотрены две формы вины, которые характеризуют отношение субъекта к совершаемому им проступку. В зависимости от его внутреннего восприятия правонарушения может быть признано совершенным умышленно, если совершившее его лицо сознавало противоправный характер своего действия либо бездействия, предвидело последствия его совершения, желало их наступления, либо сознательно допускало их наступление; либо относилось к их наступлению безразлично. В качестве формы вины правонарушителя может выступать неосторожность в форме легкомыслия или небрежности. В первом случае лицо, совершающее правонарушение, предвидит возможность наступления общественно вредных последствий своего деяния, но без достаточных оснований самонадеянно рассчитывает на их предотвращение, а во втором – не предвидит возможности наступления таких последствий, хотя должно было и могло их предвидеть [9, с. 331-332]. Нельзя привлечь к административной ответственности лицо, которое совершило действия либо бездействие, формально содержащие признаки административного правонарушения либо содержащие их частично, даже при наличии последствий в случае, если наступление этих последствий не охватывалось умыслом виновного, а наступление последствий он не мог и не должен был предвидеть.

Помимо вины, в структуру субъективной стороны входят мотив, причины, побудившие лицо к совершению правонарушения, и цель, т.е. содержание ожидаемого или желаемого результата. Однако это

характерно лишь для правонарушений, совершаемых умышленно. При этом необходимо различать причины совершения правонарушения, выступающие в качестве мотивационной структурной единицы, и условия [16, с. 52-54].

Ценность и значение состава административного правонарушения как категории состоят в том, что он выступает в качестве основания для наступления административной ответственности. При отсутствии в деянии состава дело об административном правонарушении, административное производство не должно быть начато, а начатое подлежит незамедлительному прекращению.

Составы административных правонарушений делятся на группы с учетом различных критериев.

По степени общественной опасности состав правонарушения может быть основным, когда в диспозиции указываются лишь базовые признаки; квалифицированным, когда присутствуют отягчающие вину обстоятельства, и особо квалифицированным с особо отягчающими обстоятельствами.

По используемой методике описания признаков состав бывает простым, состоящим из одного деяния, одного последствия, имеющим один объект и одну форму вины, или сложным, который содержит описание нескольких взаимосвязанных правонарушений, нескольких объектов и двух форм вины. Обстоятельства должны быть тщательно изучены с целью установления их наличия либо отсутствия, характера, степени подготовленности и других факторов.

В зависимости от особенной законодательной конституции, связанной с определением момента окончания правонарушения, составы делятся на материальные, когда правонарушение считается оконченным с момента наступления предусмотренных законом последствий, и формальные, когда для окончания посяательства наступление последствий необязательно, т.к. правонарушение считается оконченным с момента совершения деяния.

Подводя итог проведенному исследованию, можно констатировать, что понятие, признаки и состав административного правонарушения не претерпели существенных изменений за последние несколько лет. Административным правонарушением признается противоправное, виновное деяние, за совершение которого Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность. Его признаками выступают общественная вредность, противоправность, виновность и наказуемость. К числу элементов состава административного правонарушения отнесены объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона.

Изменение этих положений возможно в результате принятия нового кодифицированного нормативно-го акта, отдельные его положения обсуждаются с 2014 года.

Литература

1. Административная ответственность: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. А.И. Стахова, Н.В. Румянцева. М.: Юнити-Дана; Закон и право, 2014. 248 с.
2. Васильев Э.А. Общественная опасность – основной критерий отграничения административных правонарушений от преступлений // Государство и право. 2007. № 4. С. 87-90.
3. Домрачев Д.Г. О проекте нового федерального закона об административной ответственности в Российской Федерации // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 5. С. 75-80.
4. Ильин А.А. Время как признак объективной стороны состава правонарушения // Государство и регионы. 2011. № 1. С. 48-51.
5. Ильин А.А. Время как признак объективной стороны состава правонарушения // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 3. С. 27-29.
6. Калиева М.Г. Понятие и признаки административного правонарушения // Мир народов. Серия: Наука и практика. 2018. № 2 (7). С. 24-26.
7. Кизилев В.В. Понятие вины в Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации // Актуальные вопросы публичного права. 2012. № 4.
8. Коваленко К.Е. Понятие «деяния» административного правонарушения // NovaInfo.Ru. 2014. № 27. С. 194-195.
9. Коваленко К.Е. Понятие «вины» административного правонарушения // NovaInfo.Ru. 2014. № 28. С. 331-332.
10. Коваленко К.Е. Понятие «административной наказуемости» административного правонарушения // NovaInfo.Ru. 2014. № 27. С. 191-193.
11. Кунц Д.А. Административное правонарушение: понятие, признаки и состав // NovaUm.Ru. 2017. № 10. С. 243-245.
12. Никишкин А.В., Степанов И.В. Административное правонарушение как основание административной ответственности: понятие и признаки // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 6. С. 99-103.
13. Оськина В.В. Отсутствие понятия соучастия при совершении административного правонарушения // Педагогическое образование на Алтае. 2014. № 2. С. 511.
14. Попов Л.Л., Мигачев Ю.И., Тихомиров С.В. Административное право России: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2010. 752 с.
15. Проект Федерального закона № 630089-6 «Административный кодекс Российской Федерации (Общая часть)» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 21.10.2014) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Симакина И.А. К вопросу о необходимости разделения понятий «причина административного правонарушения» и «условие, способствующее административному правонарушению» // Административное и муниципальное право. 2009. № 9. С. 52-54.
17. Хатова Ж.М. Понятие состава административного правонарушения нуждается в законодательном закреплении // Административное право и процесс. 2007. № 1. С. 25-27.
18. Цечоев Х.И. Административное правонарушение и административная ответственность // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 90. С. 229-232.

УДК 351.758

М.В. Шустикова

Восточно-Сибирский институт МВД России

E-mail: hmv2012@yandex.ru;

А.В. Сумачев, доктор юрид. наук, профессор

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России

СПЕЦИФИКА ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СПОРТИВНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Целью статьи является изучение специфики деятельности правоохранительных органов при обеспечении охраны общественного порядка во время проведения спортивных мероприятий. В Российской Федерации всё больше расширяется процесс демократизации жизни нашего общества. Также большое значение приобретают международное сотрудничество в области экономики, культурный и научно-технический обмен, проведение спортивных мероприятий различного уровня, и, как следствие, данные действия вносят определенные изменения в организацию деятельности органов внутренних дел в целом, а также по обеспечению общественного порядка при проведении массовых мероприятий в частности.

Ключевые слова: массовые мероприятия, охрана общественного порядка, фанаты, болельщики, противоправные деяния, подразделения органов внутренних дел, проведение спортивных мероприятий.

M. V. Shustikova

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: hmv2012@yandex.ru;

A. V. Sumachev, Doktor of Juridical Sciences, professor

Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of Russia

SPECIFICS OF PUBLIC ORDER PROTECTION DURING SPORTING EVENTS

The purpose of the article is to study the specifics of the activities of law enforcement agencies in ensuring the protection of public order during sports events. The process of democratization of our society is expanding in the Russian Federation. International cooperation in the field of economy, cultural and scientific-technical exchange, sports events of various levels are also expanding, and as a result, these actions make certain changes in the organization of the activities of the internal affairs bodies in general, as well as in ensuring public order during mass events in particular.

Key word: mass events, protection of public order, fans, illegal acts, divisions of internal affairs bodies, holding sports events.

В современном мире спорт занимает одно из ведущих мест в жизни людей. Большое значение имеют спортивно-массовые мероприятия, где огромные возбужденные толпы фанатов болеют за свою любимую команду.

Спортивно-массовые мероприятия проводятся в закрытых помещениях, на магистралях, на воде и в воздухе, на улицах городов и населенных пунктов, при значительном количестве участников и огромном количестве зрителей. Их особенностью является наличие определенного контингента спортивных болельщиков, так называемых фанатов различных спортивных клубов. Поведение фанатов является настолько пристрастным, что порой доходит до нетерпимости [3].

Наибольшую озабоченность правоохранительных органов стран всего мира вызывают футбольные и хоккейные болельщики различных спортивных клубов.

Фанаты неправомерно проникают на поле и устраивают погоню за футболистами, чтобы вместе сфотографироваться или же для физической расправы над виновниками поражения любимой команды. Кроме того, футболисты сейчас сами не сдерживают себя в так называемом диалоге с фанатами, принимают вызов таких болельщиков, подвергаются различного рода провокациям, тем самым совершая противоправные действия.

Нередки случаи гибели болельщиков во время проведения спортивно-массовых мероприятий. Достаточно часто футбольные и хоккейные клубы наказывают из-за поведения их болельщиков, которое характеризуется совершением административных правонарушений. Такое наказание заключается в проведении определенного количества матчей клубов без зрителей, что служит также и мерами предупреждения совершения болельщиками противоправных действий в дальнейшем.

Важно также не забывать о высокой латентной форме преступности, которая в нашем случае касается футбольных фанатов. На данный момент распространенными считаются административные правонарушения в «околофутбольной» среде. Термин «околофутбол» возник в Великобритании в конце 1950-х годов [4]. Большое количество зрителей футбольных матчей достаточно часто приводит к массовым нарушениям общественного порядка со стороны радикально настроенных фанатов, при этом нередко данные правонарушения из административных перерастают в уголовно наказуемые деяния. Хулиганство в «околофутбольной» среде превратилось в своеобразный спорт. Появилось даже специальное наименование таких агрессивно настроенных фанатов – «хулсы», это люди, которые специализируются на том, чтобы силой противостоять фанатам футболь-

ных клубов соперников. Причем участвуют в таких противостояниях не просто фанаты, а профессиональные спортсмены, мастера спорта по каким-либо видам единоборств. Ярким примером служит чемпионат Европы по футболу, проходивший во Франции в 2016 г., где на улицах французских городов немецкие фанаты противоборствовали украинцам, русские фанаты – англичанам, а французы противостояли хорватам и туркам. Таким образом, местные правоохранительные органы были задействованы в полном объеме. Такие беспорядки происходят во всем мире, в т.ч. и в нашей стране, поэтому бороться с ними крайне необходимо.

В настоящее время обеспечение общественного порядка в сфере спортивно-массовых мероприятий является сложной задачей, стоящей перед ОВД, для решения которой требуется задействование большого количества сил и средств органов внутренних дел, для принятия различных многоплановых решений и привлечения высококвалифицированных специалистов в данной сфере.

Нормативной базой исследуемого нами вопроса являются в первую очередь: КоАП РФ и законодательство субъектов РФ [5], УК РФ [7], ФЗ от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» [8], Приказ МВД России от 29.01.2008 № 80 «Вопросы организации деятельности строевых подразделений ППС» [6].

Официальные спортивные соревнования являются массовым мероприятием, поэтому необходимо отметить, что массовые спортивные мероприятия представляют собой совокупность действий значительного количества людей, направленных на удовлетворение своих эстетических, культурных и психологических потребностей. Они являются одной из важнейших форм общественной активности граждан. В зависимости от административного уровня спортивные мероприятия можно разделить на международные, всероссийские, региональные, областные, городские, районные. Чем выше уровень проведения данных мероприятий, тем большее количество людей присутствует на них, следовательно, возрастает риск нарушения общественного порядка и общественной безопасности. Поэтому значимость деятельности правоохранительных органов по обеспечению охраны общественного порядка в данной сфере достаточно высока.

В.Г. Акимов считает, что основными задачами ОВД при проведении спортивных мероприятий являются: обеспечение общественной безопасности и общественного порядка в месте проведения спортивного мероприятия, в рамках которого участники и зрители будут соблюдать установленные правила поведения; принятие мер по контролю и надзору за успешным проведением таких спортивных мероприятий, а также важно осуществлять охрану обще-

ственного порядка даже там, где это мероприятие не проводится, но возможно нарушение общественного порядка до либо после проведения спортивно-массового мероприятия, соответственно, выполнение в данном случае одной из базовых задач полиции – пресечение и предупреждение преступлений и административных правонарушений [1, с. 229].

Не менее важной функцией по предупреждению административных правонарушений и преступлений является профилактическая и разъяснительная работы, также важным аспектом является целостность и надежность спортивных конструкций, на что направлен комплекс мер по обеспечению безопасности присутствующих. Важной мерой предупреждения административных правонарушений и преступлений является обеспечение пропускного режима в целях недопущения проноса оружия, взрывчатых и отравляющих веществ, наркотических средств и предметов, которые могут быть использованы в качестве орудия для нанесения травм. В пропускной режим входят личный досмотр посетителей, досмотр ручной клади, досмотр легковых автомобилей и их пассажиров, а также досмотр грузовых автомобилей. Необходимо, в свою очередь, надзор за теми фанатами, которые специально провоцируют фанатов противоположной команды к противоправным действиям.

Данная тема была рассмотрена ранее такими учеными, как Р.А. Атаев, В.В. Шанько и М.Ю. Стецун, которые в своей работе «Организационные и правовые основы охраны общественного порядка и общественной безопасности при проведении спортивных мероприятий» выделяют три этапа подготовки и планирования сил и средств правоохранительных органов к обеспечению охраны общественного порядка и общественной безопасности в сфере проведения спортивно-массовых мероприятий.

1 этап представляет собой подготовку сотрудников подразделений ОВД: постановка задач и способов их выполнения, выработка организационных решений, анализ создавшейся обстановки. Также необходим учет ряда следующих факторов: погодные условия, оперативная обстановка, число зрителей и участников, масштаб проводимого мероприятия, все они могут значительно повлиять на организацию обеспечения общественной безопасности.

2 этап самый важный и ответственный, он включает обеспечение охраны общественного порядка с момента начала мероприятия до его окончания. На этом этапе происходит реализация планов и задач ОВД. Сотрудник полиции во время проведения массового спортивного мероприятия должен быть бдителен, не поддаваться на провокации толпы фанатов, его действия не должны выходить за рамки законодательства РФ. При этом в настоящее время многие люди имеют хорошее юридическое образование и

хорошо ориентируются в сфере права, поэтому они могут спровоцировать сотрудника полиции на неправомерные действия и при этом даже зафиксировать на видеокамеру, что позже негативно скажется на сотруднике.

3 этап начинается с момента окончания мероприятия до того, как место проведения этого мероприятия покинут все участники. Здесь также важно не терять бдительность, поскольку разъяренные толпы фанатов, неудовлетворенные игрой своей любимой команды, могут нарушать общественный порядок [2, с. 37]. Тщательная подготовка и планирование обеспечения охраны общественного порядка служат одним из способов сохранения благоприятной окружающей обстановки – минимальный уровень нарушений общественного порядка или же вовсе отсутствие нарушений.

Сотрудниками ОВД проводится ряд мероприятий по пресечению и предупреждению административных правонарушений, совершаемых в период проведения спортивно-массовых мероприятий, например, запрет продажи алкоголя на стадионах и хоккейных площадках; усиление пропускного режима при входе в спортивные сооружения; формирование общественного мнения, направленного на недопустимость совершения правонарушений в данной сфере; увеличение количества сил и средств по охране общественного порядка в местах проведения спортивных соревнований. Большое внимание уделяется лицам, уже совершавшим правонарушения в сфере спортивных мероприятий, поэтому появилось относительно новое административное наказание в виде запрета на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения (ст. 3.14 КоАП РФ).

Подводя итог, отметим, что деятельность по обеспечению охраны общественного порядка в местах проведения спортивных мероприятий действительно является сложной и трудозатратной. Нельзя не согласиться с Г.М. Черняевым и А.Ф. Быстрянцевым, которые считают, что правоохранительные органы выполняют большой спектр возложенных на них обязанностей, включающих в себя выполнение различных многоплановых задач, привлечение специалистов и задействование значительных сил и средств [9].

Стоит отметить, что правоохранительные органы выполняют задачи по обеспечению охраны общественного порядка в местах проведения спортивных мероприятий с помощью специализированных подразделений, которые направлены на четкое решение определенных задач, наиболее эффективно работающих в данной сфере, что в совокупности обеспечивает успешное проведение спортивно-массового мероприятия. Подготовка и планирование деятельности подразделений ОВД – сложный процесс, который имеет

не меньшую значимость, чем непосредственная реализация планов и задач. Данная деятельность возлагается на руководящий состав подразделений ОВД.

В настоящий момент подразделения ОВД РФ испытывают проблемы с обеспечением общественного порядка в данной сфере, т.к. не удаётся снизить уровень административных правонарушений, совершаемых в период проведения спортивно-массовых мероприятий. Конечно, исключить нарушения на стадионах и около них невозможно, но стремиться к максимальному снижению их количества необходимо. Рассматривая в качестве примера деятельность правоохранительных органов Англии, можно ужесточить наказания по отношению к правонарушителям. За проникновение на футбольное поле или территорию, прилегающую к полю, где зрителям появляться запрещено, установлено наказание в виде лишения свободы сроком до двух лет; бросание чего-либо на поле или в сторону поля считается уголовно наказуемым; за пропаганду нацистской символики – наказание в виде заключения в тюрьме сроком до 6 месяцев.

В Испании установлены огромные размеры штрафов за совершение подобных деяний. Если предпринять подобные меры в России, то вряд ли в таких условиях здравомыслящий человек решит преступить черту закона. Кроме этого, можно ввести запрет на посещение спортивно-массовых мероприятий в состоянии опьянения, поскольку алкоголь и наркотики в большинстве случаев являются благоприятным условием совершения противоправных деяний на футбольных и хоккейных матчах. А также важно не забывать о профилактике правонарушений в данной сфере подрастающего поколения, будущих болельщиков спортивных клубов.

На сегодняшний день некоторые страны мира накопили достаточно богатый опыт деятельности в области обеспечения охраны общественного порядка при проведении спортивно-массовых мероприятий, который необходимо глубоко проанализировать и использовать в правоохранительной структуре Российской Федерации. На наш взгляд, это должно существенно сократить уровень правонарушений в исследуемой нами сфере.

Литература

1. Акимов В.Г. Особенности действий органов внутренних дел при проведении спортивных мероприятий // Вестник экономической безопасности. 2018. № 3. С. 227-230.
2. Атаев Р.А., Шанько В.В., Стецун М.Ю. Организационные и правовые основы охраны общественного порядка и общественной безопасности при проведении спортивных мероприятий // Юристы – Правоведь. 2019. № 1. С. 36-40.
3. Деятельность сотрудников полиции по оказанию содействия организаторам спортивных, зрелищных и иных массовых мероприятий в обеспечении безопасности граждан и общественного порядка в местах проведения этих мероприятий. URL: <https://isfic.info/poladm/demud106.htm> (дата обращения: 24.04.2020).
4. Зритель, болельщик, фанат... // Спорт. Бизнес. Консалдинг. 2013. № 7. URL: <https://www.s-bc.ru/news/zritel-bolel-shik-fanat.html>.
5. КАРТАСЛОВ.РУ – Карта слов и выражений русского языка. URL: <https://kartaslov.ru/> (дата обращения: 03.05.2020).
6. Легков Т. Пять трагедий во время спортивных мероприятий // Советский спорт. 2013. 16 апр.
7. Михайлюк В.А., Витютнев Е.Е. Организация правопорядка и общественной безопасности при проведении международных массовых спортивных мероприятий // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 2 (40). С. 72-75.
8. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Черняев Г.М., Быстрянец А.Ф. К вопросу о проблемах обеспечения правоохранительными органами общественного порядка и безопасности при проведении спортивных мероприятий // Полицейская и следственная деятельность. 2015. № 2. С. 10-59.

Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

УДК 343.611.1

С.В. Габеев

Восточно-Сибирский институт МВД России

E-mail: kafedra.upik@yandex.ru

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ УБИЙСТВА ПО НАЙМУ

В статье рассматриваются конструктивные признаки убийства по найму, анализируются теоретические воззрения правоведов и приводится позиция Пленума Верховного Суда РФ по поводу данной дефиниции. Дается авторское видение сущности найма и вознаграждения как признаков убийства по найму. На основе анализа уже имеющихся в юридической литературе понятий сформулировано определение убийства по найму. Показана юридическая природа найма в убийстве по найму, а также указаны виды вознаграждения за совершение этого преступления.

Ключевые слова: убийство по найму, убийство, найм, вознаграждение.

S.V. Gabeev

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: kafedra.upik@yandex.ru

THE CONCEPT AND SIGNS OF MURDER FOR HIRE

The article examines the constructive signs of murder for hire, analyzes the theoretical views of legal scholars and the opinion of the Plenary of the Supreme Court of the Russian Federation on this definition, reflects the author's position on the essence of hiring and remuneration as signs murder for hire, formulated the definition of murder for hire. The legal nature of recruitment for hire is shown, as well as the types of remuneration for the commission of the crime.

Key words: murder for hire, murder, hiring, reward.

В уголовном законодательстве России имеется большое количество терминов, легальная интерпретация которых непосредственно в УК РФ отсутствует. С одной стороны, это позволяет иметь относительно компактный закон, а с другой стороны, порождает множество трактовок незакрепленных в УК РФ определений в теории уголовного права и судебно-следственной практике. Дефиниция «убийство по найму» является именно таким термином. В пункте «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ законодатель устанавливает уголовную ответственность за убийство по найму, наряду с другими отягчающими умышенное причинение смерти другому человеку обстоятельствами: из корыстных побуждений, сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом, но не разъясняет, какими именно признаками это убийство должно обладать. В связи с этим понятие убийства по найму активно обсуждается в специальной литературе.

Так, С.В. Бородин относил убийство по найму к корыстным убийствам, отмечая, что «убийца лишает человека жизни по указанию лица, пообещавшего уплатить или уплатившего за убийство вознаграждение» [2, с. 178].

Р.В. Локк определяет убийство по найму как «убийство, совершенное специально нанятым для этого преступления человеком, действующим прежде всего в интересах заказчика из корыстных побуждений, способом наиболее вероятным для безусловного лишения жизни потерпевшего» [9, с. 72]. Недостатком данного определения является отсутствие указания на вознаграждение как цель совершения преступления.

А.Н. Попов полагает, что к вознаграждению следует приравнять избавление от обязательных для убийцы материальных затрат. Данный признак он заложил в понятие убийства по найму: «это убийство, обусловленное получением материального вознаграждения со стороны заказчика преступления в виде предоставления исполнителю убийства материальных благ или избавления его от обязательных для него материальных затрат» [11, с. 750]. Избавление от материальных затрат в данном случае является ничем иным, как действиями имущественного характера.

По мнению И.В. Гайкова, убийство по найму – это «умышенное причинение смерти другому человеку, совершенное наемником за плату или иное вознаграждение, полученное от заказчика или посредника» [3, с. 8].

А.В. Ежков рассматривает убийство по найму как «умышенное, противоправное лишение жизни другого человека третьим лицом, согласившимся совершить это преступление в интересах и по поручению нанимателя при случайных обстоятельствах за материальное либо иное вознаграждение или из иной

личной заинтересованности» [6, с. 9]. При этом он разграничивает убийство по найму от убийства по заказу. Так, по его мнению, основным критерием разграничения убийства по найму от убийства по заказу является субъект этого преступления: убийство по найму совершается случайным человеком, специально не готовящимся к этому преступлению, которого необходимо склонить к совершению убийства, убийство по заказу совершается профессиональным преступником – не нуждающимся в склонении к преступлению убийцей, живущим на доходы, получаемые от выполненных «заказов» на убийство [6, с. 9].

По нашему мнению, подобный взгляд на убийства по найму и по заказу является адаптированной к действующему УК РФ точкой зрения Б.Т. Разгильдиева. А.В. Ежковым не учитывается, что УК РФ не ставит квалификацию убийства по найму в зависимость от профессионализма преступника.

Еще до принятия ныне действующего УК РФ Б.Т. Разгильдиев высказал мнение, что убийство по найму (убийство по заказу) характеризуется тем, что исполнитель преступления перманентно готов совершить это преступление, он ожидает только оплаты «услуги». Если же лицо приходится склонять к убийству, т.е. оно не готово совершить данное преступление, то речь идет об убийстве из корыстных побуждений и подстрекательстве к нему [13, с. 41]. Вряд ли правильно проводить разграничение между убийством по найму и убийством из корыстных побуждений по криминологическим показателям: уровню подготовки и состоянию готовности личности преступника совершить убийство, даже с учетом того, что данное мнение было высказано в период работы над проектами действующего УК РФ.

Сомнение вызывает и признание убийством по найму убийства, совершенного из иной личной заинтересованности. Конечно, определенная заинтересованность в смерти потерпевшего у наемного убийцы есть, но она связана с желанием получить от третьего лица вознаграждение за совершение преступления.

В.М. Геворгян формулирует убийство по найму как «убийство, обусловленное получением исполнителем преступления материального или иного вознаграждения» [4, с. 16]. В данном определении указан важный конструктивный признак убийства по найму – совершение этого преступления за вознаграждение, однако упущен другой важный признак убийства по найму – вознаграждение убийце выплачивается третьим лицом, в интересах которого и совершается убийство.

А.Б. Чокобаева предлагает закрепить в законодательстве легальное определение убийства по найму следующим образом: «умышенное лишение жизни другого человека, совершенное по договору с его организатором и исполнителем убийства (наемный

убийца), лично не заинтересованным в смерти конкретного человека за вознаграждение или по иным мотивам при участии (или без него) посредника в корыстных или иных интересах организатора убийства» [14, с. 9].

По нашему мнению, в сформулированной дефиниции указание на то, что убийство по найму может быть совершено по иным мотивам, помимо желания получения вознаграждения, но в интересах организатора убийства, фактически признает убийством по найму любое убийство, где присутствуют исполнитель и организатор преступления. Также А.Б. Чокобаева не учитывает, что в убийстве по найму может и не быть организатора этого преступления, т.к. лицо, в интересах которого совершается это преступление, может являться подстрекателем к убийству.

Л.Я. Драпкин, В.Н. Долинин и А.Е. Шуклин определяют убийство, совершенное по найму (наемное убийство), как «умышленное лишение жизни другого человека, совершенное исполнителем по поручению и в интересах заказчика за вознаграждение» [5, с. 35].

Приведенные точки зрения показывают, что юристы в качестве конструктивных особенностей убийства по найму называют: совершение этого преступления в соучастии, инициатива исходит от заказчика, мотив исполнителя, обусловленность убийства вознаграждением, но при этом трактуют эти признаки по-своему и в различных сочетаниях.

Дефиниция «убийство по найму» сочетает в себе два термина «убийство» и «найм». Первый законодательно закреплен в ч. 1 ст. 105 УК РФ, понятие второго в законе отсутствует. В настоящее время в уголовном праве России укоренилась точка зрения об убийстве как исключительно умышленном причинении смерти другому человеку. Высказанное в свое время М.Д. Шаргородским мнение, что убийством может быть только умышленное неправомерное лишение жизни другого человека [15, с. 38, 194], несколько десятилетий подвергалось критике со стороны ведущих правоведов [10, с. 518; 7, с. 21-22; 1, с. 15; 8, с. 21], но в настоящее время получило всеобщее одобрение в уголовно-правовой литературе. Этому способствовали изменения уголовного законодательства в части ответственности за убийство. В ныне действующем УК РФ законодатель отказался от признания причинения смерти по неосторожности убийством, в отличие от уголовных законов советского периода.

С точки зрения русского языка, слово «найм» рассматривается как устройство (принятие) на оплачиваемую работу. Лицо, принимающее на работу, «нанимает» лицо, поступающее на работу («нанимается»). Найм не предполагает бескорыстных отношений, в основе отношений найма лежат деньги или иное вознаграждение. В российском законодательстве найм

употребляется относительно жилого помещения. В статье 671 ГК РФ регламентируется договор найма жилого помещения. Однако между договором найма жилого помещения и криминальным наймом убийцы мало общего.

Криминальный найм убийцы имеет большое сходство с договором возмездного оказания услуг, предусмотренным ст. 779 ГК РФ. Согласно ч. 1 ст. 779 ГК РФ по договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги. Естественно, найм убийцы не имеет никакого отношения к гражданско-правовым отношениям, т.к. такая сделка является преступной и юридически ничтожной. Участники такой криминальной сделки подлежат уголовной ответственности. Фактически исполнитель преступления обязуется по заданию заказчика оказать «услуги» (убить другого человека), а заказчик обязуется оплатить эти «услуги». В основе этой преступной сделки лежит вознаграждение, которое заранее оговаривается всеми участниками «коммерческой сделки».

Таким образом, под наймом в п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ следует понимать преступный сговор между заказчиком преступления или его представителем и исполнителем убийства, в ходе которого оговариваются полностью или частично детали будущего преступления (как минимум личность потерпевшего и характер вознаграждения). Такой сговор образует состав приготовления к убийству по найму (ч. 1 ст. 30, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Найм обозначает первый важный признак убийства по найму – инициатива совершения этого преступления исходит от заказчика (организатора или подстрекателя), в интересах которого умышленно лишается жизни потерпевший.

В пункте 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» убийство по найму определяется как «убийство, обусловленное получением исполнителем преступления материального или иного вознаграждения». Сформулированное высшей судебной инстанцией понятие убийства по найму не лишено недостатков. Пленум Верховного Суда РФ полагает, что убийство по найму обладает таким конструктивным признаком, как совершение этого деяния за материальное или иное вознаграждение, но не указывает на источник этого вознаграждения.

Соответственно, при доскональном анализе сформулированного термина возникают дополнительные вопросы. Во-первых, от кого именно должно быть получено вознаграждение? Кто должен быть источником такого вознаграждения? Могут ли считаться вознаграждением деньги, имущество или ус-

луги имущественного характера, полученные за счет имущества убитого? Во-вторых, что понимается под иным вознаграждением? Может ли такое вознаграждение быть нематериальным?

Убийство по найму совершается за вознаграждение. Вознаграждение может быть получено непосредственно от лица, инициирующего это преступление, от представителя этого лица либо анонимно. Важен сам факт совершения убийства в целях получения за это вознаграждения.

Источник вознаграждения неважен для наемного убийцы. Фактически это могут быть деньги или иное имущество, являющееся собственностью заказчика, иного лица, группы лиц, заемные или похищенные средства. Для наемного убийцы важным является, что деньги или иное имущество адресованы ему от заказчика преступления или его представителя.

Мы солидарны с позицией ряда авторов, считающих, что наемный убийца получает материальное вознаграждение за совершенное убийство из третьего источника, а не за счет имущества потерпевшего [6, с. 9]. Этот факт им должен осознаваться. В противном случае действия такого лица должны рассматриваться как убийство из корыстных побуждений. Если же вознаграждение хотя и выплачивается или предполагается выплатить за счет имущества потерпевшего, но о данном факте наемному убийце неизвестно, то деяние должно расцениваться как убийство по найму.

Вознаграждение рассматривается как плата за убийство, «благодарность», «награда». Прежде всего под вознаграждением понимаются деньги. В большинстве случаев в уголовных делах об убийстве по найму фигурируют в качестве оплаты убийства именно деньги (российские рубли или иностранная валюта, наличные или безналичные). Помимо денег, в качестве вознаграждения могут выступать ценные бумаги (документарные или бездокументарные) и имущество (движимое или недвижимое). Имущественные права также могут являться вознаграждением, передаваемым за совершение убийства исполнителю.

Полагаем, что к вознаграждению должны быть приравнены и действия имущественного характера, совершенные в интересах наемного убийцы. Напри-

мер, оказание или оплата услуг, производства строительных, ремонтных, установочных и иных работ, которые в условиях свободного гражданского оборота являются возмездными, исполнение за него обязательств (например, погашение кредита, прощение или уплата долга, штрафа и т.д.). Предметом вознаграждения могут быть предметы, ограниченные в свободном гражданском обороте или запрещенные к нему. В этом случае их передача и получение в качестве вознаграждения могут образовывать самостоятельный состав преступления (например, ст. 220, 222, 228¹, 234 УК РФ и др.). Услуги как предмет вознаграждения за убийство по найму также могут носить незаконный характер.

Вознаграждение – это второй конструктивный признак убийства по найму, подлежащий обязательному доказыванию при вменении убийства по найму.

Для квалификации убийства как совершенного по найму **неважно**, получил ли исполнитель убийства вознаграждение или нет. Важно, что он руководствовался корыстным мотивом при совершении убийства и преследовал цель получения вознаграждения от третьего лица. *Например, испытывающий материальные затруднения Кибкалов согласился совершить убийство Н. за 100 000 рублей. Заказчиком убийства выступил предприниматель Шевцов, который был должен Н. крупную сумму денег. 8 декабря 2017 г. Кибкалов застрелил Н. из обрезка охотничьего ружья 16 калибра. Однако вознаграждение от Шевцова получить не успел, т.к. через неделю после убийства был задержан. Кибкалов был осужден за совершение убийства по найму по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ [12].*

Все вышеизложенное позволяет нам прийти к выводу, что убийство по найму, помимо общих признаков убийства (причинение смерти другому человеку, умышленный характер деяния), содержит в себе и специальные признаки: совершается в интересах третьего лица, выступающего инициатором этого преступления; обусловленность преступления получением вознаграждения от третьего лица за причинение смерти потерпевшему.

Таким образом, убийство по найму – это умышленное причинение смерти другому человеку, совершенное в интересах третьего лица за вознаграждение.

Литература

1. Аниязц М.К. Ответственность за преступления против жизни. М., 1964. 212 с.
2. Бородин С.В. Преступления против жизни. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. 467 с.
3. Гайков И.В. Проблемы квалификации и регламентации ответственности за убийство по найму: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 23 с.
4. Геворгян В.М. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика убийства по найму: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 30 с.

5. Драпкин Л.Я., Долинин В.Н., Шуклин А.Е. Убийства по найму: понятие, криминалистическая характеристика, раскрытие и расследование // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 2 (104). С. 35-42.
6. Ежков А.В. Ответственность за убийство по найму по уголовному законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 31 с.
7. Загородников Н.И. Преступления против жизни. М., 1961. 278 с.
8. Курс советского уголовного права. Том 5. Часть Особенная: Преступления против личности, ее прав. Хозяйственные преступления / А.А. Пионтковский, П.С. Ромашкин, Г.Л. Кригер. М., 1971. 572 с.
9. Локк Р.В. Заказные убийства (криминологический анализ): учебное пособие. М.: Былина, 2003. 192 с.
10. Пионтковский А.А., Меньшагин В.Д. Курс советского уголовного права. Особенная часть. М., 1955. Т. 1. 800 с.
11. Попов А.Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. 896 с.
12. Приговор от 16 октября 2018 г. Иркутского областного суда по делу № 2-46/2018 // ГАС «Правосудие». URL: https://oblsud--irk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&srv_num=1&number=21535528&delo_id=1540006&new=&text_number=1.
13. Разгильдиев Б. Убийство по заказу // Российская юстиция. 1995. № 6. С. 41-42.
14. Чокобаева А.Б. Убийства по найму: отдельные уголовно-правовые и криминологико-криминалистические аспекты преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Бишкек, 2013. 29 с.
15. Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья. М., 1948. 511 с.

УДК 343.58

Н.С. Диденко, канд. юрид. наук

Ростовский юридический институт МВД России;

Л.В. Кокорева, канд. юрид. наук, доцент

Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

А.А. Торовков

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: torovkoff1204@mail.ru

КВАЛИФИКАЦИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 245 УК РФ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Затруднения при квалификации преступлений, предусмотренных ст. 245 УК РФ, связаны со сложностями анализа действий виновного лица, на основе которого необходимо определить наличие у него умысла на осуществление в отношении животного хулиганских действий либо на использование садистских методов в целях причинения живому существу невыносимых страданий. В свою очередь, анализ следственной и судебной практики позволяет сделать вывод, что один и тот же способ жестокого обращения с животными может быть квалифицирован как с применением садистских методов или без таковых. Авторы пришли к выводу, что отечественное законодательство распространяет на животных общие правила об имуществе.

Ключевые слова: квалификация преступлений, животные, жестокое обращение с животными, преступления против общественной нравственности, проблемы правоприменительной практики, следователь, дознаватель.

N.S. Didenko, Candidate of Juridical Sciences

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

L.V. Kokoreva, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

The Moscow Regional Branch of the Vladimir Kikot Moscow University
of the Ministry of Interior of Russia;

A.A. Torovkov

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: torovkoff1204@mail.ru

QUALIFICATION OF CRIMINAL CASES ON CRIMES UNDER ARTICLE 245 OF THE CRIMINAL CODE: PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Public outcry, cruelty, sadistic methods of committing crimes under Art. 245 of the Criminal Code of the Russian Federation make law enforcement agencies to pay special attention to their investigation, and equally to prevention. It may be difficult to qualify the act and distinguish it from other crimes, also associated with causing death or injury to an animal.

The analysis of investigative and judicial practice allows to draw a conclusion that the same way of cruelty to animals can be qualified as with application of sadistic methods or without those. Considering topical issues of law enforcement practice, it is concluded that the domestic legislation extends to animals the General rules on property.

Key words: qualification of crimes, animals, cruelty to animals, crimes against public morality, problems of law enforcement practice, investigator.

Статья 9 Федерального закона от 27.12.2018 № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7] (далее – Федеральный закон № 498-ФЗ) закрепляет общие требования к содержанию животных их владельцами. В случае отказа от права собственности на животное или невозможности его дальнейшего содержания владелец животного обязан передать его новому владельцу или в приют для животных, который может обеспечить условия содержания такого животного.

Под животными¹ [18] в обыденном смысле понимаются дикие и домашние животные (часто либо только млекопитающие, либо шире – наземные, а также некоторые плавающие позвоночные).

Отметим, что общественный резонанс, жестокость, садистские методы совершения преступлений, предусмотренных ст. 245 УК РФ, заставляют правоохранительные органы уделять их расследованию, а в равной степени и профилактике повышенное внимание. По смыслу ст. 245 УК РФ в качестве животных не следует рассматривать рыб, пресмыкающихся, земноводных и беспозвоночных, а только высших позвоночных, т.е. млекопитающих и птиц, находящихся в естественной среде обитания (дикие животные) либо содержащихся у человека (домашние животные).

В соответствии со ст. 15 УК РФ преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 245 УК РФ, отнесены законодателем к категории преступлений небольшой тяжести, соответственно ч. 2 ст. 245 УК РФ – средней тяжести. Общественная опасность рассматриваемых преступлений состоит в жестокое обращение с животными. Они считаются оконченными с момента наступления последствий (*материальный состав преступления*).

Следовательно (дознавателю) необходимо четко устанавливать, что гибель или увечья животного причинены именно действиями виновного, т.е. причинно-следственную связь, которая выступает обязательным признаком преступления. При этом законодательством не определено понятие «увечья животному», что в ходе расследования или судебного разбирательства может исключить указанный признак состава преступления, являющийся обязательным [1].

Согласно комментариям к уголовному закону основным объектом преступного посягательства является только общественная нравственность. Факультативный объект – право собственности [5]. Отметим, что рассматривать право животных на жизнь и здоровье не приемлемо. В соответствии со ст. 137 Гражданского кодекса Российской Федерации [3] «к

животным применяются общие правила об имуществе постольку, поскольку законом или иными правовыми актами не установлено иное. При осуществлении прав не допускается жестокое обращение с животными, противоречащее принципам гуманности». Следовательно, отечественное законодательство распространяет на животных общие правила об имуществе.

Предметом преступления выступают домашние (одомашненные), в т.ч. без хозяина, бездомные (безнадзорные), прирученные, находящиеся вне воли (дикие) животные, имеющие нервную систему и способные ощущать боль.

Объективная сторона выражается именно в жестоких действиях (бездействии), которые привели к увечьям или иному повреждению здоровья животного либо его смерти.

В свою очередь, в уголовном законе не раскрывается понятие «жестокое обращение с животным». В юридической литературе этот вопрос продолжает оставаться весьма дискуссионным. Некоторую ясность внес Федеральный закон № 498-ФЗ, в п. 5 ст. 3 которого содержится следующее законодательное понятие: «*жестокое обращение с животным* – обращение с животным, которое привело или может привести к гибели, увечью или иному повреждению здоровья животного (включая истязание животного, в т.ч. голодом, жаждой, побоями, иными действиями), нарушение требований к содержанию животных, установленных настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации (в т.ч. отказ владельца от содержания животного), причинившее вред здоровью животного, либо неоказание при наличии возможности владельцем помощи животному, находящемуся в опасном для жизни или здоровья состоянии».

Разделяя мнение Е.В. Богатовой, полагаем, что *под увечьем* следует понимать вред, опасный для жизни животного, потерю им зрения, слуха либо какого-либо органа или утрату органом своих функций, прерывание беременности животного [2, с. 10-11]. Правила определения степени тяжести вреда, причиненного животному вследствие жестокого обращения, разработанные Е.В. Богатовой, представляют определенный практический интерес [2].

Способ жестокого обращения с животными следует рассматривать как *факультативный (альтернативный)* признак состава преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ.

Изучение юридической литературы, обобщение следственной и судебной практики позволили сделать вывод, что жестокость обращения с животными проявляется в различных формах. К наиболее распространенным способам жестокого обращения

¹ Заимствование из старославянского, где животное прои-зведено от живот – «жизнь»; таким образом, исходное значение этого слова – «животное существо»

с животными относят удушение, сбрасывание с высоты, удары о различные предметы, с применением оружия (холодное, пневматическое, травматическое, огнестрельное), отравление (ядовитыми веществами или медицинскими препаратами), поджигание или сжигание животного, членовредительство (перебивание конечностей, выкалывание глаз, отрезание ушей, хвоста, вырывание зубов и т.д.), истязания и другие действия. Следует рассматривать как жестокое обращение с животными и умышленные наезды на них, которые приводят к смерти (гибели) или причинению увечий, или иному повреждению здоровья животного. В практической деятельности встречается и комбинирование различных способов.

Содержание животных в антисанитарных условиях, лишение его воды или пищи на длительный срок либо неправильное кормление, неоказание при необходимости ветеринарной помощи следует квалифицировать как *жестокое обращение, связанное с бездействием*. Однако привлечь к уголовной ответственности возможно, если будет доказано, что конкретное лицо обязано было заботиться о животном.

Субъектом преступления признается вменяемое физическое лицо (гражданин РФ, иностранный гражданин или лицо без гражданства), достигшее 16-летнего возраста.

В комментариях к уголовному закону указывается, что *субъективная сторона* преступления характеризуется именно умыслом и целью причинения животному боли или иных страданий [17, с. 509]. Вина *выражается в форме прямого или косвенного умысла*.

Обязательным признаком субъективной стороны является *мотив преступления*. При жестоким обращении с животными он может быть хулиганским либо корыстным.

Хулиганские побуждения проявляются прежде всего в стремлении субъекта преступления продемонстрировать свое пренебрежение к общепризнанным нормам морали и гуманного обращения с животным (животными). По мнению ряда исследователей, действия виновного не имеют логических объяснений, они беспочвенны и безмотивны.

Корыстные побуждения – получение от жестокого обращения с животным (животными) материальной выгоды (выигрыш в схватке или жестоких соревнованиях животных, использование меха или мяса животного для продажи и т.д.).

В юридической литературе высказываются предложения предусмотреть в качестве мотива преступления наличие низменных побуждений виновного, т.к. он фактически желает удовлетворить свое пристрастие к наблюдению за болью животного. По мнению В.С. Мирошниченко, это позволит расширить сферу применения ст. 245 УК РФ [6, с. 16].

Обратим внимание, *если субъект преступления не преследует цель причинить страдание животному*, а совершает его убийство только для удовлетворения своих физиологических потребностей (например, для утоления голода), то деяние не содержит состава преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ.

Приведем следующий пример из судебной практики. С. был осужден по ч. 1 ст. 245 УК РФ¹ [8]. Из материалов уголовного дела следует, что С. убил собаку, чтобы употребить ее мясо в пищу в тот момент, когда та спала. Гибель собаки наступила непосредственно после выстрела. В итоге президиум областного суда отменил приговор и признал выводы суда о наличии в действиях осужденного состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 245 УК РФ, ошибочными. В своем решении суд отметил, что «объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, заключается в действиях, состоящих в жестоком обращении с животными, таких как мучение животных или издевательство над ними, например, их систематическое избивание, содержание в невыносимых условиях, препятствующих нормальному функционированию организма, длительное оставление без пищи и воды, т.е. причинение страданий животным на протяжении определенного времени, что приводит к их гибели или увечью. При этом не может рассматриваться как жестокое обращение с животными охота на них и умерщвление их без излишних мучений для получения мяса и шкур; мероприятия, связанные с предотвращением размножения животных; их эвтаназия при оказании ветеринарных услуг; уничтожение животных по санитарно-эпидемиологическим соображениям».

Квалифицированные виды рассматриваемого преступления характеризуются его совершением при обстоятельствах, перечисленных в ч. 2 ст. 245 УК РФ (пункты «а»-«г»). Приведем эти обстоятельства и соответствующие примеры из следственной [1]² и судебной практики³:

- *группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой*.

Пример: М. осуждена по ч. 2 ст. 245 УК РФ за жестокое обращение с животными, повлекшее его

¹ Постановлением Президиума Сахалинского областного суда от 09.09.2011 по делу № 44у-93/11 приговор в части осуждения за жестокое обращение с животными, повлекшее их гибель, отменен, дело прекращено за отсутствием состава преступления, поскольку осужденный не преследовал цели причинить страдание животному, а убил его для удовлетворения своих физиологических потребностей.

² Приведенные примеры следственной практики взяты из обзоров уголовных дел ГУ МВД России по г. Москве и Московской области.

³ Примеры взяты из обзоров судебной практики и решений, размещенных на официальных сайтах судов.

гибель, с применением садистских методов, группой лиц по предварительному сговору. Как установлено судебными решениями, в конце мая – начале июня 2010 г. М. в связи с тем, что кот черно-белого окраса, принадлежащий соседям, съел принадлежащую ей домашнюю птицу, решила умертвить это животное. С этой целью она предложила К. и Д. за плату в виде спиртного помочь поймать и убить кота, на что они согласились и закрыли кота в гараже. Затем К. стал выгонять кота на улицу хозяйственными вилами, а Д. зажал голову животного между входной дверью гаража и дверной коробкой. К. нанес два удара хозяйственными вилами по туловищу животного, а находившаяся с внешней стороны гаража М., действуя совместно с К. по ранее достигнутой договоренности, нанесла 2-3 удара молотком по голове кота. Д. из жалости к животному ушел, в результате чего кот освободился и попытался скрыться. Когда кот побежал к выходу из гаража, М. снова зажала животное между входной дверью и дверной коробкой, после чего нанесла множественные удары молотком по голове кота. В это время К., находясь в помещении гаража, нанес четыре удара хозяйственными вилами в область туловища животного. В результате действий указанной группы лиц, осужденных, наступила гибель животного (кота) [1];

- *в присутствии малолетнего.* Преступление признается совершенным в присутствии малолетних, т.е. лиц, не достигших 14-летнего возраста. Совершение рассматриваемого преступления в присутствии малолетних означает, что жестокое обращение с животными обязательно происходит в присутствии хотя бы одного ребенка, не достигшего 14-летнего возраста.

Так, Ч., находясь в состоянии алкогольного опьянения на придомовой территории жилого дома, имея преступный умысел, направленный на жестокое обращение с животным, из хулиганских побуждений, вопреки общественной нравственности в сфере гуманного отношения к животным, стремясь к неоправданной жестокости, используя физическую силу и превосходство, умышленно в присутствии находившихся в указанном выше доме у окна малолетних, беспричинно проявляя жестокость в отношении собаки – шестилетнего кобеля породы метис по кличке Айк, имевшимся у него при себе ножом нанес указанной собаке множественные удары по телу и в область головы, в результате чего собака получила особые страдания и увечье в виде отсеченной части ушной раковины [9];

- *с применением садистских методов.* По мнению сотрудников органов предварительного расследования и судей, жестокое обращение с животными с применением садистских методов является оценочной категорией, и аналогичные действия могут ква-

лифицироваться как по ч. 1, так и по п. «в» ч. 2 ст. 245 УК РФ.

Приведем несколько примеров из судебной практики по установлению фактов применения садистских методов.

Т., находясь возле детского сада, умышленно, с целью причинения смерти собаке, ведя собаку породы аргентинский дог по кличке Варлам рядом с собой в наморднике и на поводке, подошел к металлической перекладине в виде турника, после чего перекинул поводок, закрепленный на ошейнике, одетом на собаке, через перекладину и с силой стал натягивать поводок на себя, пытаясь задушить собаку, которая стала задыхаться от вышеуказанных действий, однако довести свой преступный умысел до конца Т. не смог, т.к. перекладина от веса собаки согнулась, не дав Т. причинить смерть собаке. Тогда Т. оттащил животное, тянув с силой за поводок к металлическому ограждению детского сада, после чего перекинул поводок, закрепленный на ошейнике, надетом на собаке, через металлическое ограждение и опять с силой стал натягивать поводок на себя, пытаясь ее задушить. Собака стала задыхаться от вышеуказанных действий Т. и приподниматься на задние лапы. Т. начал наносить множественные удары в хаотичном порядке по телу собаки, при этом собака испытывала мучительные боли, одновременно натягивая поводок, что повлекло гибель собаки [10]. Действия Т. были квалифицированы судом по п. «в» ч. 2 ст. 245 УК РФ как жестокое обращение с животным в целях причинения ему боли и страданий, повлекшее его гибель, совершенное с применением садистских методов. В свою очередь, судебной практике известны и иные случаи, когда похожие действия лица квалифицируются лишь по ч. 1 ст. 245 УК РФ.

Ш., находясь в своей квартире, в ходе внезапно возникшего преступного умысла, направленного на причинение боли и страданий коту по кличке Барсик, предвидя наступление последствий в виде гибели кота, действуя с особой жестокостью, взял в правую руку пластиковую трубу, которой нанес неустановленное количество ударов по голове и туловищу кота по кличке Барсик, тем самым причинив последнему согласно проведенной судебно-ветеринарной экспертизе травмы, несовместимые с жизнью, в виде поперечного надрыва верхней трети трахеи с кровоизлиянием, а также выбив зубы в области верхней и нижней челюсти, причинив коту боль и страдания, в результате которых наступила смерть кота по кличке Барсик, тем самым причинив У. моральный вред [1]. Ш. было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного лишь ч. 1 ст. 245 УК РФ, исключая преступный умысел, направленный на причинение смерти животного (кота) с применением садистских методов.

Таким образом, можно сделать вывод, что один и тот же способ жестокого обращения с животными может быть квалифицирован как с применением садистских методов, так и без таковых. Полагаем, что такое толкование норм закона приводит к различной правоприменительной практике, что является недопустимым.

Обратим внимание на еще один пример из судебной практики. Так, С., находясь в состоянии алкогольного опьянения, действуя из хулиганских побуждений, нанес несколько ударов ногой по телу щенка собаки по кличке Малыш. Далее С. взял со стола кухонный нож, вышел в коридор квартиры и, действуя из хулиганских побуждений, схватил щенка левой рукой за холку, а правой рукой, в которой находился нож, нанес один удар лезвием ножа по горлу щенка собаки по кличке Малыш. В результате умышленных преступных действий С. щенок скончался на месте от травм, не совместимых с жизнью [11]. После этого С. перенес тело щенка в ванну, чтобы стекла кровь, а примерно через два часа, осознавая, что преступный результат его жестокости будет воспринят неопределенным кругом лиц, выбросил тело щенка собаки по кличке Малыш через окно на улицу [4, с. 83-87].

В данном случае мировой судья согласился с квалификацией действий подсудимого С. по ч. 1 ст. 245 УК РФ. Хотя вышеуказанные действия в целом не были связаны с демонстрацией жестокого обращения (кроме последних, когда С. выбросил тело щенка из окна на улицу), поэтому квалификация таких действий, как осуществленных из хулиганских побуждений, спорна.

Садистские методы не являются просто жестокими, иначе законодатель не выделял бы их отдельным пунктом квалификации. Они могут расцениваться как особая, изощренная жестокость, совершаемая издевательскими способами (например, сдирание шкуры, многочисленные удары, пытки, удушение и другие способы мучительного умерщвления).

Анализ следственной и судебной практики рассматриваемых преступлений позволяет сделать вывод, что сильные удары животного о различные поверхности (стены, землю, пол, потолок и т.д.) являются распространенным способом жестокого обращения с животными, влекущим их гибель. Однако такой способ умерщвления животного в одних субъектах РФ рассматривается как садистский, в других – нет.

Л., находясь в своей квартире, имея умысел на жестокое обращение с животным, беспородной кошкой черного окраса, желая избавиться от нее, применил к животному садистские методы воздействия, а именно: находясь в комнате вышеуказанной квартиры бил кошку об стены комнаты, в результате чего согласно протоколу патологоанатомического вскры-

тия смерть животного наступила от остановки мозговой деятельности, развившейся на фоне тяжелой черепно-мозговой травмы¹ [1].

В следующем примере аналогичный способ совершения деяния не квалифицируется как садистский метод.

М. схватил кота за шею и ударил его туловищем об угол стены, после чего кинул кота на пол и нанес ему три удара ногой в область туловища, затем наступил на кота ногой и прижал его к полу, в результате чего кот перестал издавать звуки и движения, не подавая признаков жизни. Затем М. выкинул безжизненное тело кота из подъезда на улицу [4, с. 83-87], тем самым своими противоправными жестокими действиями причинил бездомному коту физическую боль и телесные повреждения в виде перелома грудной клетки, костей таза, разрыва желудочно-кишечного тракта, повлекшие мучительную гибель животного [12].

Анализ судебной практики позволяет утверждать, что неоднозначно решается вопрос о выбрасывании животного с высоты в качестве садистского способа жестокого обращения. В ряде изученных материалов уголовных дел и приговоров судов такое действие квалифицировалось как садистский метод, изощренный способ причинения страдания животному:

1) В. умышленно схватил за холку свою собаку и, причиняя ей физическую боль, выбросил с балкона второго этажа на землю. В результате этого собака получила особые страдания и телесные повреждения [13];

2) Г. схватил свою кошку руками за шкуру, вышел вместе с ней на балкон и сбросил ее с восьмого этажа. В результате падения кошка ударилась об асфальтовое покрытие, что повлекло мучительную гибель животного [14].

Описанные деяния судом квалифицированы по п. «в» ч. 2 ст. 245 УК РФ (с применением садистских методов, выразившихся в причинении длительных страданий животному).

Теперь приведем примеры из судебной практики, в которых указанный признак объективной стороны не был вменен, хотя обстоятельства совершения деяния достаточно схожи:

1) К. выбросил свою собаку, беспородного щенка черного окраса, из окна балкона второго этажа своей квартиры. В результате действий подсудимого животному причинены физическая боль, повлекшая особые страдания и телесные повреждения. К. был

¹ Уголовное дело возбуждено ОД ОМВД России по району Северное Тушино г. Москвы по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 245 УК РФ, в отношении Л. (в связи с истечением предельного срока дознания передано в СО ОМВД России по району Северное Тушино г. Москвы).

обвинен и осужден по ч. 1 ст. 245 УК РФ за жестокое обращение с животным из хулиганских побуждений, повлекшее его гибель [15].

В следующем примере деяние также квалифицировано как совершенное из хулиганских побуждений:

2) Б. схватил щенка руками за шерсть и, действуя из хулиганских побуждений, осознавая, что его умышленные действия причинят щенку телесные повреждения и физические страдания, выбросил животное в окно квартиры, расположенной на третьем этаже. В результате этого щенок получил травмы, не совместимые с жизнью, и погиб [16].

Таким образом, садистские методы приносят животному особо длительную и мучительную боль. Следовательно, выбрасывание с высоты следует во всех случаях рассматривать в качестве садистского способа жестокого обращения с животным;

- с публичной демонстрацией, в т.ч. в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет).

В соответствии со ст. 12 Федерального закона № 498-ФЗ запрещается пропаганда жестокого обращения с животными, а также призывы к жестокому обращению с животными. Кроме того, запрещаются производство, изготовление, показ и распространение пропагандирующих жестокое обращение с животными кино-, видео- и фотоматериалов, печатной продукции, аудиовизуальной продукции, размещение таких материалов и продукции в информационно-телекоммуникационных сетях (в т.ч. в сети Интернет) и осуществление иных действий, пропагандирующих жестокое обращение с животными.

Результаты анализа следственной и судебной практики, проведенного ГСУ ГУ МВД России по Московской области [1], позволяют утверждать, что жестокое обращение с животными, сопряженное с публичной демонстрацией в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, преследует цель привлечения внимания к аккаунтам в социальных сетях, мессенджерах и пр.

Приведем следующий пример из следственной практики. Так, С. посадила хомяка в банку с канцелярскими кнопками и посыпала его горячим пеплом от сигареты, причинив ему боль и физические страдания; замотала хомяка в бумажный скотч, при этом прижигала его огнем при помощи зажигалки; посадила хомяка в банку, где он пробыл не менее семи дней без пищи и воды, тем самым причинив животному

боль и физические страдания, повлекшие в результате обезвоживания и истощения гибель животного, с применением садистских методов. Страдания животного были С. сняты фотокамерой. Далее С., не останавливаясь на достигнутом, осознавая, что доступ к информации в информационно-телекоммуникационной среде в социальной сети «ВКонтакте» имеют любые граждане, в т.ч. и малолетние лица, желая показать свою вседозволенность и безнаказанность, разместила на зарегистрированных на ее имя страницах, допускающих свободный доступ к указанному интернет-ресурсу, не требующих предварительной регистрации и пароля. Размещая фотографии, демонстрирующие жестокое обращение с хомяком, причиненные ему страдания, вместе с пояснительными текстами, С. допустила действия, которые не только связаны с негуманным отношением к животному, но и оказывают негативное влияние на правосознание граждан, в т.ч. малолетних лиц, формируя искаженное представление о допустимых способах обращения с животными, воспитывая противоправное поведение у малолетних, при этом желая показать свою вседозволенность и безнаказанность [1];

- в отношении нескольких животных. Для квалификации по п. «д» ч. 2 ст. 245 УК РФ необходимо установить факт совершения деяния, охваченного единым умыслом, в отношении двух или более животных (одного и того же вида, или разных видов, или последовательно).

Подводя итог всему вышеизложенному, отметим, что затруднения при квалификации преступлений указанной категории связаны со сложностями анализа действий виновного лица, на основе которого необходимо определить наличие у него умысла на осуществление в отношении животного хулиганских действий, либо на использование садистских методов в целях причинения живому существу невыносимых страданий. В свою очередь, анализ следственной и судебной практики позволяет сделать вывод, что один и тот же способ жестокого обращения с животными может быть квалифицирован как с применением садистских методов или без таковых. К примеру, сильные удары животного о различные поверхности, выбрасывание животного с высоты в одних случаях квалифицируются как садистские, в других – нет. Полагаем, что такое толкование норм закона приводит к различной правоприменительной практике, что является недопустимым.

Литература

1. Анализ следственно-судебной практики и специфики доказывания преступлений, связанных с жестоким обращением с животными (ответ на запрос от 25.02.2019 № 17/3-5685 Главного следственного управления ГУ МВД России по г. Москве).

2. Богатова Е.В. Жестокое обращение с животными: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2013.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2019) // Российская газета. 1994. 8 дек. № 238-239.
4. Кокорев Р.А. Применение специальных знаний при осмотре места происшествия // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, имена (к 90-летию профессора Р.С. Белкина): сборник мат-лов 53-х криминалистических чтений: в 3 ч. М.: Академия управления МВД России, 2012. Ч. 2. С. 83-87.
5. Комментарий к статье 245 УК РФ. URL: <http://ukodeksrf.ru/ch-2/rzd-9/gl-25/st-245-uk-rf> (дата обращения: 12.09.2019).
6. Мирошниченко В.С. Жестокое обращение с животными (уголовно-правовые и криминологические аспекты): автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
7. Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ // Российская газета. 2018. 29 дек. № 295.
8. Постановление Президиума Сахалинского областного суда от 09.09.2011 по делу № 44у-93/11. URL: <http://oukrf.ru/st245> (дата обращения: 13.09.2019).
9. Приговор от 24.04.2017 по делу № 1-23/2017. Судебный участок № 76 мирового судьи Клинского судебного района (Московская область). URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/3aQU1gxqXbZK/?magistrate-txt=&magistrate-case_doc=&magistrate-lawchunkinfo (дата обращения: 10.09.2019).
10. Приговор Октябрьского районного суда г. Томска от 28.09.2018. Д. № 1-408/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2d5nnBsQCEmb/> (дата обращения: 10.09.2019).
11. Приговор от 13.02.2015 по делу № 1-5/2015. Судебный участок № 194 мирового судьи Подольского судебного района (Московская область). URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/2MnsHH8yhw5a/?magistrate-txt=&magistrate-case_doc=&magistrate-lawchunkinfo (дата обращения: 10.09.2019).
12. Приговор от 18.07.2016 по делу № 1-39/2016. Судебный участок № 246 мирового судьи Солнечногорского судебного района (Московская область). URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/P5sn5vYPwZd8/?magistrate-txt=&magistrate-case_doc=&magistrate-lawchunkinfo (дата обращения: 10.09.2019).
13. Приговор от 15.06.2015 по делу № 1-44/2015. Судебный участок № 75 мирового судьи Клинского судебного района (Московская область). URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/QJ8YDYUPRJHO/?magistrate-txt=&magistrate-case_doc=&magistrate-lawchunkinfo (дата обращения: 10.09.2019).
14. Приговор от 27.01.2015 по делу № 1-4/2015. Судебный участок № 152 мирового судьи Одинцовского судебного района (Московская область). URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/2RN47WgCbAUP/?magistrate-txt=&magistrate-case_doc=&magistrate-lawchunkinfo (дата обращения: 10.09.2019).
15. Приговор от 18.03.2015 по делу № 1-34/2015. Судебный участок № 302 мирового судьи Королевского судебного района (Московская область). URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/uzRmWCz82J1j/?magistrate-txt=&magistrate-case_doc=&magistrate-lawchunkinfo (дата обращения: 10.09.2019).
16. Приговор от 03.12.2014 по делу № 1-41/2014. Судебный участок № 190 мирового судьи Подольского судебного района (Московская область). URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/cTA8y8QCrI6m/?magistrate-txt=&magistrate-case_doc=&magistrate-lawchunkinfo (дата обращения: 10.09.2019).
17. Рапор А.И. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу РФ. М.: Эксмо, 2018.
18. Этимологический словарь русского языка. СПб.: ООО «Полиграф услуги», 2005. 432 с.

УДК 343.57: 343.9

О.А. Дизер, доктор юрид. наук, доцент

Омская академия МВД России

E-mail: dizer77@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОУГРОЗЕ: ТЕНДЕНЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Автором рассматриваются актуальные проблемы противодействия наркоугрозе, являющейся в настоящее время серьезным препятствием развитию государства. Особое внимание при применении мер защиты общества и государства от угроз, исходящих от незаконного оборота наркотиков, должно уделяться несовершеннолетним, поскольку озабоченность вызывает распространение вовлечения в наркопотребление и в совершение наркопреступлений именно молодежи. По характеру и масштабу негативных последствий незаконный оборот наркотиков можно отнести к категории прямых угроз национальной безопасности. На сегодняшний день актуальность представляют вопросы противодействия незаконному обороту наркотиков с использованием современных информационных технологий, совершенствования механизмов по обращению в доход государства имущества, полученного от незаконного оборота наркотиков. Предлагаются направления совершенствования мер противодействия наркоугрозе.

Ключевые слова: наркоугроза, наркобизнес, незаконный оборот наркотиков, противодействие наркоугрозе, распространение наркотиков при помощи сети Интернет, подпольное производство наркотиков, подпольные лаборатории, нарколаборатории, контрабанда наркотиков.

O.A. Dizer, Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: dizer77@mail.ru

CURRENT ISSUES OF COUNTERING THE DRUG THREAT: TRENDS AND AREAS OF IMPROVEMENT

The author considers current problems of countering the drug threat, which is currently a serious obstacle to the development of the state. Special attention should be paid to minors when applying measures to protect society and the state from the threats posed by drug trafficking, since the spread of involvement in drug use and drug crimes is a matter of concern for young people. By the nature and scale of the negative consequences, drug trafficking can be classified as a direct threat to national security. To date, the issues of countering illicit drug trafficking using modern information technologies and improving mechanisms for converting property obtained from illicit drug trafficking into state revenue are topical. The directions of improvement of measures to counter the drug threat are suggested.

Key words: drug threat, drug business, illegal drug trafficking, counteraction to the drug threat, underground drug production, underground laboratories, drug laboratories, drug smuggling.

Проблемы, связанные с незаконным оборотом наркотиков (под ними в настоящей статье понимается весь спектр веществ, обладающих психоактивными свойствами и контролируемых государством), являются многоаспектными и приобретают все большую актуальность в мире. Распространение наркотических средств, их объемы и последствия создают существенную угрозу здоровью населения, подрывают экономический потенциал, негативно влияют на демографическую ситуацию и правопорядок в государстве [2].

Согласно данным федерального статистического наблюдения, общее количество пациентов с психическими расстройствами, связанными с употреблением наркотиков, которые зарегистрированы в медицинских организациях, оказывающих медицинскую помощь по профилю «психиатрия-наркология», в 2018 г. составило 423,4 тыс. человек [3, с. 4].

Особую озабоченность вызывает распространение вовлечения в наркопотребление и в совершение наркопреступлений молодежи и несовершеннолетних. Этому способствуют низкий уровень жизни, социальная незащищенность молодых россиян, невысокая востребованность их на рынке труда и ряд других факторов, которые подталкивают молодежь и подростков к ведению антисоциального образа жизни, в т.ч. к потреблению наркотиков и участию в их незаконном обороте.

Так, обращает на себя внимание рост в 2018 г. количества лиц с зависимостью от «новых» наркотиков и полинаркоманией до 52,5 тыс. человек (2017 г. – 50,7 тыс., 2016 г. – 46,2 тыс.) и количества пациентов с зависимостью от психостимуляторов до 17,8 тыс. человек (2017 г. – 16,7 тыс., 2016 г. – 14,4 тыс.) [3, с. 36].

Изменение структуры потребления психоактивных веществ с увеличением доли «новых» видов психоактивных веществ синтетического происхождения является одним из основных проблемных вопросов, касающихся в первую очередь молодых людей. Эти вещества, именуемые в обиходе «спайсы», «соли», «дизайнерские наркотики», имеют в основном психостимулирующий и (или) галлюциногенный эффект.

Потребление таких веществ длительное время может происходить скрыто (латентно), потому что у большинства наркопотребителей даже при систематическом употреблении может не возникнуть повод для обращения за наркологической помощью (т.к. в структуре зависимости от психостимуляторов нет выраженного абстинентного синдрома, как, например, тяжелая «ломка» при зависимости от опиоидов).

У части лиц, потребляющих синтетические психоактивные вещества (включая наркотики), возникают острые психотические состояния. Пациенты с

острыми психозами госпитализируются по экстренным показаниям в профильные стационары.

На фоне принимаемых мер в 2018 г. количество несовершеннолетних, госпитализированных в специализированные стационары по поводу психозов, связанных с потреблением наркотиков, несколько уменьшилось (2018 г. – 84 случая, 2017 г. – 90 случаев, 2016 г. – 88 случаев). Пик госпитальной обращаемости детей и подростков по поводу психозов, связанных с потреблением наркотиков, приходился на 2013-2015 гг.

Потребление наркотиков и их незаконный оборот обуславливают расширение зоны повышенного социального и криминального риска: распространение болезней, связанных с иммунодефицитом и ВИЧ-инфекциями, венерическими болезнями, суицидальными попытками; увеличение контингента лиц с повышенной виктимностью. Иницируется также мотивация корыстной, корыстно-насильственной и иной вызванной этими явлениями преступности.

Быстрыми темпами растет количество совершенных преступлений, связанных с наркотиками. Прогрессирующее злоупотребление наркотиками и резкий рост цен на них создают благоприятные условия для появления преступных сообществ, осуществляющих их организованный сбыт. Становятся реальностью включение в эти процессы международной наркомафии и ее слияние с внутренними преступными группировками, занимающимися наркобизнесом. Все отчетливее проявляется стремление российских и иностранных наркодельцов к «отмыванию» денег в различных коммерческих структурах, коррумпированию работников органов власти и управления [5, с. 44].

В условиях социально-политической и экономической нестабильности, сложного морально-психологического климата, переоценки социальных ориентиров в массовом сознании, роста преступности, особенно в молодежной среде, незаконное распространение наркотиков и наркомания представляют реальную угрозу безопасности общества и государства.

Безусловно, это не исчерпывающий перечень негативных последствий, связанных с незаконным оборотом и потреблением наркотических средств. По экспертным оценкам, только экономический ущерб такого оборота и потребления составляет около 15% внутреннего валового продукта России. Отмечается высокая прибыльность наркобизнеса в России, составляющая от 400 до 1000%. По данным, приведенным на 2-м Международном конгрессе по противодействию наркотикам, состоявшемся в июне 2003 г., доходы преступников от незаконного оборота наркотиков в России составляют 8-10 млрд долларов США. Такие доходы определяют привлекательность

этого вида преступной деятельности, влияют на преступную консолидацию и порождают транснациональный характер наркобизнеса [6, с. 39-43].

Таким образом, распространение и употребление наркотиков в России, наркотизация населения становятся общенациональной проблемой, которая по своим долгосрочным последствиям относится к категории прямых угроз национальной безопасности.

Анализ правоприменительной практики показывает, что преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, наряду с преступлениями в сфере экономической деятельности, преобладают среди противоправных деяний, совершенных в организованных формах. В этой связи противодействие им остается одной из главных задач, стоящих перед правоохранительными органами.

Необходимо выработать дополнительные меры, направленные на подрыв экономических основ наркобизнеса, акцентировав внимание:

- на противодействии незаконному обороту наркотиков с использованием современных информационных технологий;
- совершенствовании механизмов по обращению в доход государства имущества, полученного от незаконного оборота наркотиков;
- урегулировании на законодательном уровне оборота криптовалют.

Правоприменительная практика в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков свидетельствует о неснижаемом интересе наркодельцов к постоянно совершенствующемуся спектру электронных форм финансовых услуг.

Начиная с 2017 года и по настоящее время установлены факты использования криптовалюты Bitcoin в финансовой структуре незаконного оборота наркотиков на территориях практически всех субъектов Российской Федерации.

В целях разработки механизма «отслеживания» обменных операций проведен анализ профилей в указанном сервисе, осуществляющих сделки по продаже Bitcoin. В результате выявлены ряд продавцов криптовалюты, являющихся крупнейшими по объему, общей сумме сделок и продолжительности деятельности, а также лица, в отношении которых имеются сведения об их связях с незаконным оборотом наркотиков и отмытием преступных доходов [3, с. 20].

С целью повышения роли финансовых институтов и надзора в профилактике противоправной деятельности, связанной с отмытием доходов и финансированием терроризма Росфинмониторингом проводится работа по оптимизации номенклатуры операций, подлежащих контролю. В частности, производится корректировка алгоритма выявления рисков в сфере легализации преступных доходов с

использованием виртуальных активов, а также принятия соответствующих мер кредитными организациями.

В рамках одного из конкретных финансовых расследований в ходе мониторинга сети Интернет выявлен сервис, осуществляющий деятельность в приложении Telegram, являющийся популярным telegram-ботом, который позволяет безопасно и анонимно осуществлять сделки купли-продажи криптовалют (в т.ч. Bitcoin) с использованием банковских карт и электронных платежных систем (всего более 40 вариантов обмена).

Необходимо продолжить взаимодействие с кредитными организациями по определению индикаторов, позволяющих в общем потоке информации выявлять операции, которые связаны с деятельностью бирж и обменников криптовалют.

При этом судами при рассмотрении уголовных дел о совершении преступлений, предусмотренных ст. 174, 174.1 УК РФ, зачастую выносятся оправдательные приговоры. Основаниями вынесения таких приговоров является недостаточность собранных доказательств вины подсудимых в совершении легализации преступных доходов. В частности, судами ставятся под сомнение доводы обвинения в связи с наличием простой схемы обналичивания денежных средств и отсутствием четкой схемы придания данным денежным средствам (имуществу) правомерного вида, отсутствием приобретенного имущества в период совершения наркопреступлений, несоответствием перечисляемых на банковские счета сумм финансовых средств объему сбытого и изъятого наркотика по конкретным эпизодам преступной деятельности. Кроме этого, в ходе расследования уголовных дел не установлены обстоятельства использования подозреваемыми банковских счетов и карт, электронных кошельков исключительно лично и только в целях придания незаконным доходам правомерного вида. Вынесение оправдательных приговоров происходит при наличии соответствующих заключений Управления Федеральной службы по финансовому мониторингу и поддержании обвинительных заключений органами прокуратуры.

Как отмечалось выше, наркобизнес сегодня приобрел «организованный» характер. В связи с осведомленностью наркодельцов о формах и методах оперативно-разыскной деятельности в основу их функционирования положен бесконтактный способ незаконного сбыта наркотических средств путем производства тайников-закладок, с активным использованием при этом сети Интернет для обмена информацией о совершаемых преступлениях между участниками преступного сообщества, общения с покупателями наркотических средств, получения электронных платежей за реализованные наркотические

средства. В целях безопасности деятельности преступного сообщества взаимодействие между их звеньями строится исключительно на дистанционном общении, посредством сети Интернет и мобильной связи, без непосредственных личных контактов.

Сегодня конкурентная борьба трех ведущих интернет-площадок по продаже наркотиков LegalRC, Ramr и «Гидра» завершилась победой последней. Используя DDoS-хакерные атаки, создатели «Гидры» стали практически монополистами в данной сфере. Они предоставляют интернет-магазинам защиту от блокировки и анонимные расчеты в системе блокчейна через созданные ими же обменники криптовалют.

В настоящее время в целом по стране площадка «Гидра» размещает в своем сегменте 2431 наркомагазин, из числа которых 56 функционируют в Омской области. При этом отдельно взятый магазин в городе могут обслуживать один-два курьера, делающих до 100 закладок в сутки. Наркотики для таких курьеров-закладчиков привозят лица, как правило, не проживающие в Омской области.

В настоящее время организуется работа по выявлению и пресечению преступлений, связанных с распространением наркотиков бесконтактным способом при помощи сети Интернет.

В 2018 году правоохранительными органами в сфере использования информационно-телекоммуникационных технологий по статьям 228.1, 228.2, 228.4, 230, 234 УК России было зарегистрировано 18 918 преступлений, из которых 97,3% выявлены органами внутренних дел (18 404).

Кроме того, сотрудниками МВД России пресечена деятельность 26 интернет-магазинов, организовавших сетевой сбыт наркотиков на территории московского региона и других субъектов Российской Федерации. К уголовной ответственности привлечены 54 лица, из незаконного оборота изъято свыше 95 кг наркотиков [3, с. 36].

В 2019 году УНК УМВД России по Омской области пресечена деятельность большинства региональных ответвлений крупнейшей наркосбытовой сети PZH, порядка 10 ответвлений межрегиональных наркогруппировок и 3 местных интернет-магазинов.

О значительном увеличении доли преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и необходимости выработки дополнительных мер по противодействию преступности в киберпространстве недавно говорил и Президент России [8].

В этой связи в соответствии с распоряжением МВД России в составе управлений по контролю за оборотом наркотиков в 2020 г. будут созданы подразделения по борьбе с распространением и пропагандой наркотиков в интернете, которые напрямую

будут подчиняться начальникам территориальных органов внутренних дел.

Современная наркоситуация характеризуется увеличением объемов подпольного производства наркотиков.

В 2018 году в Российской Федерации была пресечена деятельность 108 подпольных лабораторий (2016 г. – 70; 2017 г. – 109). Больше всего таких фактов выявлено на территории Московской области. В 2019 году на территории Омской области были ликвидированы четыре нарколаборатории.

Анализ показывает, что все выявляемые нарколаборатории организуются в жилищах граждан, гаражах и на дачных участках.

Например, в ходе отработки оперативной информации сотрудники уголовного розыска ОМВД России по району Вешняки обнаружили в многоэтажном московском доме плантацию конопли – 48 кустов. Их холил и лелеял хозяин квартиры, приспособивший одну из комнат под парник: обшил стены гидроизоляционным материалом, соблюдал специальный температурный режим. По результатам экспертизы кусты признали растениями, содержащими наркотическое вещество. Кроме того, у «огородника» нашли контейнер со 160 граммами марихуаны [7, с. 7].

Случаи выращивания наркотикосодержащих растений на территориях, принадлежащих гражданам, не уменьшаются. Так, в Приморье в ходе специального рейда сотрудники межмуниципального отдела МВД России «Лесозаводский» обнаружили в селе Тихменево культивируемые посадки мака и конопли – почти на половине площади одного из приусадебных участков – 1295 квадратных метров. Как выяснилось, его хозяйка – местная жительница – этим «бизнесом» занимается длительное время. С места происшествия полицейские изъяли 7860 растений мака и 55 растений конопли. Согласно заключению эксперта-криминалиста, это наркотикосодержащие растения – мак снотворный и маньчжурская конопля (каннабис). А в Тверской области сотрудники отдела по контролю за оборотом наркотиков МО МВД России «Вышневолоцкий» также на приусадебном участке на окраине города обнаружили и изъяли более 180 кустов культивированной конопли. Хозяин растений тщательно ухаживал за незаконными посадками, использовал специальные удобрения. Коноплю выращивал для дальнейшего сбыта [7, с. 7-8].

Наряду с ростом количества нарколабораторий отмечается их укрупнение до производственных масштабов.

В Тосненском районе Ленинградской области в ноябре 2019 г. ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области была ликвидирована крупнейшая за последние годы нарколаборатория. На «производственной площадке» обнаружено более

80 тонн прекурсоров наркотических средств, более двух тонн готового синтетического наркотика и почти шесть тонн полуфабриката.

Под нужды нарколаборатории использовался целый ангар в поселке Обуховец, а для производства, погрузки и перевозки «продукции» использовалась техника.

Было изъято четыре реактора для процесса химического синтеза, автопогрузчик и две грузовые машины. По предварительным подсчетам незаконный оборот от реализации готовых наркотических средств мог составить порядка семи миллиардов рублей [9].

Приведенные примеры свидетельствуют, что дальнейшее бесконтрольное распространение, в т.ч. через интернет, лабораторного оборудования и не запрещенных к обороту химических реактивов позволяет лицам, имеющим минимальные знания и навыки в химии, кустарным способом синтезировать наркотики, активно насыщая ими российский наркорынок. В этой связи, принимая во внимание широкий спектр сфер применения лабораторного оборудования, который не ограничивается деятельностью, связанной с оборотом наркотических средств и психотропных веществ, считаем необходимым рассмотреть вопрос о разработке действенного механизма оборота подобных предметов, исключающего возможность их использования в противоправных целях.

В настоящее время одной из главных угроз в рассматриваемой сфере является незаконный ввоз на территорию Российской Федерации наркотиков иностранными гражданами, в т.ч. и прибывающими из стран азиатского региона [4]. Министр внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольцев возглавил российскую делегацию на 36-ой конференции АСЕАНАПОЛ, проходившей в 2016 г. в Куала-Лумпуре (Малайзия). «Выступая перед участниками конференции, Владимир Колокольцев особый акцент сделал на перспективах сотрудничества по антинаркотической проблематике и в миграционной сфере. По его словам, одной из наиболее опасных на сегодняшний день наркоугроз является расширение оборота синтетических наркотиков, значительная часть которых поступает в нашу страну из Юго-Восточной Азии и Европы» [1, с. 3].

В последнее время для их доставки из-за рубежа широко используются возможности почтовой связи и организаций, специализирующихся на международной доставке грузов. В целях повышения эффективности работы на этом направлении МВД России совместно с ФТС России налажено взаимодействие с представителями крупных логистических и транспортных компаний по вопросам уведомления о лицах, отправляющих и получающих международные почтовые отправления и грузы.

Ежегодно проводится ряд мероприятий в данном направлении. Среди наиболее значимых можно выделить международную антинаркотическую операцию «Канал-Кордон» (международный координационный штаб по проведению операции в 2018 г., например, был размещен в г. Чолпон-Ата (Киргизская Республика)), специальную международную операцию «Канал – Красный бархан» в рамках Региональной антинаркотической операции «Канал», межведомственную комплексную оперативно-профилактическую операцию «Звезда Каспия» (операция направлена на выявление и перекрытие контрабандных каналов поступления наркотиков, оружия и боеприпасов через акваторию Каспийского моря).

При этом существуют и проблемы, затрудняющие выявление указанного вида преступлений. В Омской области, например, участок государственной границы в инженерном отношении не оборудован, линия ее прохождения на местности не обозначена. Значительная протяженность и отсутствие ориентиров границы с Республикой Казахстан способствуют незаконному перемещению грузов и физических лиц, в т.ч. и с целью контрабанды наркотиков. Через границу проходят более 100 грунтовых и 200 проселочных дорог, большинство из которых расположено в объезд стационарных постов и контрольно-пропускных пунктов. Фактически в летний период ее свободно можно пересечь на любом транспортном средстве. Да и на самой границе после вступления в силу Таможенного кодекса Таможенного союза осуществляется только пограничный контроль.

Результатом этого является недостаточно высокая выявляемость подобных преступлений в Омской области (18 – в 2019 г.), поскольку этому должен предшествовать трудоемкий процесс доказывания после того, как наркотики пересекли государственную границу и были распределены мелкими партиями по всей территории области, в ходе расследования уголовных дел по различным фактам хранения и сбыта наркотиков.

Еще одной проблемой организационного плана можно считать отсутствие в территориальных органах соответствующих современных технических средств мобильных инспекционно-досмотровых комплексов, позволяющих досматривать транспортные средства без осуществления разгрузочно-погрузочных работ.

Предложенные в работе меры будут не только способствовать совершенствованию противодействия наркоугрозе, но и соответствовать требованиям международных документов о необходимости принятия радикальных мер, направленных на сокращение потребления наркотиков.

Литература

1. Войновская Т. Пути решения новых задач // Полиция России. 2016. № 8. С. 3.
2. Вступительное слово Президента России Д.А. Медведева на заседании Совета Безопасности по вопросу совершенствования государственной политики в области борьбы с распространением наркотиков. URL: http://narkotiki.ru/ocomments_6723.html (дата обращения: 24.03.2020).
3. Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2018 году (выдержка). М., 2019.
4. Доклад о наркоситуации в Омской области за 2015 г. Омск, 2016.
5. Иванов В.П. О наркоситуации в Российской Федерации // Наркоконтроль. 2008. № 3. С. 44.
6. Панова Е.В. Актуальные вопросы наркоситуации в России // Российский следователь. 2004. № 8. С. 39-43.
7. Сергеев И. Авианалет на коноплю // Полиция России. 2016. № 9. С. 7.
8. URL: https://gov.cnews.ru/top/2018-07-06_putin_prizval_strany_ne_byt_egoistami_v_tsifrovoj (дата обращения: 20.03.2020).
9. URL: <https://rg.ru/2019/11/22/reg-szfo/v-lenoblasti-obnaruzheno-pochti-90-tonn-narkotikov.html> (дата обращения: 20.03.2020).

УДК 343.23

О.В. Ермакова, канд. юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: ermakova_alt@mail.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

В представленной статье автор анализирует проблему создания составов преступлений, актуальность которой несомненна в условиях нестабильности уголовного закона. На основе общей теории состава преступления автором показываются недостатки и пробелы существующего учения, препятствующие построению унифицированного нормативного правового акта. В частности, автором отмечается отсутствие единого понимания объекта преступления, классификации составов преступлений по моменту окончания, однозначного толкования преступных последствий. При этом, по мнению автора, основная проблема заключается в неразработанности тех оснований и условий, которыми должен руководствоваться законодатель, формулируя состав преступления. Отдельное внимание в работе уделяется понятию и этапам моделирования состава преступления, т.е. процессу создания конструкции. Руководство представленной теорией позволит перейти от хаотичного построения законодательных предписаний к единым моделям.

Ключевые слова: преступление, состав преступления, моделирование состава преступления, общий и конкретный состав преступления, признаки состава преступления.

O.V. Ermakova, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: ermakova_alt@mail.ru

MODELING OF STRUCTURE OF A CRIME: THE CONCEPT AND PECULIARITIES OF IMPLEMENTATION

The author of the article analyzes the problem of creating elements of crimes, the relevance of which is undoubtedly in the conditions of instability of the criminal law. Based on the general theory of corpus delicti, the author shows the shortcomings and gaps in the existing doctrine that prevent the construction of a unified normative legal act. In particular, the author notes the lack of a common understanding of the object of the crime, the classification of crimes by the moment of completion, and the unambiguous interpretation of the criminal consequences. At the same time, according to the author, the main problem is the lack of development of the grounds and conditions that should guide the legislator when formulating the crime. Special attention is paid to the concept and stages of modeling the composition of the crime, that is, the process of creating a structure. The guide to the presented theory will allow to move from the chaotic construction of legislative regulations to unified models.

Key words: crime, crime modeling crime, general and specific offence, the elements of the crime.

Действующий Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) отличается нестабильностью, поскольку количество вносимых в него изменений и дополнений более 1000 (если быть более точным, то на 27.12.2019 их было 1027).

При этом принимаемые уголовно-правовые нормы зачастую противоречат друг другу, отличаются сложностями в толковании, что, несомненно, приводит к проблемам квалификации преступлений. Такое положение привело к необходимости создания нового уголовного закона (о чем уже неоднократно заявляли высшие должностные лица государства).

Однако полагаем, что само по себе принятие другого закона не исправит существующее положение, поскольку необходимо критическое осмысление тех просчетов и ошибок, которые допущены законодателем.

Первое, что обращает на себя внимание при анализе Особенной части УК РФ, – это разнообразие представленных предписаний, выражающееся как в различиях в описании деяния, так и в количественных вариациях обязательных признаков, указанных в норме. При этом даже схожие деяния отражаются в нормах закона неодинаково. Это явно прослеживается на примере составов, в которых ответственность предусматривается за воспрепятствование (в составе воспрепятствования оказанию медицинской помощи (ст. 124.1 УК РФ) отсутствует конкретизация способа, при этом закрепляются преступные последствия в виде причинения тяжкого вреда здоровью пациента; состав воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ) уже включает способ совершения деяния и не содержит указания на последствия; состав воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности (ст. 169 УК РФ) не содержит ни способа, ни последствий, зато включает разнообразные формы самого деяния и специальный субъект и т.д.); за склонение (в составе склонения к самоубийству (ст. 110.1 УК РФ) законодателем обозначаются способы; состав склонения к потреблению наркотических средств (ст. 230 УК РФ) вообще не содержит никаких признаков, кроме предмета и преступного деяния).

Отмеченное свидетельствует о хаотичности принимаемых положений уголовного закона, об отсутствии какой-либо общей теории создания уголовно-правовых норм. Вместе с тем, не отрицая самостоятельности воли законодателя, необходимость следования общим правилам очевидна, поскольку только в этом случае количественное многообразие приобретёт унифицированный характер.

В этой части следует отметить, что в уголовном законе криминализируемые деяния обретают юридическую оболочку при помощи конструкции состава

преступления. Выступая средством законодательной техники, они представляют собой модели [4, с. 67], образцы, прообразы деяний, существующих в объективной действительности.

Несмотря на то что российское уголовное право заимствовало учение о составе из германской теории, в российской трактовке состав включал в себя не только объективные, но и субъективные элементы [1, с. 105].

В советский период наука уголовного права основное внимание уделяла разработке общей теории состава преступления [8], в современное же время ориентиры переместились на анализ конкретных составов преступлений, содержащихся в Особенной части УК РФ. Подобное смещение научных разработок имеет несомненные недостатки, заключающиеся в том, что без решения общих вопросов создания состава преступления невозможно построить научно обоснованные конструкции. Соответственно, только наличие единой теории состава преступления, раскрывающей не только структуру, но и особенности создания конструкций, позволит сформировать целостный нормативный правовой акт.

Несмотря на многочисленные исследования состава преступления, проводимые в советский период, многие вопросы его понимания не нашли однозначного ответа.

Во-первых, до сих пор остается неясным, что представляет собой объект преступления.

Современная уголовно-правовая наука отличается плюрализмом мнений относительно сущностной характеристики объекта – это и общественные отношения [2, с. 131], и человек [6, с. 65-68], и блага [5, с. 157] и т.д.

Непоследователен в решении вопроса объекта преступления и российский законодатель, поскольку в одном случае (например, глава 19 УК РФ) объект определяется как права, в другом (глава 23 УК РФ) – как интересы.

Полагаем, что господствующая в советский и постсоветский период трактовка – объект преступления есть общественные отношения – является универсальной, полностью отражает сущность и механизм причинения вреда. Соответственно, законодателю необходимо избрать унифицированный подход к определению объекта преступления, руководствуясь которым отражать охраняемые общественные отношения в разделах и главах уголовного закона.

При этом следует принимать во внимание классификацию объектов преступления по вертикали, положенную в основу деления Особенной части УК РФ на разделы и главы. Нижестоящий объект, выделяемый в рамках этой классификации, должен входить в плоскость вышестоящего. Иначе говоря, родовый объект выступает частью общего, видовой – частью

родового, непосредственный – частью видового. При отражении охраняемых общественных отношений в названиях разделов и глав УК РФ необходимо учитывать указанную особенность.

Вместе с тем представленное требование соблюдается законодателем не всегда. К примеру, название главы 24 «Преступления против общественной безопасности» предопределяет, что видовым объектом выступает именно безопасность общества. Однако в данной главе охраняется не только общественная безопасность, но и общественный порядок (ст. 213, 214 УК РФ). А учитывая, что непосредственный объект должен выступать частью видового, очевидным представляется неудачное отражение видового объекта в главе 24 УК РФ.

Во-вторых, несмотря на то, что законодателю предоставлено право перемещать момент окончания преступления на различные этапы преступного деяния, до настоящего времени не разработана классификация составов преступлений. При этом вопросы вызывает не только количество выделяемых видов составов преступлений, но и само основание классификации.

Одни исследователи в рамках данной классификации выделяют формальные и материальные составы, понимая под первыми составы, в объективную сторону которых законодателем не включены общественно опасные последствия, а под вторыми – составы, содержащие в себе такие последствия. При этом любые иные разновидности составов по конструкции рассматриваются как варианты формальных или материальных составов (например, усеченные составы – как вариант формального состава). Другие ученые добавляют к этим двум видам составов одну или несколько дополнительных классификационных групп, в частности усеченные составы, составы опасности [3, с. 68-72].

Считаем, что отсутствие четкой классификации составов по моменту окончания преступления существенно усложняет толкование закона, а также приводит к ошибкам выбора той или иной стадии совершения преступления при осуществлении квалификации деяния.

Разработка такой классификации должна основываться на особенностях развития преступного деяния во времени, иначе говоря, на тех этапах, которые характеризуют данное преступление (их можно именовать механизмом совершения деяния). Так, для одних преступлений характерно наступление последствий (например, убийство), для других – последствия сливаются с самим деянием и самостоятельного выражения не имеют (к примеру, изнасилование).

Количественная характеристика видов составов преступлений по моменту окончания также должна соответствовать этапам механизма преступного

деяния, которые законодатель вправе избрать для признания преступления окончанным. В частности, такой момент может устанавливаться на этапе подготовительных действий, начала совершения деяния, полного завершения деяния, наступления преступного результата.

В-третьих, в рамках общей теории состава преступления до настоящего времени нет четкого понимания сущностной характеристики преступных последствий. Представленное в научной литературе терминологическое многообразие заключается в оперировании такими терминами, как вред, ущерб, размер, последствия, результат и т.д.

Полагаем, что произошло смешение количественных и качественных показателей тех изменений, которые наступают после совершения преступного деяния. Так, синонимичными выступают термины «последствия» и «результат», по своему лексическому значению отражающие конечный итог совершения деяния. Содержание же данного итога является вредоносным, поэтому проявляется в терминах «вред» и «ущерб», которые тоже выступают в качестве синонимов.

В-четвертых, в современной уголовно-правовой науке не решена проблема определения форм вины в различных конструкциях составов преступлений. Все дело в том, что предложенные законодателем формулы разновидностей умысла и неосторожности основываются на различном отношении виновного к наступлению преступных последствий. Соответственно, возникает вопрос, а возможны ли разновидности вины в преступлениях, сконструированных по типу тех составов, которые не включают указанный признак.

По нашему мнению, законодатель при использовании конструкций «составов без последствий» изначально предполагает наличие только прямого умысла. Такой вывод основывается на том обстоятельстве, что в тех составах, где законодатель не отражает преступные последствия, невозможно уяснить отношение виновного к данному признаку.

В-пятых, в современной теории уголовного права вообще не исследован вопрос о том, в соответствии с какими факторами законодатель осуществляет отбор признаков состава преступления, а также определяет вид конструкции окончанного преступления.

Не оспаривая самостоятельность законодателя при формировании конструкции состава преступления, полагаем, что наличие и руководство единой теорией позволят создать логически выверенный, концептуально унифицированный нормативный правовой акт. Такая теория должна именоваться моделированием состава преступления, поскольку используемый термин по своему лексическому значению означает не только построение, но и анализ моделей

реально существующих объектов [7, с. 147] (а состав и есть прообраз реально существующего деяния).

Моделирование представляет собой сложный процесс, в связи с чем целесообразно его осуществление разделить на определенные этапы.

На первом этапе законодателю следует проанализировать общественно опасное деяние, которое объявляется преступным с целью определения его типичных черт, особенностей этапов осуществления и т.д. Совокупные знания о запрещаемом деянии должны составлять основу будущей модели.

На втором этапе законодатель должен выбрать те признаки, которые для данного деяния будут признаваться обязательными. При этом, несмотря на то, что в общей теории состава преступления признаки подразделяются на обязательные и факультативные, а отдельные признаки выступают необходимыми для любого состава преступления независимо от вида, на данном этапе определяется не только их количество, но и содержание всех признаков, которые будут включаться в конструкцию.

Таким образом, второй этап предполагает решение следующих вопросов:

- для признаков, являющихся обязательными применительно ко всем составам преступлений, определяется их содержание и форма. В частности, законодатель избирает вид деяния, уровень поведения, для него характерный; форму вины; минимальный возраст уголовной ответственности (хотя возрастной порог отражается не в каждом составе, а в общей норме (ст. 20 УК РФ), данный вопрос выступает обязательным при моделировании состава преступления);

- для факультативных признаков решается необходимость включения в конструкцию конкретного состава преступления, а также определяется их содержание.

Полагаем, что отбор факультативных признаков представляет особую сложность, поскольку само

содержание данных признаков четко не определено даже применительно к общей теории состава преступления (например, понимание предмета преступления, обстановки, средств и орудий нельзя отнести к числу единообразных); к тому же, как уже отмечалось, отсутствуют критерии признания данных признаков обязательными. Вместе с тем необходимо помнить, что включение любого факультативного признака в конструкцию создаст дополнительные условия при привлечении к уголовной ответственности и квалификации деяния по данной норме. Именно поэтому в этой части следует проводить комплексные исследования содержательной характеристики факультативных признаков, а также разработки критериев необходимости их введения в состав.

В результате деятельности законодателя на данном этапе оказываются отобранными все обязательные признаки будущего состава преступления, а также определено содержание элементов.

Третьим этапом моделирования состава преступления является юридическое выражение каждого признака в создаваемой конструкции. Именно в данном блоке, руководствуясь правилами законодательной техники, состав преступления получает завершённую форму, которая в последующем получит свое закрепление в диспозиции статьи Особенной части УК РФ.

При этом осуществление каждого этапа должно сопровождаться обязательным обращением законодателя к анализу общественно опасного деяния – оригиналу и механизму его осуществления.

Таким образом, теория состава преступления, соединенная с особенностями конкретно совершаемого деяния определенного вида должна выступать основой для моделирования состава преступления. Однако наличие проблем понимания отдельных элементов и признаков, отсутствие четкой классификации составов требуют своего восполнения с целью построения унифицированных конструкций.

Литература

1. Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Киев, 1903. 628 с.
2. Винокуров В.Н. Объект преступления как двухуровневая система и квалификация деяний // Современное право. 2017. № 10. С. 126-131.
3. Ермакова О.В. Законодательные конструкции составов преступлений и их влияние на определение момента окончания преступления. Барнаул: БЮИ МВД России, 2017. 134 с.
4. Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. 336 с.
5. Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций. Т. 1: Общая часть. М.: БЕК, 1999. 426 с.
6. Новоселов Г.П. Актуальные вопросы учения об объекте преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2001.
7. Новый толковый словообразовательный словарь русского языка / под ред. Т.Ф. Ефремовой. М.: Дрофа, 2000. 1209 с.
8. Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1951. 388 с.

УДК 343.85:343.97

И.Н. Заварыкин, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: criminal-man@mail.ru

ФЕНОМЕН, СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕОСТОРОЖНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В статье анализируются закономерности неосторожной преступности в России, а также рассматриваются пути решения проблем, связанных с профилактикой данного негативного социального явления.

Автор приходит к выводу о том, что феномену неосторожной преступности присущи: увеличение количества источников повышенной опасности в быту и на производстве, увеличение количества досуговых мест с большой концентрацией людей, латентность и системность преступной неосторожности, а также повышенная общественная опасность рассматриваемых преступлений.

Для более эффективного противодействия рассматриваемому явлению, по мнению автора, следует правовыми и иными средствами снизить уровень алкоголизации населения, осуществлять научное прогнозирование последствий принятия организационных решений, связанных с обеспечением технической и производственной безопасности людей, укреплять правовую и поведенческую дисциплину в сфере соблюдения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Ключевые слова: неосторожная преступность, небрежность, легкомыслие, предупреждение преступлений.

I.N. Zavarykin, Candidate of Juridical Sciences

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: criminal-man@mail.ru

PHENOMENON, SOCIAL PSYCHOLOGICAL GROUNDS AND COUNTERACTION TO CRIMINAL NEGLIGENCE

The article analyses patterns of criminal negligence in Russia, as well as considers the ways of solving problems related to this negative social issue prevention.

The author arrives at the conclusion that criminal negligence phenomenon is characterized by the growing number of industrial and domestic sources of increased danger, increase of entertainment activities places with high concentration of people, latency and systematic character of criminal negligence, along with high social danger of the crime under consideration.

According to the author's opinion efficient counteraction to the considered issue requires decreasing of alcoholization level of population by legal and other means, performing scientific prediction of consequences of organizational decisions related to personnel technical and industrial safety, improving legal and behavioral discipline in road regulations and vehicle operating rules observance.

Key words: criminal negligence, carelessness, reckless negligence, crime prevention.

Тема неосторожной преступности в Российской Федерации достаточно актуальна. Рассматриваемые проблемы, как правило, возникают в области обеспечения безопасности граждан и использования источников повышенной опасности.

В последние годы в стране было достаточно резонансных чрезвычайных происшествий, причиной которых являлся человеческий фактор: трагедии в «Хромой лошади», «Зимней вишне», гибель теплохода «Булгария», авиакатастрофы в Ростове-на-Дону, Сочи и Москве, унесшие жизни нескольких тысяч человек и т.д.

Одних только авиакатастроф с момента образования Российской Федерации насчитывается более сотни.

Не забыты и трагедии времен СССР, например авария на Чернобыльской АЭС, причиной которой тоже послужил человеческий фактор.

Проблема предупреждения неосторожных преступлений для органов внутренних дел актуальна в основном в сфере обеспечения безопасности дорожного движения. Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта зачастую наносят непоправимый вред жизни и здоровью людей и вызывают большой общественный резонанс.

Так, следует вспомнить трагедию в г. Барнауле в 2018 г., когда автомобиль BMW X6 на огромной скорости пересек регулируемый перекресток на запрещающий сигнал светофора и столкнулся с автомобилем Renault. От полученных травм погибли три пассажира: пятилетняя девочка скончалась на месте ДТП, девочка четырех лет и ее мать умерли в больнице. Водитель и мужчина-пассажир Renault были госпитализированы. Водитель и пассажир BMW не пострадали.

Следствие установило, что виновник аварии находился в состоянии алкогольного опьянения и двигался со скоростью более 150 километров в час.

В криминологии под неосторожной преступностью понимают совокупность всех преступлений, совершенных по неосторожности на определенной территории за определенный период времени.

Как известно, неосторожная преступность отличается от остальных видов своеобразием формы вины, выражающейся небрежностью или легкомыслием. Люди в России продолжают оставаться беспечными, невнимательными, халатно относятся к выполнению своих обязанностей при обеспечении безопасности общества, не предвидят наступления общественно опасных последствий или самонадеянно рассчитывают на их предотвращение.

Феномен неосторожной преступности характеризуется следующими чертами:

1. Большинство всех рассматриваемых преступлений стали возможны из-за увеличения количества источников повышенной опасности и мест большой

концентрации людей. Нарушения в обеспечении безопасности людей достаточно латентны и носят зачастую системный характер.

2. Последствия от неосторожных преступлений могут быть тяжелее, чем от умышленных. История демонстрирует нам катастрофы и техногенные аварии, где гибель и ранения людей имеют массовый характер.

Статистический анализ, проведенный Генеральной прокуратурой России, демонстрирует, что 62,4% регистрируемых преступлений с летальным исходом для потерпевших совершаются по неосторожности [1, с. 11].

3. Неосторожную преступность можно разделить на три самостоятельные группы: бытовую, связанную с выполнением профессиональных (управленческих) обязанностей и связанную с эксплуатацией источников повышенной опасности.

По мнению Ю.А. Воронина, несмотря на неоднородность перечисленных групп неосторожных преступлений, их криминологическая характеристика имеет много общего. Особенно это относится к их детерминантам, личным свойствам преступников, характеру последствий неосторожности [1, с. 11].

4. Различия в механизме преступного поведения. В умышленных уголовно наказуемых деяниях лицо противопоставляет себя обществу осознанно, желает наступления общественно опасных последствий, сознательно допускает их. В неосторожных – лицо, как уже говорилось выше, самонадеянно рассчитывает, что последствия не наступят или оно сможет их предотвратить.

5. Предупреждение неосторожных преступлений, как правило, требует иного подхода, направленного на осуществление надзора за жизнедеятельностью общества со стороны правоохранительных и иных контролирующих органов.

Также следует определить главные особенности личности неосторожного преступника, отличающие его от других лиц, нарушающих уголовный закон.

Подобным лицам присущи следующие характеристики: дефекты правосознания, которые обычно выражаются в незнании конкретных норм либо нежелании им подчиняться, нередко происходит искажение ценностных ориентаций, несформированность чувства долга, социальной ответственности, беззаботность, нежелание адекватно оценивать последствия недисциплинированного поведения, приоритеты собственных интересов над интересами общества или безопасностью других лиц, нежелание тратить дополнительные средства на безопасность при продаже товаров и оказании услуг.

Все неосторожные преступления совершаются в зависимости от определенных детерминант. После их изучения можно прийти к выводу, что они связа-

ны с такими явлениями, как: эгоистически-потребительское отношение к обществу, безответственное отношение к правилам безопасности в быту, а также в профессиональной деятельности.

Всё это связано с такими особенностями личности, как авантюризм, карьеризм, небрежное отношение к общественным интересам, слабый уровень профессиональной подготовки, воспитания, обучения участников трудовых процессов.

К условиям неосторожной преступности можно отнести непрофессиональную подготовку рабочих кадров; слабый контроль за физическим и психическим состоянием людей, работающих с источниками повышенной опасности; ненадлежащий контроль за лицами, допустившими нарушения правил безопасности ведения работ. Данные явления порождают безответственность и беспечность, виктимное поведение потерпевших и т.д. [2, с. 78].

Большинство неосторожных преступлений в Российской Федерации связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Рассмотрим криминологическую ситуацию в данной сфере.

Несмотря на значительное снижение уровня погибших за последние 5 лет (с 18 до 12 человек на 100 тыс. населения), следует отметить, что в 31 регионе Российской Федерации в 2018 г. произошел рост одного из основных показателей аварийности, что оказало негативное влияние на процесс повышения безопасности дорожного движения в стране. В 8 субъектах Российской Федерации по сравнению с предыдущим годом увеличилось одновременно количество ДТП, число погибших и раненых [5].

Наибольшее число погибших зарегистрировано:

- в Краснодарском крае (37 чел.; -22,9%);
- в Ростовской области (28 чел.; +115,4%);
- в Республике Башкортостан (26 чел.; +85,7%);
- в Республике Дагестан (24 чел.; -14,3%).

Отсюда можно сделать вывод, что в данных регионах следует улучшить профилактическую работу, направленную на безопасность дорожного движения.

Необходимо отметить, что в 2018 г. правоохранительными органами зарегистрировано 168 тыс. дорожно-транспортных происшествий. В них погибло более 18 тыс. человек (-4,6%), а ранения получили около 215 тысяч человек.

Больше всего ДТП, как и в предыдущие годы, было зарегистрировано в июле-октябре (39,9% от общего количества, 43,0% от количества всех погибших и 40,0% – раненых). Самые высокие значения по ДТП фиксировались в августе.

Самым аварийным днем недели являлась суббота (25 640 ДТП).

Наиболее аварийным временем суток был период с 17:00 до 20:00 часов. В это время произошло каждое пятое ДТП (20,8%).

Значит, в указанные месяцы и в указанное время органам внутренних дел следует увеличить количество нарядов ДПС.

Десять из десяти (88,1%) ДТП произошло в результате нарушения Правил дорожного движения (ПДД) водителями транспортных средств. Каждое девятое ДТП (11,4%) связано с нарушением ПДД пешеходами (19 169 ДТП; -8,9%) [3].

Рассмотрим основные детерминанты, обуславливающие дорожно-транспортные происшествия в Российской Федерации.

Из всех неудовлетворительных дорожных условий, способствующих совершению ДТП, наиболее значительное влияние оказали:

- 1) отсутствие, плохая различимость горизонтальной разметки проезжей части (удельный вес 53,1%);
- 2) отсутствие дорожных знаков в необходимых местах (23,5%);
- 3) недостатки зимнего содержания (16,3%);
- 4) отсутствие пешеходных ограждений в необходимых местах (10,1%);
- 5) неправильное применение или плохая видимость дорожных знаков (9,5%).

Следует отметить, что на 100% увеличилось количество ДТП, на которые повлияла плохая видимость светофора, и на 37% ДТП, на которые повлияла плохая организация железнодорожных переездов.

Следующими распространенными причинами ДТП являются технические неисправности транспортных средств. Всего в таких ДТП в 2018 г. погибло 1064 человека (+0,6%) и получили ранения 8856 человек (-9,0%).

Рассмотрим основные неисправности транспортных средств, влияющие на ДТП:

- 1) установка на одну ось ТС шин различных размеров, конструкций, моделей, с различными рисунками протектора, а также установка ошипованных и неошипованных шин одновременно (удельный вес 25,1%);
- 2) внесение существенных конструктивных изменений в ТС, которые запрещены техническими требованиями (19,0%);
- 3) неисправность внешних световых приборов (14,5%);
- 4) износ рисунка протектора (9,6%) [3].

С увеличением популярности велосипедного спорта в России увеличилось и количество наездов на велосипедистов (+7,6%). Зачастую последние не используют светоотражающую одежду и осветительные приборы, передвигаясь по проезжим частям населенных пунктов.

Большинство зарегистрированных ДТП произошло в населенных пунктах, однако удельный вес ДТП с тяжкими последствиями, произошедших на автодорогах и трассах, в три раза был больше, чем удельный вес ДТП в городах и поселках. Зафиксирован рост всех основных показателей аварийности из-за нарушения ПДД водителями мотоциклов.

Теперь рассмотрим основные нарушения правил дорожного движения, из-за которых происходят ДТП:

1) несоблюдение очередности при проезде перекрестков (27 932 ДТП, (+2,1), или 18,9% от общего количества);

2) несоответствие скорости конкретным условиям движения или ее превышение (13 536 (-12,9%), или 9,1%);

3) выезд на полосу встречного движения (13 905 (-8,1%) ДТП, или 9,4%);

4) нарушение правил проезда пешеходных переходов (1600 (+1,0), или 1,1%).

В 2018 году на 5,7% снизилось количество ДТП с участием пешеходов. Значит, последние реже нарушают правила дорожного движения, а водители, в свою очередь, останавливаются на пешеходных переходах.

Всего было зарегистрировано 48 814 (-5,8%) наездов на пешеходов, погибло 5155 (-8,5%) и получили ранения 45 666 (-5,6%) человек. Более половины подобных ДТП совершено в темное время суток.

Около 40% наездов произошло из-за нарушений правил дорожного движения самими пешеходами.

В 2018 году при снижении числа погибших детей в возрасте до 16 лет зафиксирован незначительный рост двух основных показателей аварийности детского дорожно-транспортного травматизма: количества ДТП и числа раненых.

Наиболее тяжкими последствиями характеризовались ДТП, связанные с выездом на полосу встречного движения.

Наезд на пешехода и столкновение ТС по-прежнему занимает лидирующее место среди всех видов ДТП.

Наряду с сокращением смертности среди несовершеннолетних зафиксировано увеличение количества ДТП и числа раненых детей. Почти половина пострадавших в ДТП несовершеннолетних составили дети-пассажиры.

Как мы уже рассматривали выше, неосторожная преступность в сфере профессиональных и бытовых взаимоотношений имеет свои характерные особенности, которые как схожи, так и отличаются от преступной неосторожности, связанной с нарушением правил дорожного движения и эксплуатацией транспортных средств.

Так, в последнее время индустрия развлечений привлекает все больше и больше пользователей. За-

частую организаторы мероприятий в досуговой сфере не всегда соблюдают даже элементарные правила безопасности.

Приведем примеры преступлений, повлекших по неосторожности смерть или ранения людей из-за неправильной организации развлекательных и подобных мероприятий.

Так, в марте 2018 г. из-за неисправности проводки в игровой комнате торгового центра «Зимняя Вишня» в г. Кемерово произошло возгорание поролонового наполнителя. В результате пожар охватил верхние этажи здания. Погибло 60 человек, 37 из которых дети. Причинами такого большого количества жертв послужили: большое задымление, отсутствие пожарной сигнализации, средств пожаротушения, открытых эвакуационных выходов, нормальной организации пожарной безопасности, надлежащего контроля за деятельностью торгового центра.

Уголовные дела были возбуждены по ч. 3 ст. 219, ч. 3 ст. 238, ч. 3 ст. 293, ч. 4 ст. 160, ч. 6 ст. 290, ч. 5 ст. 291, ч. 4 ст. 291.1, ч. 3 ст. 285, ч. 3 ст. 159 УК РФ.

Следует отметить и то, что теперь во всех торговых и развлекательных центрах Кемеровской области в обязательном порядке контролирующие органы проверяют противопожарную и антитеррористическую безопасность, проводят учения и должным образом реагируют на правонарушения в рассматриваемой сфере.

Социально-психологический уровень причин неосторожной преступности в сфере профессиональных взаимоотношений обусловлен существованием малых групп, в которых социально-негативная среда либо формирует у неосторожного преступника легкомысленно-безответственную мотивацию, либо способствует ее проявлению в конкретной жизненной ситуации, снижая определенные нормативные требования, обеспечивающие различные виды безопасности. В качестве таких малых социальных групп выступают в основном трудовые коллективы, где проходила профессиональная деятельность неосторожного преступника [4, с. 89].

Так, в феврале 2017 г. в одной из частных медицинских клиник г. Барнаула местной жительнице, являвшейся сотрудницей учреждения, была проведена операция по пластике лица. В связи с ухудшением состояния здоровья и отеком лица в июне 2017 г. пациентка обратилась за помощью в отделение челюстно-лицевой хирургии городской больницы, где ей экстренно провели оперативное вмешательство. В ходе операции из мягких тканей лица врачи удалили инородное тело – перевязочный материал, оставленный сотрудниками частной клиники в ходе первичной пластической операции. Следственный комитет Российской Федерации по Алтайскому краю по результатам рассмотрения об-

ращения потерпевшей возбудил уголовное дело по ст. 238 УК РФ.

В последнее время законодатель идет на ужесточение административного и уголовного наказания за совершение неосторожных преступлений, связанных с безопасностью людей. Однако подобные изменения являются реакцией на уже произошедшие резонансные события, характеризовавшиеся жертвами среди населения.

Исходя из вышеизложенного, мерами предупреждения неосторожных преступлений должны являться:

- укрепление дисциплины в сфере обеспечения своей и общественной безопасности;
- внедрение, формирование и пропаганда технической и правовой культуры, соответствующей современным экологическим и другим требованиям;
- противодействие криминальным процессам, связанным с таким негативным социальным явлением, как пьянство;
- внедрение новых требований и средств обеспечения техники безопасности и охраны труда, природы и т.д.;
- улучшение и ужесточение контроля со стороны надзорных органов;

- обязательное проведение инструктажей с лицами, работающими с источниками повышенной опасности (в особенности с водителями общественного транспорта и таксистами);

- научное прогнозирование последствий принятия организационных решений в сферах, связанных с обеспечением технической безопасности людей.

По мнению Д.А. Зыкова и А.В. Шеслера, в профилактике неосторожных преступлений применительно к отдельной личности необходимо выделить четыре направления: укрепление положительных качеств личности; устранение или смягчение криминального влияния ситуации; прогнозирование индивидуального преступного поведения; формирование готовности личности к адекватным поступкам в экстремальной или сложной психологической ситуации [4, с. 91].

Согласимся с их мнением, добавив, что следует усилить и общественный контроль, особенно за эксплуатацией источников повышенной опасности в сфере оказания услуг гражданам. Необходимо также быстрое и должное реагирование со стороны правоохранителей и контролирующих органов на все выявленные факты нарушений безопасности людей.

Литература

1. Воронин Ю.А. Неосторожная преступность: современные тенденции и проблемы предупреждения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2019. Т. 19. № 1. С. 10-16.
2. Дагель П.С. Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. М.: Юридическая литература, 1977. 144 с.
3. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 12 месяцев 2018 года // Информационно-аналитический обзор ФКУ «НЦ БДД МВД России». URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/1535386> (дата обращения: 15.12.2019).
4. Зыков Д.А., Шеслер А.В. Причины и условия неосторожной преступности // Вестник Владимирского юридического института. 2012. № 2. С. 88-91.
5. Официальные статистические данные о преступности за 2014-2018 гг. // Официальный сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/16053092/> (дата обращения: 10.05.2019).

УДК 343.7

А.А. Коренная, канд. юрид. наук

Алтайский государственный университет

E-mail: lauer_ann@mail.ru

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Преступления в сфере внешнеэкономической деятельности представляют серьезную угрозу как национальным интересам одного государства, так и в целом мировой системе торговли. Данные преступления по содержанию являются преступлениями международного характера, и в целях эффективного противодействия таким деяниям необходима выработка единой правовой модели как путем принятия общегосударственных нормативных актов, так и путем корректировки национального законодательства. Особую актуальность данный вопрос имеет в рамках уже созданного Таможенного союза. В последние несколько лет уголовное законодательство стран – участниц Союза претерпело изменения, что потребовало вновь обратиться к сравнительному исследованию таможенных преступлений. В рамках настоящей статьи автор провел комплексное сравнительно-правовое исследование уголовно-правовых норм об ответственности за внешнеэкономические преступления. В работе выделены существенные расхождения в подходах, предложены варианты их устранения.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, преступления, Таможенный союз, Евразийский экономический союз, таможенные платежи, контрабанда, таможенная граница, национальное уголовное законодательство.

A.A. Korennaya, Candidate of Juridical Sciences

Altai State University

E-mail: lauer_ann@mail.ru

CRIMES IN THE FIELD OF FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY IN THE COUNTRIES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION: A COMPARATIVE LEGAL STUDY

Crimes in the sphere of foreign economic activity pose a serious threat both to the national interests of one state and in the whole world trade system. These crimes in terms of content are crimes of an international character, and in order to effectively counter such acts, it is necessary to develop a unified legal model, both by adopting national regulatory acts and by adjusting national legislation. This issue is of relevance in the framework of the already established Customs Union. In the past few years, the criminal legislation of the Union member states has undergone changes, which required a return to a comparative study of customs offenses. In the framework of this article, the author conducted a comprehensive comparative legal study of criminal law on liability for foreign economic crimes. The work highlighted significant differences in approaches, suggested options for elimination.

Key words: foreign economic activity, crimes, Customs Union, Eurasian Economic Union, customs payments, smuggling, customs border, national criminal legislation.

Таможенный союз – одно из приоритетных направлений региональной экономической интеграции России. Создание единого таможенного пространства стран – участниц Евразийского экономического союза, появление общих таможенных границ требуют выработки единых подходов в правовом регулировании в рамках Союза. Заключенный в 2010 г. Договор об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства Таможенного союза и государств – членов Таможенного союза предусматривает два направления изменения национального законодательства в рамках общей концепции формирования общего экономического и правового пространства стран-участниц:

1) унификация законодательства, предусматривающего уголовную и административную ответственность за таможенные нарушения. Следует обратить внимание на то, что о содержании подобных изменений в Договоре ничего не сказано, в этой связи данное направление унификации мы назовем количественным. Второе направление в рамках унификации – выработка единообразного определения противоправности деяний (качественное);

2) сохранение специфики национального правового регулирования.

К настоящему времени изменения в части ответственности за нарушения таможенного законодательства в той или иной мере внесены в нормативные акты большинства стран-участниц:

1) РФ: а) изменение уголовного закона об ответственности за контрабанду – декриминализация общей нормы ст. 188 и введение двух новых специальных «контрабандных» статей – контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (ст. 200.1) и контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий (ст. 200.2);

2) Киргизская Республика: новый Уголовный кодекс от 02.02.2017 введен в действие с 01.01.2019: сохранилась общая норма о контрабанде, именуемая теперь «экономическая контрабанда», в общей структуре уголовного закона размещена в главе «Преступления против порядка осуществления экономической деятельности», норма об уклонении от уплаты таможенных платежей – в главе «Преступления в сфере налогообложения»;

3) в Республике Казахстан 03.07.2014 также принят новый уголовный закон, в котором установлена ответственность за экономическую контрабанду (ст. 234), в дальнейшем в данную норму неоднократно вносились изменения: Закон РК от 03.07.2017 № 84-VI, Закон РК от 26.12.2017 № 124-VI; Закон РК от 12.07.2018 № 180-VI; Закон РК от 21.01.2019 № 217-VI и уклонение от уплаты таможенных платежей (ст. 236) также с многочислен-

ными последующими изменениями: Закон РК от 03.07.2017 № 84-VI; Закон РК от 26.12.2017 № 124-VI; Закон РК от 12.07.2018 № 180-VI; Закон РК от 21.01.2019 № 217-VI;

4) уголовное законодательство Республик Белоруссия и Армения существенных изменений не претерпело.

Несмотря на внесенные изменения, цели, обозначенные в Договоре 2010 г., до настоящего времени не достигнуты.

Далее проведем детальный сравнительный анализ норм уголовных законов об ответственности за преступления, совершаемые на территории Таможенного союза.

Первоначально определимся с дефинициями. Под таможенными преступлениями в рамках настоящей статьи мы понимаем две группы преступлений. Первая: преступления, связанные с нарушением правил пересечения таможенной границы, которые, в свою очередь, подразделяются на две группы:

1) экономические (внешнеэкономические) преступления – неуплата в установленном порядке платежей, обязательных к уплате в соответствии с общими правилами Союза и общеэкономическая контрабанда, т.е. перемещение не запрещенных к обороту товаров, предметов и иных экономических ценностей;

2) контрабанда запрещенных или ограниченных к обороту предметов – наркотических средств, психотропных, сильнодействующих веществ, оружия, боеприпасов и т.д.

Уголовная ответственность за общеэкономическую контрабанду, незаконное перемещение товаров через границу.

В Белоруссии законодатель разграничивает понятия: контрабанда и незаконное перемещение товаров через таможенную границу. Такое разграничение происходит по предмету: контрабанда, ответственность за которую предусмотрена в ст. 228 УК РБ, предполагает перемещение в крупном размере товаров и ценностей, запрещенных или ограниченных к такому перемещению. В статье 228/1 установлена ответственность за незаконное перемещение товаров (любых), совершенное в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение. В Киргизии, Казахстане и Армении установлена уголовная ответственность за контрабанду вне зависимости от особенностей предмета: запрещено незаконное перемещение любых товаров, предметов, ценностей через границу указанными в диспозициях статьи способами. В РФ установлена уголовная ответственность за контрабанду денежных средств, денежных инструментов, алкогольной и спиртосодержащей продукции. При перемещении иных товаров через границу при нарушении требований к

декларированию предусмотрена административная ответственность.

Уголовная ответственность за уклонение от уплаты таможенных платежей предусмотрена в уголовных законах всех стран – участниц Евразийского экономического союза. В УК Армении и УК Киргизии это преступление отнесено к преступлениям, связанным с уклонением от уплаты налогов, в УК РФ, Казахстана, Белоруссии – к общей группе преступлений в сфере экономической деятельности. Отнесение уклонения от уплаты таможенных платежей к преступлениям в сфере внешнеэкономической деятельности либо к преступлениям, связанным с налогообложением, не относится к числу чисто теоретических. При отнесении рассматриваемых преступлений к налоговым безусловный приоритет имеет национальное законодательство: порядок установления, взыскания и привлечения к ответственности за неуплату налогов является исключительно внутригосударственным. Тогда как таможенное регулирование осуществляется в соответствии с регулирующими таможенные правоотношения международными договорами и актами, составляющими право Союза, а также в соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. Таким образом, при отнесении преступлений, связанных с уклонением от уплаты таможенных платежей, к налоговым законодатель каждой из стран-участниц может формировать собственную систему ответственности, в т.ч. устанавливая противоправность деяния, не имея обязанности учитывать специфику общесоюзного нормативного регулирования. Тогда как в случае признания преступлений таможенными государство обязано руководствоваться нормативными актами Союза, в т.ч. обязывающими вносить соответствующие изменения в охранительное законодательство и формировать общие подходы в определении криминального поведения.

Далее рассмотрим стоимостное закрепление размера ущерба как криминообразующего признака рассматриваемых составов преступлений.

В Беларуси, Казахстане и Киргизской Республике основой определения величины крупного ущерба является условный расчетный показатель, в Армении такой размер привязан к минимальному размеру оплаты труда, в РФ установлен в твердой денежной сумме – свыше 2 млн руб. Размер причиненного ущерба определяется в национальной валюте. При конвертации размера в единую валюту мы, по понятным причинам, берем за основу российский рубль (курс ЦБ РФ по состоянию на 13.07.2019). В результате получаем следующие цифры:

1. Казахстан. Для признания размера крупным стоимость неуплаченных платежей должна пре-

вышать 500 месячных расчетных показателей. С 01.01.2019 размер месячного расчетного показателя составляет 2 525 тенге, общий размер составит 12 625 000 тенге. Сумма в рублях РФ – 2 074 009 руб.

2. Беларусь. Крупным является ущерб, если сумма неуплаченных платежей превышает в 2 000 раз размер базовой величины на день совершения преступления. По состоянию на 01.01.2019 – 25,5 белорусского рубля, что составляет 51 000 белорусских рублей. Сумма в рублях РФ – 1 582 101 руб.

3. Киргизия. Крупным признается неуплата таможенных платежей на сумму, в 1000 раз превышающую показатель, составляющий 100 сомов (100 000 сомов). В эквиваленте российской валюты – 90 679,57 руб.

4. Армения. Крупным считается неуплата таможенных платежей в размере, превышающем 1 000 МРОТ. Размер МРОТ составляет 55 000 драмов (всего 55 000 000 драмов). Сумма в рублях РФ – 7 271 238 руб.

5. Россия. Крупным признается неуплата таможенных платежей в размере, превышающем 2 000 000 руб.

Квалифицирующие признаки преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности в национальном законодательстве стран Евразийского союза также не одинаковы. В национальном уголовном законодательстве предусмотрены следующие квалифицирующие признаки:

1) группа лиц по предварительному сговору/организованная группа: п. «б» ч. 2 ст. 200.1, ч. 2 ст. 194, ч. 4 ст. 194 УК РФ; ч. 5 ст. 234 УК Казахстана; п. 4 ч. 2 ст. 223, подп. «а» ч. 2 ст. 230, ч. 3 ст. 236 УК Киргизии; ч. 3 ст. 228, ч. 3 ст. 228/1 УК Белоруссии, ч. 4 ст. 215 УК Армении;

2) совершение преступления лицом, ранее судимым за аналогичное преступление/совершено неоднократно, повторно: ч. 1 ст. 234 УК Казахстана; ч. 3 ст. 228, ч. 2 ст. 231 УК Белоруссии;

3) совершение преступления должностным лицом с использованием служебного положения (полномочий, специальный субъект): подп. «б» ч. 2 ст. 200.2; ч. 3 ст. 194 УК РФ; ч. 2 ст. 234, ч. 2 ст. 236 УК Казахстана; подп. 2 ч. 2 ст. 223 УК Киргизии; ч. 3 ст. 228 УК Белоруссии; подп. 1 ч. 3 ст. 215 УК Армении;

4) с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный контроль: ч. 3 ст. 194 УК РФ; ч. 3 ст. 234 УК Казахстана; подп. 3 ч. 2 ст. 223 УК Киргизии; ч. 3 ст. 228 УК Белоруссии; подп. 2 ч. 3 ст. 215 УК Армении;

5) в отношении особых предметов: ч. 2 ст. 228, ч. 3 ст. 228 УК Белоруссии; ч. 2 ст. 215 УК Армении;

6) в особо крупном размере: п. «а» ч. 2 ст. 200.1 УК РФ; подп. 3 ч. 2 ст. 234 УК Казахстана; подп. 1 ч. 2 ст. 223, подп. «б» ч. 2 ст. 230 УК Киргизии.

Таким образом, проведенный сравнительный анализ наглядно демонстрирует то, что поставленные еще в 2010 г. цели не достигнуты. Более того, после изменения уголовного законодательства в ряде регионов поступательного движения в данном направлении не наметилось.

Расхождения в установлении ответственности в самом общем виде заключаются в следующем:

1) отсутствует общий подход к определению противоправности деяний;

2) нет единства в определении признаков объективной стороны преступлений: различны способы совершения, предмет, место совершения преступления, стоимостное выражение размера причиняемого ущерба;

3) различны квалифицирующие признаки;

4) санкции за совершение аналогичных преступлений не тождественны;

5) нет единства подходов в установлении возможности освобождения от уголовной ответственности.

Принимая во внимание, что с момента принятия рамочного Договора в 2010 г. прошло достаточно времени для изменения национального законодательства, можно предположить, что имеющиеся принципиальные подходы в установлении ответственности за преступления в сфере внешнеэкономической деятельности сохранятся, системных изменений национального законодательства не произойдет. Однако необходимость корректировки национального законодательства стран-участниц по отдельным вопросам очевидна. В противном случае любое здравомыслящее лицо, нарушающее таможенные правила, будет выбирать тот правовой режим, в котором оно не будет привлечено к ответственности либо ответственность будет минимальна.

В науке уголовного права разницу в подходах к криминализации предложено устранять путем принятия единого акта национального характера, регулирующего вопросы противодействия не только контрабандным, но и иным преступлениям в таможенной сфере. В данном акте, в частности, предлагается предусмотреть общую дефиницию контрабанды, которая впоследствии могла быть имплементирована государствами в их национальные законодательства; разработать единый подход к определению условий наказуемости деяний и квалифицирующих признаков [5, с. 30; 7, с. 215]. Формирование единой концепции уголовной ответственности возможно и путем внесения изменений в уже заключенные международные договоры [2, с. 36; 4, с. 52].

Представляется, что возможен и иной путь. Общее понятие таможенного преступления сформулировано в международных договорах, а именно в Специальном приложении Н к Международной Конвенции об упрощении и гармонизации таможенных

процедур 1973 г. (Киотская конвенция)¹: таможенное нарушение – это любое нарушение или попытка нарушения таможенного законодательства. Все таможенные нарушения подразделяются на обман таможни (лицо обманным путем полностью или частично уклоняется от уплаты таможенных платежей) и контрабанду (перемещение товаров через границу в нарушение установленных правил). В более детальном виде ответственность, в т.ч. уголовная, формулируется в национальных актах. Принятие международного акта, более детально регламентирующего вопросы уголовной ответственности, не разрешит проблему, т.к. уголовное законодательство имеет сугубо национальный характер и вопрос о международных договорах как об источниках уголовного права до настоящего времени относится к дискуссионным. В этой связи на международном уровне необходима лишь общая концепция единой охранительной системы, в результате формирования и закрепления которой будет установлена уголовная ответственность одинакового уровня для тождественных или сходных преступлений для всех государств, входящих в Союз. При формировании национального законодательства к общему знаменателю необходимо в том числе установить единые подходы к определению размера ущерба. Фактически речь идет о единообразном подходе к установлению противоправности, т.к. ущерб является криминообразующим признаком для большинства исследуемых преступлений. В целях унификации размера ущерба от совершенных преступлений в юридической литературе высказаны различные мнения, в т.ч. предложено введение наднациональной валюты на всей территории Таможенного союза, посредством которой возможно определение стоимостного критерия наказуемости деяния [3, с. 27; 6, с. 47].

Таким образом, уголовное законодательство всех стран – участниц ЕАЭС нуждается в изменении в целях приведения его в соответствие с заключенными международными договорами и принятыми на себя обязательствами в рамках Таможенного союза.

Выделим следующие направления реформирования уголовного законодательства в части ответственности за преступления в сфере внешнеэкономической деятельности:

1) в рамках Евразийского экономического союза для целей унификации уголовного законодательства вполне можно определить условную величину (аналог специальных прав заимствования, Special Drawing Rights — SDR), которая будет представлять собой средневзвешенный курс национальных валют и являться единым критерием определения стои-

¹ Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур (совершено в Киото 18.05.1973) (в ред. Протокола от 26.06.1999).

мостного ущерба от преступлений, связанных с нарушением таможенного законодательства, в т.ч. за уклонение от уплаты таможенных платежей;

2) для всех стран-участниц необходимо предусмотреть возможность освобождения от уголовной ответственности за рассматриваемые преступления при полном возмещении суммы ущерба, т.е. оплате всех платежей, пеней, штрафов. Не все ученые согласны с подобным мнением, полагая, что при установлении правил об освобождении от уголовной ответственности создается возможность необоснованного избежания ответственности в одном государстве и необходимости претерпеть негативные уголовно-правовые последствия в другом, и предлагают исключить из уголовных законов соответствующую норму на примере ст. 236 УК Казахстана [1, с. 92]. В рамках настоящего исследования мы пришли к иным выводам: общей тенденцией реформирования уголовного законодательства об ответственности за экономические преступления не только в РФ, но и в остальных странах – участницах Союза является установление приоритета экономических интересов потерпевшего (в данном случае государства). Такая тенденция проявляется в том числе в предоставле-

нии возможности освобождения от уголовной ответственности в случае возмещения причиненного ущерба в полном объеме и осуществления компенсационных выплат. Кроме того, сохранение института освобождения от уголовной ответственности в рамках одной или нескольких юрисдикций с высокой степенью вероятности привлечет именно в эту юрисдикцию лиц, намеренных совершить преступное деяние;

3) предусмотреть возможность отказа от самостоятельного состава контрабанды в уголовных кодексах союзных государств, по аналогии с российским и белорусским уголовным правом. Представляется обоснованной позиция о том, что контрабанда не запрещенных к обороту товаров, работ, услуг не имеет достаточной степени общественной опасности для признания ее преступлением, т.к. целью такого перемещения является не сам факт перемещения товаров, ценностей через таможенную границу, а «экономия» на таможенных платежах, их неуплата.

В остальной части возможно сохранение национальной специфики уголовного законодательства для стран – участниц Евразийского экономического союза.

Литература

1. Алиасхарова Г.А. Сравнительный анализ ответственности за уклонение от уплаты таможенных платежей в законодательстве стран Таможенного союза // Международный научно-исследовательский журнал. № 11 (42). Ч. 5. С. 91-94.
2. Григорьев В.Г. Проблема гуманизации законодательства государств – участников Евразийского экономического союза за правонарушения в сфере таможенных платежей // Вестник Академии экономической безопасности МВД РФ. 2015. № 5. С. 35-39.
3. Карпович О.Г. Уклонение от уплаты таможенных сборов: современное состояние и способы противодействия // Таможенное дело. 2017. № 2. С. 26-28.
4. Крюкова Н.И. Профилактика уклонения от уплаты таможенных платежей // Российский следователь. 2017. № 5. С. 51-52.
5. Морозова О.В. Организованная преступность в таможенной сфере как одна из угроз общественной безопасности Российской Федерации // Таможенное дело. 2019. № 3. С. 28-31.
6. Урда М.Н. Уклонение от уплаты таможенных платежей по законодательству стран – участниц Таможенного союза: проблемы унификации законодательства // Финансовое право. 2016. № 2. С. 45-48.
7. Урда М.Н., Шевелева С.В., Тененева И.В. Ответственность за контрабанду по уголовному законодательству стран – участниц Таможенного союза: проблемы унификации законодательства // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 205-215.

УДК 343.343.6

М.Н. Урда, канд. юрид. наук, доцент

Юго-Западный государственный университет

E-mail: urda.ru@rambler.ru

ПРИЗНАК «ОРГАНИЗАЦИЯ» В СТАТЬЕ 322¹ УК РФ: ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ И ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЯ

В статье исследуется признак «организация» в ст. 322¹ УК РФ. Посредством обращения к доктринальным источникам, нормативным актам и судебной практике делается вывод о нецелесообразности отказа от его использования в диспозиции указанной нормы. Формулируется авторский подход к его толкованию и применению в части соотношения с незаконным пересечением Государственной границы РФ, отграничением от других миграционных преступлений и деликтов. Чтобы исключить смешение организации незаконной миграции с иными миграционными правонарушениями, следует уточнить трактовку признака «организация» в составе этого преступления, определив его не как любые действия (они могут иметь самостоятельную правовую оценку, например фиктивная постановка на миграционный учет), а как организаторскую деятельность. Ее содержание составляет комплекс разнообразных действий, направленный на обеспечение совершения иностранными гражданами (лицами без гражданства) уголовно наказуемого незаконного пересечения Государственной границы РФ (в части въезда) и (или) включение указанной категории лиц в социально вредное, но не преступное, административно наказуемое нарушение правил их пребывания или транзита.

Ключевые слова: организация незаконной миграции, миграционные преступления, соучастие, содействие в незаконной миграции, миграционные деликты, квалификация миграционных правонарушений.

M.N. Urda, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Southwest State University

E-mail: urda.ru@rambler.ru

SIGN «ORGANIZATION» IN ARTICLE 322¹ OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS OF INTERPRETATION AND SIGNIFICANCE FOR THE QUALIFICATION OF THE ACT

The article examines the sign of «organization» in Art. 322¹ of the Criminal Code of the Russian Federation. By referring to doctrinal sources, normative acts and judicial practice, it is concluded that it is inadvisable to refuse to use it in the disposition of this norm. The author's approach to its interpretation and application in relation to the illegal crossing of the state border of the Russian Federation, delimitation from other migration crimes and tortes is formulated. In order to avoid the confusion of organizing illegal migration and other migration offences should clarify the interpretation of the attribute «organization» part of this crime, defining it not as any actions (they can have an independent legal assessment, for example, a fictitious migration registration), and as organizational activities. Its content is a complex of various actions aimed at ensuring the Commission of foreign citizens (stateless persons) criminally punishable illegal crossing of the state border of the Russian Federation (in terms of entry) and (or) the inclusion of this category of persons in a socially harmful, but not criminal, administratively punishable violation of the rules of their stay or transit.

Key words: organization of illegal migration, migration crimes, complicity, assistance in illegal migration, migration tort, qualification of migration offenses.

Несмотря на повышенное внимание со стороны правоохранительных органов и научной общественности к организации незаконной миграции, многие вопросы толкования и применения нормы остаются нерешенными. В частности, не определены критерии отграничения нормы от аналогичных административных правонарушений и смежных составов преступлений, предусмотренных ст. 322², 322³ УК РФ. Уяснения требует соотношение организации незаконной миграции с незаконным пересечением Государственной границы РФ.

Решение обозначенных проблем предполагает, с одной стороны, выявление функционального значения признака «организация» в ст. 322¹ УК РФ, с другой – корреляционный анализ рассматриваемого состава с институтом соучастия и другими миграционными преступлениями и деликтами.

Слово «организация» в русском языке имеет множество значений.

«Организовать» – означает объединять, сплачивать людей для какой-нибудь цели [14, с. 459], а также устраивать, установить, привести в порядок, образовать [5, с. 1131]. Отсюда отглагольное существительное «организация» в общем виде определяется как строение, устройство, структура чего-либо [16, с. 609].

«Организация» в разных значениях активно используется как средство юридической техники. В широком смысле под ней понимается совокупность людей, групп, объединений для достижения каких-либо задач на основе разделения труда, обязанностей и наличия иерархической структуры. Ее трактуют также как деятельность, направленную на обеспечение скоординированного, основанного на внутренней дисциплине функционирования управляемого объекта [15, с. 587-588]. Думается, что именно в последнем из контекстов слово «организация» употребляется в ст. 322¹ УК РФ. По существу, норма криминализует вид организаторской деятельности по обеспечению незаконного въезда, пребывания или транзита иностранных граждан (лиц без гражданства).

С точки зрения теории организации эта деятельность определяется как процесс управления – «организывание», т.е. распределение и управление материальными и человеческими ресурсами; и как воздействие – упорядочение или налаживание действия объекта. Субъект управления (он же субъект данного преступления) выступает источником управляющего воздействия. Это «лицо, принимающее решение, или группа лиц» [2, с. 50, 70]. При этом, как представляется, функции субъекта организации незаконной миграции не ограничиваются одним лишь принятием решения. В целях достижения преступного результата им могут выполняться иные разнообразные действия.

Под объектом управления в теории организации понимается приемник и исполнитель управляющего воздействия [2, с. 71]. В конструкции рассматриваемого состава с объектом управления можно соотнести иностранных граждан (лиц без гражданства), намеренных незаконно въехать на территорию государства и (или) незаконно пребывать на ней (Т.Н. Балашова определяет их как «объекты воздействия» [3, с. 37]).

Рассматривая термин «организация» в российском уголовном законодательстве, Т.И. Нагаева делает вывод о его использовании в разных значениях. В частности, он применяется законодателем для характеристики действий по подготовке отдельных видов преступлений, а также для характеристики действий по организации занятия отдельными видами социально предосудительной, хотя и непреступной деятельности [9, с. 39].

Соглашаясь с высказанным суждением по существу, отметим, что применительно к организации незаконной миграции значение рассматриваемого термина следует уточнить.

По своей правовой природе организация незаконной миграции ближе к преступлению соучастника особого вида (*delictum sui generis*). Такой технико-юридический прием конструирования норм весьма критикуем в доктринальных источниках в связи с тем, что ставит под сомнение системное единство Общей и Особенной части в реализации института соучастия [6, с. 254-255; 7, с. 173-178].

М.А. Саблина оправдывает существование подобного рода конструкций желанием законодателя ужесточить ответственность соучастника [12, с. 98] (в данном случае организатора преступления). Что мы наблюдаем, сопоставив санкции составов незаконного пересечения Государственной границы и организации незаконной миграции? В последнем случае она строже.

Однако по характеру состав организации незаконной миграции представляет собой содействие в совершении не только преступления – незаконного пересечения Государственной границы РФ (в части организации незаконного въезда иностранных граждан и лиц без гражданства), но и широкого перечня административных правонарушений (в части организации незаконного пребывания или транзита указанных лиц).

Таким образом, определение организации незаконной миграции как *delictum sui generis* справедливо только в отношении одной из его форм – организации незаконного въезда иностранных граждан и лиц без гражданства.

В первооснове своей запрет организации незаконной миграции аккумулирует в себе альтернативные признаки разнообразных миграционных

деликтов, опосредующих незаконное пребывание иностранных граждан (апатридов), и уголовно наказуемого незаконного въезда указанных лиц на территорию государства. Используемый в диспозиции нормы признак «организация» служит отражением общественной опасности этого деяния и указывает на стремление законодателя не столько к криминализации незаконной миграции как таковой, сколько признать уголовно наказуемым через его использование в конструкции нормы вид организаторской деятельности, включающей комплекс разнообразных действий, способствующих ее развитию. Уголовно-правовой запрет собственно незаконной миграции установлен только в части незаконного въезда иностранных граждан и лиц без гражданства в рамках статьи 322 УК РФ.

Например, если лицо незаконно трудоустраивает мигранта или даже большое количество мигрантов, оно формально содействует его (их) незаконному пребыванию на территории государства, но будет нести ответственность по статье 18.15 КоАП РФ «Незаконное привлечение к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства». Если же лицо совершает комплекс действий, например осуществляет поиск мигрантов, предоставляет им жилье, питание и трудоустраивает с нарушением установленных требований, его действия должны квалифицироваться как организация незаконной миграции.

Аналогичным образом соотносится организация незаконной миграции с составами преступлений, устанавливающих ответственность за фиктивную постановку на миграционный учет (ст. 322² и ст. 322³ УК РФ).

Как отмечают многие исследователи, до включения в 2013 г. [10] в уголовный закон составов, предусмотренных ст. 322² и 322³ УК РФ, фиктивная постановка на миграционный учет иностранных граждан (лиц без гражданства) трактовалась как организация незаконной миграции [4, с. 161; 17, с. 512]. С появлением новых составов возникла конкуренция этих норм.

Ю.А. Власов, О.А. Михаль считают, что «фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства является специальной нормой по отношению к организации незаконной миграции в форме незаконного пребывания. Содеянное должно квалифицироваться только по ст. 322³ УК РФ, если оно не сопряжено с предоставлением работы или жилья незаконным мигрантам. При конкуренции ст. 322³ УК РФ со ст. 322¹ УК РФ суды отдают предпочтение первой, поскольку в соответствии со ст. 10 УК РФ уголовный закон, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу» [4, с. 166].

В целом можно согласиться с высказанным суждением. В то же время если фиктивная постановка на миграционный учет стала результатом комплекса действий, направленных на создание условий для ее осуществления, телеологически верно квалифицировать деяние по ст. 322¹ УК РФ как организацию незаконной миграции. Этот комплекс может включать в себя рекламу таких «услуг», в т.ч. в сети Интернет, поиск желающих их оказывать, координацию действий заинтересованных лиц и др. Действия лиц, непосредственно осуществляющих постановку на миграционный учет, в зависимости от конкретных обстоятельств дела должны квалифицироваться по ст. 322² или ст. 322³ УК РФ.

Учитывая многообразное значение термина «организация», его использование в конструкции ст. 322¹ УК подверглось критике.

Например, Л.В. Андриченко, И.В. Плюгина указывают на то, что «из содержания ч. 1 ст. 322¹ УК РФ нельзя однозначно понять, какие именно действия могут быть расценены как организация незаконного въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан или лиц без гражданства, их незаконного пребывания в Российской Федерации или незаконного транзитного проезда через территорию РФ», и поддерживают ранее высказанную в доктрине точку зрения о необходимости придания уголовно-правового значения содействию незаконной миграции. По их мнению, это можно сделать посредством прямого закрепления соответствующей нормы в УК РФ или через расширение ст. 322¹ УК РФ [1].

С этим нельзя согласиться в связи со следующим.

Слово «содействие» имеет более абстрактное по сравнению с организацией значение. Оно определяется как «помощь, поддержка» [8, с. 724]. Исходя из этого, организация в рассматриваемом составе может трактоваться как содействие, поскольку субъект преступления, предусмотренного ст. 322¹ УК РФ, по существу, оказывает помощь иностранным гражданам (лицам без гражданства), желающим незаконно въехать на территорию государства и (или) незаконно пребывать на ней.

В тексте уголовного закона применительно к описанию составов преступлений этот термин имеет различное функциональное значение. В части 2 ст. 110¹ УК РФ его можно соотнести с пособничеством (признаки содействия совершению самоубийства во многом аналогичны тем, какие используются законодателем в ч. 5 ст. 33 УК РФ для определения пособника). Употребление термина «содействие» в названии ст. 205¹ УК РФ фактически объединяет различные по характеру и степени общественной опасности разновидности преступлений соучастников особого вида: подстрекателя, пособника и организатора террористической деятельности.

Думается, что придание уголовно-правового значения содействию незаконной миграции не повысит качество противодействия незаконной миграции. Напротив, усложнит и без того непростое толкование и применение нормы. Это приведет к неразрешимым противоречиям в части определения критериев отграничения организации незаконной миграции от смежных составов фиктивной постановки на миграционный учет (ст. 322² и 322³ УК РФ) и разнообразных миграционных деликтов, обеспечивающих незаконное пребывание иностранных граждан (апатридов): всех их можно трактовать как содействие незаконной миграции.

Обращая внимание на проблему криминализации преступлений соучастника особого вида, Ю.А. Власов и О.А. Михаль, делают вывод о нелогичности подхода в конструировании нормы, когда в норме сразу совмещается роль организатора и исполнителя. Чтобы устранить эту проблему они предложили изменить название и редакцию нормы. Название должно, по их мнению, выглядеть как «Осуществление незаконной миграции». В редакции нормы они предлагают отразить это же обстоятельство: «Осуществление незаконного въезда в Российскую Федерацию...» и далее по тексту. Они полагают, что такие изменения позволят снять вопрос об исполнителе данного преступления, а действия организатора, непосредственно не выполняющего действий, указанных в диспозиции статьи, квалифицировать со ссылкой на ч. 3 ст. 33 УК РФ [4, с. 71-72].

С этим суждением также нельзя согласиться в связи со следующим.

Во-первых, термины «осуществлять» и «организовать» являются словами-синонимами [13, с. 637], что затрудняет их соотношение между собой. Нелогичным выглядит это предложение еще и потому, что авторы предлагают в рамках ст. 322¹ УК РФ криминализовать организацию (не осуществление!) незаконного выезда граждан РФ с территории РФ [4, с. 175].

Во-вторых, противоречие, о котором пишут авторы, снимает толкование нормы с применением ч. 2 ст. 34 УК РФ, которая исключает возможность квалификации действий кого-либо из соисполнителей со ссылкой на ч. 3 ст. 33 УК РФ.

В-третьих, обозначенная проблема носит теоретический характер, практического значения она не имеет. Изучение практики применения ст. 322¹ УК РФ не выявило случаев квалификации деяния со ссылкой на ч. 3 ст. 33 УК РФ. Равно как и отсутствуют случаи квалификации, например, незаконного предпринимательства со ссылкой на ч. 3 ст. 33 УК РФ. Уголовно-правовой запрет на его совершение формулируется посредством использования предлагаемого авторами термина «осуществление».

Кроме того, предлагаемое изменение редакции рассматриваемого состава создаст дополнительные трудности с определением критериев его разграничения со смежными миграционными преступлениями и административными деликтами. Исходя из этого, предпочтительным является не отказ от использования в ст. 322¹ УК РФ ставшего традиционным многозначного термина «организация», а его определение путем доктринального и судебного толкования.

Наибольшее распространение в науке получила точка зрения об определении организации незаконной миграции как совершение любых действий, направленных на обеспечение въезда, пребывания или проживания на территории РФ этих иностранных граждан и лиц без гражданства в нарушение действующего законодательства [1]. Схожим образом определяется этот признак и в судебной практике. В одном из приговоров применительно к пребыванию иностранных граждан и лиц без гражданства суд истолковал его как «...совершение разнообразных действий, направленных на обеспечение пребывания или проживания на территории РФ указанных лиц при отсутствии у них необходимых документов, удостоверяющих личность, миграционной карты» [11].

С тем чтобы исключить смешение рассматриваемого деяния с иными миграционными правонарушениями, следует уточнить трактовку рассматриваемого признака, определив его не как любые действия (они могут иметь самостоятельную правовую оценку, например, фиктивная постановка на миграционный учет), а как организаторскую деятельность. Ее содержание составляет комплекс разнообразных действий (выд. – авт.), направленный на обеспечение совершения иностранными гражданами (лицами без гражданства) уголовно наказуемого незаконного пересечения Государственной границы РФ (в части въезда) и (или) «включение» указанной категории лиц в социально вредное, но не преступное, административно наказуемое нарушение правил их пребывания или транзита.

К таким действиям можно отнести разработку плана пересечения границы иностранными гражданами (лицами без гражданства) и (или) их пребывания, обеспечение его фактической реализации, поиск, приспособление мест для пребывания и жизнедеятельности мигрантов, конспирация, создание иных условий для незаконного въезда, пребывания, а также транзитного проезда по территории Российской Федерации указанной категории лиц. Организация незаконной миграции может сопровождаться поиском иностранцев, заинтересованных в получении подобного рода «услуг», в т.ч. посредством их рекламы с использованием сети Интернет и других источников, подделкой и последующим использованием документов, необходимых для въезда и пребывания

на территории государства. При этом признак «организация» является системообразующим, носит оценочный характер и устанавливается в каждом случае с учетом конкретных обстоятельств дела.

Набор элементов организации незаконной миграции зависит от многих обстоятельств. Во многом он предопределен формой деяния. При этом многообразие требований миграционного законодательства к въезду, пребыванию, транзитному проезду влияет на выбор средств и способа совершения преступления. Они могут быть обусловлены статусом иностранных граждан (лиц без гражданства), желающих

воспользоваться незаконной услугой (например, миграционное законодательство предъявляет различные требования в части легальности въезда и пребывания к гражданам стран безвизового режима и тем иностранцам, которым виза необходима, особые требования предъявляются к трудовым мигрантам и др.). На фоне постоянно меняющегося разбалансированного и неконсолидированного миграционного законодательства, а также учитывая указанные обстоятельства, дать исчерпывающее определение рассматриваемому признаку не представляется возможным.

Литература

1. Андриченко Л.В., Плюгина И.В. Миграционное законодательство Российской Федерации: тенденции развития и практика применения: монография. М.: ИЗиСП, НОРМА, ИНФРА-М, 2019. 392 с. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Арутюнова Л.М., Пирогова Е.В. Теория организации: учебное пособие. Ульяновск: УлГТУ, 2007. 110 с.
3. Балашова Т.Н. Конституционное право граждан на свободу передвижения и уголовная ответственность за организацию незаконной миграции: проблемы правоприменения // Конституционные основы уголовного права: мат-лы I Всероссийского конгресса по уголовному праву, посвященного 10-летию УК РФ. М., 2006. С. 37-41.
4. Власов Ю.А., Михаль О.А. Квалификация незаконной миграции: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 182 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство Астрель», 2001. Т. 2. 1280 с.
6. Есаков Г.А. Преступления sui generis как проявления институтов Общей части в Особенной части УК РФ // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию: мат-лы VI российского конгресса уголовного права (26-27 мая 2011 г.). М., 2011. С. 254-255.
7. Качалов В.В. Следует ли выделять новые виды соучастников? // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2015. № 4-2. С. 173-178.
8. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. М.: Эксмо, 2006. 928 с.
9. Нагаева Т.И. Формы и виды преступного деяния: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 51 с.
10. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 21.12.2013 № 376-ФЗ (в ред. от 31.12.2014) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 51. Ст. 6696.
11. Приговор Промышленного районного суда г. Оренбурга от 29 июля 2011 г. по делу № 1-374/2011 // Портал Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://www.http://sudact.ru>.
12. Саблина М.А. Исполнитель преступления в институте соучастия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 233 с.
13. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд. М.: Рус. яз., Полиграф ресурсы, 1999. 736 с.
14. Современный толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2001. 959 с.
15. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. М.: Юринформцентр, 2005. 972 с.
16. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт; ДОМ XXI век, 2009. 1239 с.
17. Филиппов П.А. Преступления против порядка управления: закон, теория, практика. М.: Зерцало М, 2017. 512 с.

УДК 343.5

А.А. Фазлиев

адъюнкт Казанского юридического института МВД России

E-mail: fazliev.amir@rambler.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ АНТИДОПИНГОВЫХ ПРАВИЛ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В научной работе отмечается, что одной из мер по противодействию допинга в спорте следует считать введение уголовной ответственности, закрепляя данное решение в законодательстве страны, которое в дальнейшем требует нормативно-правового регулирования в рассматриваемой сфере. В статье проводится анализ правовой базы антидопингового законодательства применительно к статьям 230.1-230.2 УК РФ. В статье рассмотрены характерные черты международных и российских правовых источников, отражая их особенности и специфику. Также производится сопоставление упомянутых документов по сферам применения, отмечая конкретные области, которые они регулируют. Представлен авторский подход к классификации рассматриваемых нормативно-правовых актов и высказаны предложения по их применению.

Ключевые слова: нарушение антидопинговых правил, допинг, правовое регулирование, уголовная ответственность, антидопинговое законодательство.

A.A. Fazliev

postgraduate student of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: fazliev.amir@rambler.ru

LEGAL REGULATION OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR VIOLATION OF ANTI-DOPING RULES IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article analyzes the legislation governing criminal liability for anti-doping rule violation in Russia. The essence and scope of each document are considered. The article notes that one of the measures to combat doping in sports should be considered the introduction of criminal liability, fixing this decision in the country's legislation, which further requires regulatory regulation in this area. The article analyzes the legal framework of anti-doping legislation in relation to articles 230.1-230.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author considers the characteristic features of international and Russian legal sources, reflecting their features and specifics, compares the mentioned documents by their scope of application, noting the specific areas that they regulate. As the result there is the author's approach to the classification of the considered normative legal acts, and offers suggestions for their application.

Key words: violation of anti-doping rule, doping, legal regulation, criminal liability, anti-doping legislation.

Одной из злободневных проблем современного спорта является допинг, который не только наносит ущерб основным принципам спорта, но и причиняет значительный вред здоровью спортсменов [4, с. 20].

В последние годы в российском спорте допинговая проблема становится актуальной [3, с. 33], о чем свидетельствует значительное количество публикаций в различных периодических изданиях, а также в сети Интернет. Основной причиной такого внимания явился факт ужесточения мирового антидопингового законодательства, повлекший отстранение большого количества спортсменов из России от участия в Олимпийских соревнованиях в 2016 г. в городе Рио-де-Жанейро, а также всего состава сборной России от участия в Паралимпийских играх в 2016 г. [7, с. 99]. Относительно на слуху решение о дисквалификации Олимпийского комитета России, вследствие чего сборная России не смогла выступить на Олимпиаде-2018 в Пхенчхане под своим флагом и гимном [15].

Одна из необходимых мер по борьбе с допингом – это юридическая ответственность тренеров, спортсменов, иных специалистов в области спорта и физической культуры за нарушение антидопингового законодательства [2, с. 281]. Федеральным законом от 22.11.2016 № 392-ФЗ [10] были введены статьи 230.1 и 230.2 УК РФ [16].

Правовой базой уголовной ответственности за противодействие допингу являются нормы международного права и иных отраслей права, к которым необходимо обращаться при толковании понятий, используемых в формулировании диспозиций ст. 230.1 и 230.2 УК РФ.

Центральным международно-правовым актом является Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте [8] (далее – Конвенция ЮНЕСКО). На основании ее правительства различных государств закрепили применение международных мер с целью противодействия допингу.

Основные положения Конвенции ЮНЕСКО заключены в следующем:

1) целью данного документа является осуществление содействия по предотвращению использования допинга и борьбе с ним до его полного искоренения;

2) сформулирован терминологический аппарат в указанной сфере, а именно даны понятия «нарушение антидопингового правила», «спортсмен», «вспомогательный персонал спортсмена», «использование», «запрещенный метод», «запрещенная субстанция», «разрешение на терапевтическое использование» и др.;

3) Конвенция ЮНЕСКО предусматривает разделение субъектов ответственности за нарушения антидопинговых правил на самих спортсменов и его вспомогательный персонал;

4) государства-участницы могут сами принять соответствующие антидопинговые меры или осуществить содействие в их принятии спортивными и антидопинговыми организациями.

Кроме того, Конвенция ЮНЕСКО обеспечивает эффективное использование Всемирного антидопингового кодекса Всемирного антидопингового агентства (далее – Кодекс ВАДА). В связи с тем, что Кодекс ВАДА считается неправительственным актом, распространяющимся на членов спортивных организаций, Конвенция ЮНЕСКО гарантирует нормативно-правовую основу, с помощью которой правительства стран смогут разрешать допинговые вопросы в определенных областях, действующие вне сферы спортивного движения. Также Конвенция ЮНЕСКО придает официальное положение всеобщим антидопинговым принципам, политике и нормам, направленным на обеспечение равных и честных спортивных условий.

Помимо этого, она предусматривает поддержку странам-участникам в создании программ в сфере антидопингового образования, а также противодействия допинга при помощи Фонда для искоренения допинга в спорте под управлением ЮНЕСКО.

Отмечая значимость Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте, следует отметить, что в ней содержатся общие положения международной и национальной ответственности за нарушения антидопинговых правил, ее виды и субъекты ответственности, а также сформулированы основные понятия в рассматриваемой области.

На международном уровне также действует Международная конвенция Совета Европы против применения допинга ETS № 1352, подписанная в городе Страсбурге 16 ноября 1989 г. [5] (далее – Конвенция ETS № 1352) и являющаяся первым международно-правовым документом в рассматриваемой области. В ней даются определения таким терминам, как «допинг в спорте» и «спортсмен».

Основные положения Конвенции ETS № 1352 состоят в том, что подписавшие ее страны координируют деятельность и политику собственных организаций и органов, занимающихся противодействием допинга в спорте. Также контролируется их практическое применение, а в необходимых случаях – поручается осуществление отдельных норм Конвенции ETS № 1352 выбранной неправительственной или правительственной спортивной организации и учреждению.

В зависимости от определенных обстоятельств государства-участники издают нормативно-правовые акты, различные положения и ограничительные меры, касающиеся доступности допинговых субстанций (например, положения о контроле продаж, распространении, хранении, перевозке,

импорте и др.), а также использования запрещенных средств и (или) методов.

Помимо этого, государства-участницы Конвенции ETS № 1352:

1) осуществляют финансовую помощь спортивным организациям по проведению антидопингового контроля и процесса сдачи и проверки анализов;

2) исключают нарушившего антидопинговые правила спортсмена на весь срок отстранения от соревнований, от предоставления соответствующей финансовой помощи, выделяемых из общественного фонда государства-участницы;

3) осуществляют содействие спортивным организациям по проведению антидопингового контроля;

4) содействуют и способствуют заключению дополнительных соглашений между спортивными организациями по проведению допинг-контроля в других государствах.

По собственной инициативе и ответственности государства-участницы имеют право утверждать антидопинговое законодательство и правила, а также координировать допинг-контроль, но только при условии, что данная деятельность соответствует принципам Конвенции ETS № 1352.

Таким образом, Международная конвенция Совета Европы против применения допинга ETS № 1352 обеспечивает реализацию основных принципов правового регулирования противодействия допинга среди стран-участниц.

Немаловажным и системообразующим международно-правовым документом является Всемирный антидопинговый кодекс Всемирного антидопингового агентства [1] и национальные антидопинговые кодексы (в России – Общероссийские антидопинговые правила [12]). Всемирный антидопинговый кодекс (Кодекс ВАДА) был впервые принят в 2003 г. и начал действовать в 2004 г.

Антидопинговые правила и процедуры представляют собой специфичные спортивные положения, целью которых является противодействие допингу на основе всеобщей и координированной деятельности.

Кроме того, антидопинговые программы сохраняют важные и ценные составляющие спорта, как дух спорта. Именно он представляет собой олицетворение олимпийского движения, заключающееся в желании достигнуть человеческого превосходства благодаря развитию естественных талантов каждого индивида и определяющее стремление лица к честному соперничеству. Дух спорта подразумевает возвышение человеческого разума, тела, духа и отображение ценностей, принятых в спорте.

В указанном международно-правовом акте, в отличие от общих положений Конвенции ЮНЕСКО, закреплены конкретные виды и санкции за соверше-

ния допинговых нарушений. К примеру: а) аннулирование результатов во время спортивного события, в ходе которого произошло нарушение антидопинговых правил; б) 2 года дисквалификации предусмотрено за наличие, использование или попытку использования или обладание запрещенными субстанциями и запрещенными методами (впервые) и отказ от предоставления допинг-проб или попытки фальсификации в любой составляющей допинг-контроля и др.

Особо выделено нарушение антидопинговых правил, совершенное несовершеннолетним, если в произошедшем имеется вина вспомогательного персонала, то они дисквалифицируются пожизненно.

Весьма специфичен и интересен вид санкции за нарушение требований относительно доступности спортсмена для взятия у него проб во время внесоревновательного периода, за которое предусматривается дисквалификация от 1 года до 2 лет в зависимости от степени вины спортсмена.

Также антидопинговая организация дополнительно может применить финансовые санкции за совершения допингового правонарушения.

В Кодексе ВАДА также имеется институт освобождения и смягчения ответственности за нарушение антидопинговых правил.

Спортсмен полностью освобождается от ответственности, если докажет свою невиновность и отсутствие халатности.

Смягчение ответственности предусмотрено за доказанность спортсменом или иным лицом отсутствия большей части вины или халатности в содеянном, а также за добровольное признание, являющееся единственным достоверным фактом (сокращение срока дисквалификации не более чем наполовину). Срок дисквалификации сокращается и в случае оказания спортсменом или другим лицом активного содействия в выявлении допингового нарушения.

В Кодексе ВАДА также предусмотрены отягчающие обстоятельства, за которые предусмотрено увеличение срока наказания. Например, нарушение антидопинговых правил: а) совершенное при наличии допинговой схемы или плана; б) совершенное группой лиц; в) выразившееся в многократном использовании допинга; г) совершенное при наличии большого количества запрещенных веществ и методов; д) выразившееся в попытке вмешательства в обнаружение допинга; е) выразившееся в попытке вмешательства при вынесении решения по допинговому делу.

Таким образом, Всемирный антидопинговый кодекс содержит нормы, касающиеся конкретизации видов ответственности и санкций за нарушение антидопинговых правил, а также обстоятельства, включающие, смягчающие и отягчающие ответственность. При этом отмечается дифференциация ответ-

ственности в зависимости: а) от вида совершенного деяния; б) от формы вины; в) от вида используемого допинга.

Сами запрещенные субстанции и методы периодически обновляются и издаются в виде Международного стандарта [9]. Запрещенный список является неотъемлемой частью Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте (Приложение I). Данные, содержащиеся в перечне запрещенных в спорте субстанций и методов, во-первых, приносят вред здоровью спортсмена, во-вторых, нарушают принцип честной игры и, в-третьих, подрывают доверие к соревнованиям различного уровня. По аналогии в России имеется общий перечень субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, утвержденный Приказом Минспорта России № 1232 от 30.11.2016 [13], и перечень субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, для целей статей 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, утвержденный Постановлением Правительства РФ № 339 от 28.03.2017 [14].

Также в России общие положения о допинге и противодействии ему содержатся в Федеральном законе № 329 от 04.12.2007 «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [11].

Таким образом, ввиду того что нормы ст. 230.1 и 230.2 УК РФ являются бланкетными, для их правильной квалификации требуется обращение к иным правовым актам, раскрывающим те понятия, которые используются при их описании. Анализ действующих правовых актов в сфере уголовного противодействия допингу в спорте позволяет разделить их на две группы. Но остается нерешенным вопрос, какие именно правовые акты необходимо использовать для

привлечения лица к уголовной ответственности. В связи с этим необходимо классифицировать указанные нормативно-правовые акты:

1) на общие, к которым относятся нормы международного права: Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте 2005 г., Европейская конвенция ETS № 1352 против применения допинга 1989 г., Всемирный антидопинговый кодекс Всемирного антидопингового агентства 2015 года. В них отражаются опасность допинговых средств и методов; основные положения ответственности за нарушения антидопинговых правил, ее виды и субъекты ответственности; общие принципы содействия по противодействию допинга и обеспечение свободных от допинга соревнований. Данные нормы следует использовать при построении системы мер по противодействию допинговых преступлений;

2) нормы национального законодательства, к которым относятся: Конституция России [6], Уголовный кодекс России, Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», Постановление Правительства РФ «Об утверждении перечня субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, для целей статей 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса России» и Приказ Минспорта России «Об утверждении Общероссийских антидопинговых правил». Указанные правовые акты содержат все необходимые понятия и отражают специфику рассматриваемой сферы. Данные правовые источники необходимо учитывать при рассмотрении признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 230.1 и 230.2 УК РФ, в правоприменительной практике соответствующими органами.

Литература

1. Всемирный антидопинговый кодекс 2015. URL: <http://rusada.ru/documents/the-wada-code/> (дата обращения: 22.09.2019).
2. Иванов В.Д., Хадеева А.Р., Титова Е.В. Преступления в спорте, связанные с допингом, и ответственность за них // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике: мат-лы VIII международной научно-практ. конф-ции. 2016. Т. 2. С. 279-283.
3. Иванова Т.Н., Басова М.Е. Актуальные проблемы антидопингового законодательства в Российской Федерации // Право и экономика. 2016. № 9. С. 33-39.
4. Каменков В.С. Право о допинге в спорте // Спорт: экономика, право, управление. 2014. № 1. С. 20-24.
5. Конвенция против применения допинга ETS № 135 (заключена в г. Страсбурге 16 ноября 1989 г.) // Бюллетень международных договоров. 2000. № 2. С. 14.
6. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
7. Кошаева Т.О., Ямашева Е.В. К вопросу об установлении уголовной ответственности за нарушения законодательства о допинге // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 97-105.
8. Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте (заключена в г. Париже 19.10.2005) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 24. Ст. 2835.

9. Международный стандарт «Запрещенный список Всемирного антидопингового агентства» 2019 г. URL: <http://rusada.ru/documents/prohibited-list/> (дата обращения: 22.09.2019).

10. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за нарушение антидопинговых правил): федеральный закон от 22.11.2016 № 392-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. Ч. I. № 48. Ст. 6732.

11. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 50. Ст. 6242.

12. Об утверждении Общероссийских антидопинговых правил: приказ Минспорта России от 09.08.2016 № 947 // Сборник официальных документов и материалов Министерства спорта РФ. 2016. № 8.

13. Об утверждении перечней субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте: приказ Минспорта России от 30.11.2016 № 1232. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.09.2019).

14. Об утверждении перечня субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, для целей статей 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 28.03.2017 № 339 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 14. Ст. 2074.

15. Реакция на отстранение России от Олимпиады-2018. URL: <http://tass.ru/sport/4786997> (дата обращения: 22.09.2019).

16. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 64-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза, оперативно-разыскная деятельность

УДК 343.163

Н.С. Железняк, доктор юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Сибирский юридический институт МВД России
E-mail: ZhNS27@mail.ru

О ВОЗМОЖНЫХ ПУТЯХ ОПТИМИЗАЦИИ НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ

В статье рассматриваются возможные пути повышения уровня осуществления прокурорского надзора за соблюдением Конституции России и исполнением законов на ее территории, в т.ч. в сфере оперативной работы. В связи с этим исследуются отдельные функции данного структурного образования. В качестве анализируемой материи используются такие направления прокурорской работы, как уголовное преследование в соответствии с полномочиями, установленными уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, и координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Отмечаются недостатки, имеющиеся в этой сфере социальной практики, выявляются основные причины их существования. Делается вывод о необходимости сосредоточения прокуратуры на основном направлении ее деятельности.

Ключевые слова: прокуратура, надзор, закон, полномочия, оперативно-разыскная деятельность, функции, уголовное преследование.

N.S. Zheleznyak, Doctor of Juridical Sciences, professor, the Honored
Lawyer of the Russian Federation
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: ZhNS27@mail.ru

REVISITING THE POSSIBLE WAYS TO OPTIMIZE THE SUPERVISING ACTIVITY OF THE PROSECUTOR'S OFFICE

The article considers possible ways of improving prosecutorial supervision of observation of the Russian Federation Constitution and the enforcement of laws on its territory, including in the field of operational activity. In this regard, the functions of this structural formation are investigated. Such areas of prosecutorial activity as criminal prosecution in accordance with the legal powers established by the criminal procedure legislation of the Russian Federation and coordination of the activities of law enforcement agencies in the fight against crime are used as the analyzed matter. The shortcomings in this area of social practice are noted, the main reasons for their existence are identified. The conclusion is drawn about the need to focus the prosecutor's office on the main direction of its activities.

Key words: prosecutor's office, supervising activity, law, legal power, law enforcement activity, functions, prosecution, coordination of law enforcement agencies, fighting crime.

В теории права значительное число научных и методических работ посвящено деятельности прокуратуры Российской Федерации как особому органу, не относящемуся ни к одной из ветвей государственной власти¹, но обладающему чрезвычайно важными полномочиями, обеспечивающими ее существование и поступательное развитие.

Деятельность прокуратуры регламентируется федеральным законом (далее – Закон о прокуратуре) [6], в первом абзаце ч. 1 ст. 1 которого формулируется не только сущность этого структурного образования, но и основное предназначение. Там дословно отмечено, что прокуратура Российской Федерации – единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации.

Таким образом, уже в первой фразе исследуемого законодательного акта разъясняется, что основной функцией прокуратуры выступает *надзор за соблюдением Конституции РФ и действующих на территории государства законов* (здесь и далее выделено автором – Н.Ж.).

Правда, ниже, во втором абзаце этой же части статьи упомянутого нормативного правового акта, фиксируется, что прокуратура «выполняет и иные функции, установленные федеральными законами». Эти функции перечислены в ч. 2 исследуемой статьи, где, кроме отраслей прокурорского надзора, представлены следующие направления ее деятельности:

- *уголовное преследование* в соответствии с полномочиями, установленными уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации;
- *координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью*;
- *возбуждение дел об административных правонарушениях и проведение административного расследования* в соответствии с полномочиями, установленными Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях и другими федеральными законами.

Помимо того, прокуроры в соответствии с процессуальным законодательством Российской Федерации *участвуют в рассмотрении дел судами, опротестовывают противоречащие закону решения, приговоры, определения и постановления судов*.

Также прокуратура *принимает участие в правотворческой деятельности и в международном сотрудничестве* с соответствующими органами других государств и международными организациями.

¹ Статья 129 Конституции РФ, закрепляющая существование прокуратуры в структуре государственных органов России, помещена в главу VII «Судебная власть и прокуратура», которая до 06.02.2014 именовалась «Судебная власть».

Кроме того, в соответствии с межведомственным приказом [5] *прокурор участвует в осуществлении единого учета преступлений*, где отмечается, что:

- по его решению подлежат снятию с учета учетные как отдельные преступления эпизоды преступного деяния, в которых не усматривается самостоятельный состав преступления и по которым не выносилось постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям;
- он вправе лично составить учетные документы, если установит, что следователь (орган дознания) учел не все преступления;
- регистрация уголовного дела должна быть согласована с прокурором;
- подпись прокурора в статистической карточке формы № 1 обязательна.

Таким образом, не считая основной надзорной функции, прокуратура обеспечивает еще восемь кардинально отличающихся друг от друга направлений работы.

Для того чтобы хоть как-то разобраться в многоцветии прокурорского функционала, обратимся к науке наук – философии.

В свое время Рене Декарт отмечал: «Несмотря на то, что философия уже в течение многих веков культивировалась самыми выдающимися умами, тем не менее, в ней нет ни одного положения, которого нельзя было бы оспаривать» [1].

Не вступая в полемику с известным французским философом, а напротив, применяя мировоззренческую идею о подобии государства индивиду, попытаемся с использованием органической теории его происхождения² оценить возможности прокуратуры как части единого организма.

Любой человек, какими бы он возможностями не обладал, не может одновременно осуществлять несколько различных видов деятельности. Если у него имеются выдающиеся способности (как, например, у Гая Юлия Цезаря³), даже в этом случае он сможет

² Ранее мы уже использовали в учебном процессе эту теорию, распределив ветви власти следующим образом: законодательная – мозг, исполнительная – ноги, судебная – руки человека. Где в этом организме место прокуратуры, мы для себя пока не определили.

³ Плиний Старший в «Естественной истории» писал: «Сообщают, что он умел писать или читать и одновременно диктовать и слушать. Он мог диктовать своим секретарям по четыре письма одновременно, причем по самым важным вопросам; а если не был занят ничем другим – то и по семь писем». Правда ли, что Юлий Цезарь мог делать три дела одновременно? // Древний Рим и Древний Мир: канал об истории и культуре Древнего Рима и о древней истории в целом. URL: https://zen.yandex.ru/media/ancient_rome/5d230494959b0d00ad33cab1 (дата обращения: 10.01.2019).

одномоментно выполнять не более чем два вида действий¹. Что же говорить о среднестатистическом работнике прокуратуры, вряд ли обладающем экстраординарными качествами?

Исходя из этого, а также из-за ограниченного объема работы, попытаемся оценить роль прокуратуры в других, нежели прокурорский надзор, значимых для предмета нашего исследования видах деятельности.

1. Уголовное преследование в соответствии с полномочиями, установленными уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, где прокурор выступает как представитель стороны обвинения.

В соответствии со ст. 37 УПК РФ «прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия».

Оставим в стороне надзор за процессуальной деятельностью и сосредоточимся на функции участия прокурора в рассмотрении дел судами.

Согласно ч. 1, 2 ст. 35 Закона о прокуратуре «прокурор участвует в рассмотрении дел судами в случаях, предусмотренных процессуальным законодательством Российской Федерации и другими федеральными законами. Осуществляя уголовное преследование в суде, прокурор выступает в качестве государственного обвинителя». Похожее предписание содержится в ст. 37 УПК РФ, согласно которой «в ходе судебного производства по уголовному делу прокурор поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность».

Попытаемся конкретизировать работу прокурора в этой области права. С учетом содержания ч. 5 ст. 246 УПК РФ «государственный обвинитель представляет доказательства и участвует в их исследовании, излагает суду свое мнение по существу обвинения, а также по другим вопросам, возникающим в ходе судебного разбирательства, высказывает суду предложения о применении уголовного закона и назначении подсудимому наказания».

Итак, прокурор как государственный обвинитель является едва ли не самой важной фигурой стороны

¹ Современные ученые проводили эксперименты, ставя перед подопытными две различные задачи, которые нужно было решать одновременно. Всего лишь две, а не три и не семь. Сначала все подопытные постоянно ошибались, но со временем часть из них приуныла и стала допускать всё меньше ошибок. Возникло впечатление, что они могут параллельно делать два сложных дела, требующих внимания. Но оказалось, что они лишь натренировались очень быстро переключаться между задачами, а делать сразу два дела человеческий мозг не умеет.

обвинения при рассмотрении уголовного дела в суде, и именно от него во многом зависит исход этого процесса.

Но давайте заглянем в работы ученых, не понаслышке знающих о реальном положении дел с участием в суде прокуроров как государственных обвинителей². Вот что об этом пишут специалисты: «Почему уголовные дела зачастую "разваливаются" в суде, а государственный обвинитель не может противопоставить стороне защиты весомые аргументы, убеждающие суд в обоснованности обвинения...? Существует распространенная практика, когда тому или иному сотруднику прокуратуры в срочном порядке поручают поддерживать обвинение по уголовному делу, слушание которого начинается через несколько часов. ...Как бы хорошо ни было расследовано уголовное дело, при незнании его материалов, отсутствии профессионализма и активности со стороны государственного обвинителя законного и обоснованного приговора добиться будет сложно» [2, с. 95].

Отсюда можно сделать вывод, что типичный государственный обвинитель – должностное лицо органов прокуратуры, зачастую, мягко говоря, недостаточно владеющий знанием материалов уголовного дела³, в отличие от защитника не встречавшийся с потерпевшими и свидетелями защиты, не инструктировавший их и, самое главное, не выработавший стратегию и тактику своих действий по конкретному уголовному делу.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: правильно ли государство адресовало столь важную функцию прокурору? Аргумент, подтверждающий нашу точку зрения, достаточно прозрачен и заключается в ответе на вопрос: «Какое должностное лицо лучше всего знает материалы уголовного дела? Кто максимально заинтересован в принятии объективного судебного решения?». Безусловно, это следователь, поскольку он сам его возбуждал, сам расследовал, сам готовил материалы для рассмотрения в суде. И мы полагаем, что передача ему функции государственного обвинителя позволит повысить уровень не

² Гармаев Юрий Петрович – российский ученый-криминалист, доктор юридических наук, профессор, старший советник юстиции (в отставке), заслуженный юрист Республики Бурятия. Работал в органах прокуратуры на должностях следователя, старшего следователя Бурятской транспортной прокуратуры, старшего следователя Восточно-Сибирской транспортной прокуратуры, следователя по особо важным делам прокуратуры Республики Бурятия, заместителя Бурятского транспортного прокурора.

³ Оппоненты могут возразить, что высказанные авторами упомянутой нами работы мысли основаны на практике десятилетней давности, однако современные экспертные суждения позволяют сделать вывод о неизменности существующей негативной ситуации.

только представления дела в суде, но и его расследования, т.к. следователь, выступая в качестве рупора стороны обвинения, должен будет доказать суду высокое качество своей работы и правильность сделанных в ее результате выводов.

Противники такой позиции попытаются разбить выстроенную автором конструкцию простым посылом: «Где набрать столько следователей не только для расследования, но и представления уголовных дел в суде?». На эту мысль отвечаем также просто: за счет сокращения должностей прокуроров, выступающих сегодня представителями обвинения, передачи ставок и денежных средств в следственные подразделения для создания приемлемой обстановки участия указанных лиц в судебных стадиях рассмотрения уголовного дела. Понимаем, что этот подход не понравится многим представителям и той и другой стороны, но весомые преимущества предложенной схемы, представляется, позволят в какой-то мере минимизировать возражения оппонентов. Выгода же от изменения существующего положения дел абсолютно очевидна.

Следующей функцией прокуратуры выступает координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью.

Координация как функция управления представляет собой согласование и упорядочение усилий, объединенных общей целью и совместной деятельностью участников выполнения той или иной работы.

Российская правовая система не устанавливает перечня правоохранительных органов, функционирующих на территории государства¹. Поэтому оценивать принадлежность того или иного субъекта к рассматриваемой категории можно только одним путем – определять, охранять ли тот или иной орган права физических и/или юридических лиц.

В наиболее обобщенном виде правоохранительная деятельность – вид государственной деятельности, осуществляемой с целью охраны права путём применения юридических мер воздействия в строгом соответствии с законом и при неуклонном соблюдении установленного им порядка.

В юридических литературных источниках традиционно упоминаются следующие виды правоохранительных органов:

- органы выявления и расследования преступлений;
- органы обеспечения правопорядка и безопасности;
- органы судебной власти;
- органы юридической помощи.

¹ Более того, не все правоохранительные органы осуществляют борьбу с преступностью (приведем в качестве примера суд или адвокатуру).

Следует обратить внимание, что ни к одной из указанных категорий прокуратура не относится, но, исходя из ее основного предназначения, она просто обязана быть правоохранительным органом.

С учетом представленной градации к правоохранительным органам, на наш взгляд, необходимо отнести следующие структуры:

- Министерство внутренних дел Российской Федерации, в т.ч. полицию;
- Следственный комитет Российской Федерации;
- Федеральную службу войск национальной гвардии Российской Федерации;
- Министерство юстиции Российской Федерации;
- Федеральную службу безопасности²;
- Федеральную таможенную службу (только её правоохранительные подразделения);
- судебные органы Российской Федерации;
- Федеральную службу судебных приставов;
- Федеральную службу исполнения наказаний;
- прокуратуру Российской Федерации;
- адвокатуру Российской Федерации.

Представленные нами органы осуществляют ряд различных правоохранительных функций, которые можно структурировать следующим образом:

- охрана общественного порядка;
- профилактика правонарушений;
- оперативно-разыскная деятельность;
- расследование преступлений;
- судебная деятельность;
- исполнение судебных решений;
- оказание юридической помощи;
- обеспечение безопасности;
- конституционный контроль;
- прокурорский надзор.

Чтобы быть координатором столь разноплановой деятельности, необходимы не только незаурядные способности, но и глубокие знания согласуемых сфер правоохранительной практики.

Памятуя о требовании ограничения объема настоящей работы, попытаемся рассмотреть возможность координации работы указанных органов только схематично.

Для этого в качестве одного из примеров понимания отдельными прокурорами этого важного направления работы правоохранительных органов упомянем отдельные «прогрессивные» методики прокурорского надзора³ [4], включающие в себя – не побоимся этого слова – такие парадоксальные идеи, как, например:

² Конечно, федеральная служба безопасности – в большей степени спецслужба, однако и она в определенных сферах реализует правоохранительную функцию.

³ Следует обратить внимание, что к.ю.н. заместитель прокурора одного из субъектов федерации (лицо, облеченное большим доверием и столь же большими полномочиями) путает разные функции прокурорской деятельности.

- «прокурор может направить свою надзорную деятельность на координацию деятельности оперативных подразделений внутри органа, осуществляющего ОРД¹ (внутренняя координация), и между самими органами, осуществляющими ОРД (внешняя координация)»;

- «...имеются все основания полагать, что осуществляемая этими подразделениями деятельность нуждается в согласованности и взаимодействии². В этом случае осуществляемая прокурором координация будет выступать в качестве эффективного способа объединения их усилий, а также средства обеспечения выработки скоординированных решений и действий»;

- «возможно... координировать действия органов прокуратуры, оперативно-разыскных органов и суда по конкретному уголовному делу».

Итак, «координация деятельности оперативных подразделений внутри органа, осуществляющего ОРД (внутренняя координация), и между самими органами, осуществляющими ОРД (внешняя координация)», предполагает вмешательство прокурора в организацию, а возможно, и тактику ОРД, что противоречит совместному указанию Генерального прокурора РФ и Министра внутренних дел РФ от 29.09.2008 № 215/69, 1/7918 «О порядке представления органами внутренних дел оперативно-служебных документов с целью осуществления прокурорами надзора за исполнением Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», согласно абз. 3 п. 1 которого прокурорам следует «учитывать, что вопросы, касающиеся организации, тактики, методов и средств осуществления оперативно-розыскной деятельности, в предмет прокурорского надзора не входят...». Таким образом, если указанная область не входит в предмет прокурорского надзора [3], то почему и как она должна координироваться прокурорами, тем более что последние, по нашим многочисленным наблюдениям, не очень хорошо разбираются в этой сфере деятельности?

«Имеются все основания полагать, что осуществляемая этими подразделениями деятельность нуждается в согласованности и взаимодействии. В этом случае осуществляемая прокурором координация будет выступать в качестве эффективного способа объединения их усилий, а также средства обеспечения выработки скоординированных решений и действий». По сути, верный посыл в первой фразе данного утверждения никоим образом не подкрепляется

последним предложением по той же, указанной в предыдущем абзаце причине.

Фраза «возможно ...координировать действия органов прокуратуры, оперативно-разыскных органов и суда по конкретному уголовному делу» вообще выпадает из правового поля.

В связи с этим хотелось бы понять, что понимается под координацией деятельности прокуратуры, оперативных подразделений и суда, если такая координация будет прямым вмешательством в организацию судопроизводства и осуществления правосудия и в конечном счете в независимость судебной системы? Как можно согласовывать работу прокуратуры и оперативных подразделений по уголовному делу, если, во-первых, она не осуществляет расследование, во-вторых, является надзорным органом по отношению к следственным подразделениям и оперативным сотрудникам?

На вопрос «Кто же должен координировать деятельность правоохранительных органов?» у автора данной работы нет однозначного ответа, но явно не прокуратура, на наш взгляд, недостаточно разбирающаяся в данной проблематике, а значит не способная на эффективную работу в этом направлении.

Таким образом, оценка лишь двух из восьми содержащихся в Законе о прокуратуре функций показывает целесообразность их передачи другим структурам. Нашу мысль подтверждает следующий исторически-правовой эпизод. Почти двадцать лет назад санкционирование ограничения конституционных прав граждан при проведении следственных действий в России было передано от органов прокуратуры федеральному суду. По этому поводу представитель прокуратуры Российской Федерации д.ю.н. А.Ф. Козусев на одной из научно-практических конференций по проблемам оперативно-разыскной деятельности, проводимой в 2003 г. во ВНИИ МВД России, убеждал присутствующих³ в ошибочности такой замены, указывая, что суды не справятся с подобной функцией. Время расставило все на свои места, подтвердив правомерность избранного государством курса на именно такой путь совершенствования правовой системы.

Идея сокращения функций рассматриваемого структурного образования ни в коей мере не означает нашего негативного отношения к органам прокуратуры, а лишь желание сосредоточить ее усилия на основном предназначении – надзоре за соблюдением Конституции России и исполнением законов на территории Российского государства.

¹ Здесь и далее прокурор ведет речь об оперативно-разыскной деятельности.

² Кто бы против этого возражал?

³ В том числе и автора настоящей статьи.

Литература

1. Антология мудрости / сост. В.Ю. Шойхер. М.: Вече, 2007.
2. Гармаев Ю.П., Шашин Д.Г. Особенности криминалистической методики расследования и поддержания государственного обвинения по уголовным делам о незаконном сбыте наркотиков: монография. М.: Юрлитинформ, 2009.
3. Железняк Н.С. Проблемы прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность: научно-практический комментарий. Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2013.
4. Колесников А.В. Методика прокурорского надзора за осуществлением оперативно-розыскной деятельности по уголовным делам о преступлениях против личности, совершенных в условиях неочевидности // Оперативник (сыщик). 2015. № 4 (45). С. 35-40.
5. О едином учете преступлений [Электронный ресурс]: приказ Генеральной прокуратуры России от 29.12.2005 № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Министерства юстиции России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. О прокуратуре Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 343.985

А.В. Каунов

адъюнкт Санкт-Петербургского университета МВД России

E-mail: alexspb0917@mail.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ГЛАСНОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ НЕЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ, ЗДАНИЙ, СООРУЖЕНИЙ, УЧАСТКОВ МЕСТНОСТИ И ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ В ОПЕРАТИВНО- РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В статье исследуются вопросы о проблемах развития и совершенствования российского законодательства в сфере проведения оперативно-разыскных мероприятий на примере анализа качества правового регулирования гласного обследования нежилых помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств в оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел, рассматривается вопрос о допустимости применения принуждения, а также ограничения прав и свобод личности при проведении данной разновидности оперативно-разыскного мероприятия. В статье акцентируется внимание на правовом регулировании условий, оснований, субъектов проведения гласного обследования, порядка изъятия предметов, составляемых итоговых документов при проведении гласного обследования, высказываются предложения о совершенствовании правового регулирования данного оперативно-разыскного мероприятия в целях его более эффективного использования при раскрытии преступлений сотрудниками оперативных подразделений органов внутренних дел.

Ключевые слова: правовое регулирование, нежилые помещения, оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскные мероприятия, гласное обследование, права личности, принуждение.

A. V. Kaunov

*postgraduate student of Saint Petersburg University of the Ministry
of the Interior of Russia*

E-mail: alexspb0917@mail.ru

PROBLEMATIC ISSUES OF A LEGAL REGULATION OF PUBLIC INSPECTION OF NON-RESIDENTIAL PREMISES, BUILDINGS, CONSTRUCTIONS, SITES OF THE AREA AND VEHICLES IN OPERATIONAL SEARCH ACTIVITY OF LAW-ENFORCEMENT BODIES

The article examines the problems of development and improvement of Russian legislation in the field of operational search activities by analyzing the quality of legal regulation of public inspection of non-residential premises, buildings, structures, terrain areas and vehicles in the operational search activities of internal Affairs bodies. the author considers the question of the permissibility of the use of coercion, as well as restrictions on the rights and freedoms of individuals during this type of operational search activities. The article focuses on the legal regulation of the conditions, grounds, subjects of conducting a public survey, the order of seizure of items, compiled final documents when conducting a public survey, offers to improve the legal regulation of this operational search activity in order to use it more effectively when solving crimes by employees of operational divisions of internal Affairs bodies.

Key words: legal regulation, non-residential premises, operational search activity, investigation and search operations, public inspection, rights of the personality, coercion.

В настоящее время среди сотрудников оперативных подразделений большое распространение получило использование такого оперативно-разыскного мероприятия (далее – ОРМ), как обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, осуществляемое в гласной форме (далее – гласное обследование), предусмотренное п. 8 ч. 1 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД). Возможность проведения обследования в гласной форме вытекает из положений ч. 1 ст. 15 Закона об ОРД, в которой закреплено право оперативных служб на осуществление ОРМ как в гласной, так и в негласной формах.

В научной литературе правовое регулирование и существенные особенности гласных форм проведения оперативно-разыскных мероприятий рассматриваются не так часто ввиду специфики оперативно-разыскной деятельности, которая предполагает преимущественно негласный характер осуществления. На основании того, что порядок проведения гласного обследования регламентируется Инструкцией, утверждённой приказом от 01.04.2014 № 199 (далее – Инструкция) [7], можно сделать вывод, что принятие указанного нормативного правового акта было обусловлено необходимостью обеспечения законности и соблюдения прав граждан. Ранее уважаемыми учёными уже рассматривались существенные и лексические особенности Инструкции, регулирующей гласное обследование [13, с. 3-9].

В данной статье рассматриваются элементы правового регулирования гласного обследования на примере анализа Инструкции.

В пункте 1 Инструкции отмечено, что её действие не распространяется на обследование жилых помещений, ввиду чего данный объект оперативно-разыскного обследования в статье рассматриваться не будет.

Следует отметить, что в ведомственном нормативном правовом акте не даётся определения гласного обследования. Также в Инструкции не определены цели и субъект проведения данной разновидности обследования.

Понятие гласной формы обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств не дано ни в одном нормативном правовом акте, регламентирующем сферу оперативно-разыскной деятельности, однако нормативно возможность проведения гласного обследования закреплена в ч. 1 ст. 15 Закона об ОРД, регламентирующей право органов, уполномоченных осуществлять ОРД, проводить гласно и негласно оперативно-разыскные мероприятия, перечисленные в ст. 6 названного закона. Рассматриваемое ОРМ закреплено в п. 8 ч. 1 ст. 6 Закона Об ОРД и именуется «Обследование

помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств».

Вместе с тем Инструкцию, представляется, необходимо дополнить определением гласного обследования, а также разделами, регулирующими основания и условия проведения обследования ввиду того, что, как показывает практика, данная форма проведения ОРМ в большей степени затрагивает конституционный и оперативно-разыскной принцип соблюдения прав и свобод человека и гражданина, который является приоритетным в правоохранительной деятельности органов внутренних дел. Это позволит обеспечить неукоснительное соблюдение закона лицами, проводящими гласное обследование, буквы закона.

Исходя из анализа научных толкований, сущности рассматриваемого оперативно-разыскного мероприятия, гласное обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств можно определить как разновидность обследования, состоящее в визуальном и ином изучении объектов, представляющих оперативный интерес, субъектами ОРД с участием лиц, в отношении которых оно проводится, или их представителей.

Как пишет Л.А. Бакланов в своих работах, одной из целей гласного обследования является получение достаточных данных для принятия конкретного уголовно-процессуального решения в виде возбуждения уголовного дела, потому как оно проводится, если не имеется достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Исходя из этого, учёный делает вывод, что в целях установления места нахождения разыскиваемых лиц, имущества, а также в других целях гласное обследование проводиться не может [1, с. 58-59].

О.В. Шикунов в своих работах отмечает, что результаты гласного обследования являются основой для проведения других ОРМ. Учёный констатирует, что оно осуществляется безотносительно к факту возбуждения уголовного дела. Касаемо цели обследования О.В. Шикунов говорит о том, что обследование проводится в целях обнаружения следов преступной деятельности, орудий совершения преступления, разыскиваемых преступников, а также для решения иных конкретных задач оперативно-разыскной деятельности [15, с. 67, 69].

Гласное обследование, помимо сбора достаточных данных для принятия процессуального решения, включает в себя такие цели, как: 1) обеспечение проведения других оперативно-разыскных мероприятий; 2) выявление местонахождения лиц, находящихся в розыске, а также без вести пропавших; 3) установление и изъятие предметов, запрещённых или ограниченных в свободном гражданском обороте.

Отсутствие достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, согласно п. 1

ч. 2 ст. 7 Закона об ОРД, является одним из оснований, а не целью проведения рассматриваемого оперативно-разыскного мероприятия.

Помимо этого, п. 4.1 Инструкции дублирует п. 1 ч. 2 ст. 7 Закона об ОРД, говоря о том, что гласное обследование проводится, если имеются сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Пункт 10 Инструкции говорит о том, что перед началом обследования представителю юридического лица либо физическому лицу предъявляется для ознакомления распоряжение о проведении обследования, копия которого вручается ему под роспись. Документ с таким названием является своеобразной новеллой в юридической терминологии, используемой в сфере оперативно-разыскных отношений, выделяет гласное обследование среди других ОРМ, проводимых гласно и негласно.

Кроме того, в пункте 11 Инструкции сказано, что в случае применения в ходе обследования технических средств участвующие в обследовании лица предупреждаются об этом до начала его проведения.

Данные условия определяют специфику гласного обследования и отражают сходство со следственным действием «Обыск», при проведении которого характерны схожие условия. Факт закрепления в пунктах 10 и 11 ведомственного нормативного правового акта условий, характерных исключительно для гласного обследования, свидетельствует о том, что разработчики Инструкции сделали определённый шаг вперед в регулировании оперативно-разыскных отношений в контексте соблюдения прав и свобод человека и гражданина, а также соблюдения законности при проведении мероприятия.

Касаемо субъектов проведения гласного обследования следует отметить, что в Инструкции их круг не определён. Однако из анализа пунктов Инструкции можно выделить 2 категории субъектов гласного обследования: 1) должностные лица органа внутренних дел, уполномоченные издавать распоряжения о проведении гласного обследования; 2) сотрудник подразделения органа внутренних дел, правомочного осуществлять оперативно-разыскную деятельность.

В пункте 3 Инструкции говорится о том, что гласное оперативно-разыскное обследование инициирует сотрудник подразделения органа внутренних дел, правомочного осуществлять оперативно-разыскную деятельность, располагающий сведениями о влекущем уголовную ответственность нарушении законодательства Российской Федерации, для чего представляет руководителю проект распоряжения и мотивированный рапорт. Оперативный сотрудник явля-

ется инициатором мероприятия, сам организывает и проводит, оформляет и в дальнейшем использует результаты оперативно-разыскного мероприятия.

В подпункте 6 п. 4 Инструкции сказано о том, что в рапорте, который подготавливает сотрудник, уполномоченный на осуществление ОРД, должны быть указаны сведения о лицах, привлекаемых к проведению мероприятия. В данном пункте не говорится о субъектах проведения гласного обследования, что указывает на их открытый перечень. Данный пункт ведомственного нормативного акта даёт возможность выбора оперативным сотрудником способов проведения мероприятия при определении лиц, задействованных в гласном обследовании, что можно отметить как положительную особенность ведомственного нормативного акта.

В пункте 8 Инструкции говорится о том, что в целях обеспечения физической защиты сотрудников, проводящих обследование, к его проведению могут привлекаться в том числе сотрудники подразделений специального назначения органов внутренних дел Российской Федерации в порядке, установленном МВД России, а также в целях оказания правовой помощи – сотрудники правовых подразделений органов внутренних дел Российской Федерации. Данных сотрудников нельзя отнести к субъектам проведения гласного обследования. Вместе с тем их участие обеспечивает наибольшую эффективность мероприятия, позволяет нейтрализовать сопротивление со стороны лица, в отношении которого проводится гласное обследование. Их, скорее, можно отнести к категории участников мероприятия. Кроме того, привлечение к проведению гласного обследования сотрудников силовых подразделений является частным случаем применения принуждения при проведении гласных оперативно-разыскных мероприятий. О применении принуждения в ходе проведения гласных ОРМ в своих работах неоднократно высказывался А.Е. Чечётин. Так, профессор говорит о том, что с учетом положений ч. 2 ст. 15 Закона об ОРД, закрепляющей обязательность исполнения физическими и юридическими лицами законных требований должностных лиц органов, осуществляющих ОРД, становится вполне очевидным, что распоряжение о проведении обследования для владельцев обследуемых объектов является императивным предписанием и предполагает возможность принудительного порядка его исполнения [12, с. 66].

По мнению В.Г. Боброва, субъекты ОРМ – это лица, организующие ОРМ, непосредственно участвующие в их проведении, а также те, которые в силу своих должностных полномочий и в соответствии с действующим законодательством обладают определенной правоспособностью в сфере оперативно-разыскной деятельности [3].

Несмотря на то что в ведомственном нормативном правовом акте можно выделить субъекты проведения гласного обследования, Л.А. Бакланов высказывает о том, что в органах внутренних дел необходимо предоставить полномочия по осуществлению оперативно-разыскной деятельности всем сотрудникам полиции ввиду того, что «в основе подхода к наделению сотрудников ОВД правами на проведение ОРМ должен лежать не структурно-территориальный принцип построения органов внутренних дел, а охраняемые законом права и возможность их ограничения при реализации должностными лицами полномочий по защите охраняемых интересов от преступных посягательств» [1, с. 53].

Данная точка зрения представляется дискуссионной по причине того, что одним из принципов оперативно-разыскной деятельности является конспирация, которая представляет собой основной специальный принцип ОРД, отличающий её от иных государственно-правовых форм борьбы с преступностью. При этом ОРД осуществляется втайне не только от лиц, причастных к совершению преступлений, но и от окружающих граждан. Кроме того, сотрудники полиции, которые по своим должностным полномочиям не вправе проводить оперативно-разыскные мероприятия, не имеют соответствующего допуска к сведениям, составляющим государственную тайну.

Отсутствие ряда положений, касающихся правового регулирования гласного обследования, отчасти попытался восполнить один из разработчиков Инструкции в своем опубликованном комментарии, в котором разъяснил, что при гласном обследовании допустимо не только визуальное изучение объекта, но и вскрытие как очевидных, так и тайных мест хранения имущества и документов, а также нарушение целостности предметов [11]. Данной позиции придерживается Л.А. Бакланов, который считает, что гласное обследование «возможно путём всестороннего изучения объектов при помощи органов чувств, технических и иных средств, в том числе с возможностью нарушения целостности обследуемых объектов и иного имущества» [1, с. 13]. Кроме того, данный автор высказывает мнение о том, что современная оперативно-разыскная деятельность в условиях нормативной неопределенности в целях решения стоящих перед ней задач самостоятельно заполнила существующий пробел и считает допустимым поисковые действия при обследовании (вскрытие запертых помещений, демонтаж конструкций, в т.ч. с нарушением целостности обследуемых объектов) [2, с. 82].

Однако с таким толкованием вряд ли можно согласиться в силу ряда причин. Во-первых, ст. 15 Закона об ОРД не наделяет оперативных сотрудников правом на вскрытие помещений, как это предусмо-

трено в ч. 6 ст. 182 УПК РФ или ч. 4 ст. 15 Федерального закона «О полиции» (далее – Закон о полиции), а потому такие действия при осуществлении ОРМ не являются законными. Вышеуказанная норма Закона о полиции не распространяется на проведение гласного оперативно-разыскного обследования, потому как ч. 4 ст. 15 Закона о полиции не в полной мере распространяется на оперативно-разыскные правоотношения ввиду разной природы проводимых мероприятий. Гласное обследование подразумевает получение информации, её оформление, имеет целью решение конкретных задач ОРД. Вхождение (проникновение) в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории, предусмотренное Законом о полиции, подразумевает иные цели, нежели Закона об ОРД. В.А. Гусев в своих работах констатирует, что «во всех случаях оперативно-разыскного проникновения в помещения и на территории без согласия физических и юридических лиц нормы ст. 15 ФЗ о полиции могут применяться как обеспечивающие реализацию соответствующих положений оперативно-разыскного законодательства». В то же время автор полагает «целесообразным специфическое право должностных лиц оперативных подразделений ОВД проникать на объекты, территории и транспортные средства, а также процедуру его реализации регламентировать в ФЗ об ОРД, так как оно имеет существенные отличия от полицейского проникновения» [5, с. 152].

Во-вторых, вскрытие мест хранения с целью обнаружения искомых предметов и документов выходит за рамки содержания данного ОРМ, которое, согласно доминирующему в настоящее время доктринальному толкованию, должно ограничиваться только осмотром обследуемого объекта [4, с. 287], т.е. визуальным способом получения информации. Данное понимание сущностной стороны обследования также отражено в ведомственном нормативном акте, определяющем организацию и тактику оперативно-разыскной деятельности.

В пункте 23 Инструкции говорится о том, что результаты изъятия предметов и документов, а также обнаруженных документов, имеющих признаки подделки, вещей, изъятых из гражданского оборота или ограниченно оборотоспособных, находящихся у лиц без специального разрешения, оформляются протоколом.

В Инструкции ничего не сказано о том, должен ли составляться помимо указанного какой-либо ещё документ, отражающий результаты проведения гласного обследования. Исходя из указанного пункта ведомственного нормативного акта, не понятно, необходимо ли составлять, помимо протокола изъятия, отдельно протокол обследования, отражающий его ход и результаты. В деятельности сотрудников, проводящих гласное обследование, по результатам

проведения данной разновидности ОРМ часто составляются документы с такими названиями, как «протокол изъятия», «протокол обследования и изъятия», «протокол обследования помещения и изъятия предметов и документов», «акт обследования». Представляется, в п. 23 Инструкции необходимо отразить название документа, составляемого по результатам проведения гласного обследования, вне зависимости от факта изъятия каких-либо предметов и документов, что будет способствовать более точному правовому регулированию мероприятия и единообразному использованию результатов ОРД. К тому же подготовленные по итогу проведения мероприятия документы могут быть представлены в следственные органы и использоваться в качестве доказательств.

Имеющееся на данный момент правовое регулирование гласного обследования приводит к тому, что очень часто в правоприменительной практике встречаются ситуации, когда в ходе проведения обследования оперативные работники пренебрегают правами лица, в отношении которого проводится обследование. Данное обстоятельство состоит, как правило, в том, что при проведении оперативно-разыскного мероприятия, во-первых, лицу, в отношении которого оно проводится, не разъясняются его права при проведении мероприятия; во-вторых, результаты проведения гласного обследования не оформляются официальным документом; в-третьих, по результатам проведения мероприятия не разъясняется право на обжалование хода и результатов гласного обследования; в-четвёртых, лицу, в отношении которого проводится гласное обследование, не вручается копия оформленного при обследовании документа.

Это подтверждается результатами проведённого нами в Алтайском крае в 2018 г. опроса оперативных сотрудников, которые проводили гласное обследование. 15% респондентов ответили, что при гласном обследовании они не разъясняли лицу, в отношении

которого оно проводилось, право на обжалование результатов оперативно-разыскного мероприятия; 20% опрошенных ответили, что не вручали копию протокола (акта) обследования лицу, в отношении которого проводилось гласное обследование.

Кроме того, следует отметить, что существующее правовое регулирование не создает необходимых законодательных предпосылок для признания допустимости принудительного осуществления гласных ОРМ. Несмотря на это, в современной оперативно-разыскной практике гласное проведение ряда ОРМ все чаще осуществляется в принудительной форме, ограничивающей конституционные права личности [14, с. 8-9].

Актуальность ведомственного закрепления оснований, условий, порядка проведения и использования результатов гласного обследования диктуется необходимостью оптимизации оперативно-разыскных отношений в части, касающейся установления пределов ограничения прав и свобод личности при проведении названного мероприятия, которые, с одной стороны, должны быть соразмерными защищаемым конституционным правам и свободам человека и гражданина, а с другой – не должны препятствовать решению задач, стоящих перед оперативными подразделениями, защите прав лиц, потерпевших от преступной деятельности.

Указанные в статье проблемы свидетельствуют о необходимости комплексного исследования теории и практики использования гласного обследования в оперативно-разыскной деятельности. В связи с этим существует необходимость дальнейшего теоретического исследования правового регулирования гласного обследования нежилых помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств в ОРД в целях выработки соответствующих рекомендаций, направленных на повышение эффективности деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел.

Литература

1. Бакланов Л.А. Гласное обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: монография. Тюмень: ТИПК МВД России, 2015. 126 с.
2. Бакланов Л.А., Панюшин Д.Б. Проведение гласного обследования жилища без согласия его собственников: pro et contra // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 2 (45). С. 78-84.
3. Бобров В.Г. Понятие оперативно-розыскного мероприятия. Основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий: лекция. М.: Академия управления МВД России, 2003.
4. Горяинов К.К., Овчинский В.С., Синилов Г.К. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2014. 712 с.
5. Гусев В.А. Оперативно-розыскное проникновение в помещения, здания, сооружения, участки местности и в транспортные средства // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 2 (32). С. 147-152.
6. Железняк Н.С. О недостатках Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел гласного оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участ-

ков местности и транспортных средств» (взгляд второй) // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 3 (7). С. 11-15.

7. Инструкция, утверждённая Приказом № 199 от 01.04.2014, «Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного, оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств».

8. Климов И.А. Оперативно-розыскная деятельность: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция». 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 407 с.

9. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / отв. ред. В.С. Овчинский; вступ. ст. В.Д. Зорькина. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2014. 608 с.

10. Маркушин А.Г. Оперативно-розыскная деятельность: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во «Юрайт», 2013. 399 с.

11. Соловьёв И.Н. Общедоступный регламент проведения ОРМ // Налоговый вестник. 2010. № 9. URL: <http://base.garant.ru/55061754> (дата обращения: 03.12.2018).

12. Чечётин А.Е. Гласные оперативно-розыскные мероприятия и принуждение // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы тринадцатой международной научно-практ. конф-ции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2015. Ч. 1. С. 66-68.

13. Чечётин А.Е. О правовом регулировании гласного обследования в оперативно-розыскной деятельности // Актуальные вопросы противодействия организованной преступности в России (памяти профессора Д.В. Ривмана): мат-лы региональной научно-практ. конф-ции. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2014. С. 3-9.

14. Чечётин А.Е. О толковании права на гласное проведение оперативно-розыскных мероприятий // Актуальные вопросы противодействия организованной преступности в России (памяти профессора Д.В. Ривмана): мат-лы региональной научно-практ. конф-ции (28 ноября 2014 г.). СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2014. С. 3-9.

15. Шикинов О.В. Понятие оперативно-розыскного мероприятия «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2015. № 4 (36). С. 67-70.

УДК 343.983

А.Н. Охлупина

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

E-mail: stasya.zharova@inbox.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИНФОРМАТИВНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ПОДПИСИ

В статье рассматривается проблема соотношения понятий «подпись», «роспись», «личная подпись», «параф» в криминалистическом и нормативном аспектах. Делается акцент на наличии множества подходов к определению понятия подписи в криминалистической и иной литературе, а также отсутствии нормативно закрепленного определения понятия подписи и требований к ее составу. Раскрывается особенность состава «современных» подписей. Проводится анализ современных предложений ученых, направленных на решение данной проблемы. Отмечается высокий уровень данных предложений, указывается, что реализация каждого из них возможна и частично осуществляется. На соответствующих примерах демонстрируется ход реализации данных предложений. В частности, указывается на возможность использования интеллектуальной системы автоматизированной поддержки научных исследований при криминалистическом исследовании подписей, в основе которой лежит ДСМ-метод, позволяющий, помимо решения идентификационных задач, проводить исследовательскую работу с подписями, а также иными почерковыми объектами. Предлагается криминалистическое понятие «расширенная подпись», введение которого в первую очередь будет способствовать реализации профилактической функции судебной экспертизы, что положительно скажется на правоприменительной практике в целом.

Ключевые слова: почерковедческая экспертиза, подпись, роспись, расширенная подпись, параф, ДСМ-метод, интеллектуальные системы.

A.N. Okhlupina

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: stasya.zharova@inbox.ru

REVISITING THE INFORMATIVE MODERN SIGNATURE

The article deals with the problem of correlation between the concepts of «signature», «signature», «personal signature», «paraf» in criminalistic and normative aspects. The emphasis is placed on the presence of many approaches to the definition of signatures in forensic and other literature, as well as the lack of regulatory definition of the concept of signatures and requirements for its composition. The peculiarity of the composition of «modern» signatures is revealed. The analysis of modern proposals of scientists aimed at solving this problem. The high level of these proposals is noted, it is indicated that the implementation of each of them is possible and partially implemented. Relevant examples demonstrate the implementation of these proposals. In particular, it is pointed out the possibility of using the intellectual system of automatic support of scientific research in the forensic study of signatures, which is based on the DSM-method that allows in addition to solving identification problems, to conduct research with signatures, as well as other handwriting objects. The criminalistic concept of «extended signature» is proposed, the introduction of which, first of all, will contribute to the implementation of the preventive function of forensic examination, which will have a positive impact on law enforcement practice in general.

Key word: handwriting examination, signature, advanced signature, paraf, DSM method, intelligent system.

Судебно-почерковедческая экспертиза является одним из основных видов традиционных криминалистических экспертиз, проводимых в нашей стране. Данные ГИАЦ МВД России свидетельствуют о том, что за последние пять лет по количественному критерию она занимает четвертое место среди таких видов исследований [13].

В связи с переходом значительной части документооборота с бумажной формы на электронную (в настоящее время признается действующей смешанная форма документооборота) в последнее время число почерковедческих экспертиз, где исследуемым объектом являются рукописные записи, снизилось (по данным анкетирования сотрудников экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел по г. Москве, Белгороду, Московской, Тульской, Тамбовской областям 96,1% опрошенных отмечают, что наиболее частым объектом почерковедческого исследования являются подписи). Вместе с тем подпись по-прежнему выступает постоянным объектом экспертного исследования, являясь одним из основных реквизитов документов, придающих последним юридическую силу. Однако стоит обратить внимание на то, что современная подпись имеет явно выраженную тенденцию к упрощению, о чем также свидетельствуют данные анализа анкетирования экспертов, имеющих право на производство почерковедческих экспертиз и исследований, отмечающие, что более чем в 97% случаев исследуемые подписи являются краткими (по данным анкетирования сотрудников экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел по г. Москве, Белгороду, Московской, Тульской, Тамбовской областям).

Практика производства почерковедческих экспертиз и исследований свидетельствует о том, что в случаях, когда предельная краткость и простота подписей не позволяют экспертам дать категорический или вероятный вывод по результатам экспертиз и такие подписи фигурируют без сопровождения расшифровок, инициаторы исследования остаются без какой-либо ориентирующей информации.

В случаях же, когда по подписи решить вопрос не представляется возможным, а в документе имеется расшифровка, эксперт имеет возможность исследования последней и получения информации о ее исполнителе, т.к. данная краткая запись содержит в себе большее количество информации по сравнению с неинформативной подписью.

Сегодня существует большое количество криминалистических определений понятия «подпись». Например, В.Ф. Орлова определяет подпись как «собственноручно выполненное обозначение своей фамилии, имеющее целью служить удостоверительным знаком» [11, с. 303].

Другие ученые почерковеды под подписью понимают «графическое начертание, обозначающее личность его исполнителя и выполняемое им в удостоверительных целях» [8, с. 269].

Иная ситуация складывается в нормативных источниках, где понятие подписи не раскрывается. Исключение составляет лишь ГОСТ Р 7.0.8-2013 [3]. В нем под подписью понимается «реквизит, содержащий собственноручную роспись должностного или физического лица» [3]. При этом понятие «роспись» здесь не разъясняется, вместе с тем также отсутствуют нормативно определенные требования к ее содержанию. В нормативных актах к тому же встречается понятие «личная подпись» (именно «личную подпись» мы воспроизводим в паспорте). Указанные понятия воспринимаются в основном синонимично. Но отсутствие законодательно установленного определения в некоторых случаях негативно отражается в процессе правоприменения. Особенно это касается споров, возникающих в рамках гражданско-правовых отношений [17].

Современная подпись в криминалистическом понимании идет по пути качественного и количественного упрощения. То есть все чаще подпись можно оценивать не как «подпись», а как «параф». Толковый словарь Д.Н. Ушакова определяет параф как росчерк в подписи и сокращенную подпись, инициалы [16].

Таким образом, параф более близок по своему содержанию к современной криминалистической подписи, нежели к гражданско-правовому ее содержанию. Но параф не всегда может содержать в себе количество полезной информации, достаточное для проведения судебно-почерковедческой экспертизы и реализации основных функций подписи (удостоверительной и защитной), что признается однозначно экспертами-почерковедами. Именно в связи с тенденцией упрощения подписи в практике экспертных исследований по данному виду почерковых объектов дается все больше выводов в вероятных формах и форме НПВ – «ответить на вопрос не представляется возможным», что также подтверждается данными анализа проведенных автором почерковедческих экспертиз подразделений ЭКЦ МВД России за 2014-2018 гг.

При совершении сделок в гражданском обороте под подписью наряду с парафом чаще понимают собственноручно выполненную фамилию и инициалы, в некоторых случаях еще имя и отчество, а также должность лица, подписывающего документ. Но в большинстве случаев нигде нет указаний на необходимость собственноручного выполнения фамилии, инициалов, а тем более должности подписывающегося.

Положительная практика данного вопроса выработана при подписании нотариальных докумен-

тов. В методических рекомендациях по оформлению ряда нотариальных действий «в целях обеспечения осуществления воли завещателя, защиты прав наследников... целесообразно написание завещателем помимо своей росписи полностью от руки своего имени, включающего фамилию, собственно имя, а также отчество, если иное не вытекает из закона или национального обычая» [10]. Данное требование устоявшейся нотариальной практики в полной мере соответствует смыслу гражданского законодательства [17].

Еще В.В. Липовский говорил о некоторых недостатках подписи в криминалистическом понимании, присущих ей как удостоверительному знаку: «Несмотря на большое значение подписи во всех отраслях государственной, хозяйственной и общественной жизни, она является все же чрезвычайно несовершенным удостоверительным знаком. Это связано с тем, что подписи нередко весьма просты, часто искажаются (вследствие условий выполнения или умышленно), некоторые из них могут быть легко подделаны, иногда исполнители отказываются от своих подписей» [9, с. 195].

Обозначенная проблема является весьма острой, т.к. отсутствие требований к подписи иногда приводит к созданию исполнителями предельно кратких и в определенной мере неприемлемых для использования вариантов данного почеркового объекта. Практика почерковедческих исследований знает случаи, когда подпись представляет собой пересечение двух наклонных линий – крест, а также изображение некоторых символов, например смайлика (стилизованное графическое изображение улыбающегося человека). Исследование неинформативных и малоинформативных подписей не способствует решению вопроса экспертами-почерковедами в категорической форме, что в конечном итоге отрицательно отражается на ходе уголовных, гражданских и арбитражных дел.

Ученые почерковеды начали изучать данную проблему и возможные пути ее решения еще более двадцати лет назад [15]. В последнее время вопросам возможности усиления защитной и удостоверительной функций подписей уделено внимание в работах В.Ю. Батурина, Н.А. Вилковой, М.В. Жижиной, М.П. Кошманова, П.М. Кошманова, А.А. Шнайдера и других авторов [2, 5, 6, 7].

Указанные авторы в большей части видят решение проблемы:

- в «дальнейшем совершенствовании методики производства судебно-почерковедческой экспертизы подписи за счет расширения системы признаков в целях более объективного и обоснованного экспертного установления ее исполнителя;

- организации комплексной разработки компьютерных программ, обеспечивающих оптимизацию

и объективизацию решения подзадач на отдельных экспертных стадиях, входящих в методику исследования подписи;

- незамедлительной разработке и принятии нормативно-правового акта, определяющего понятие подписи, содержащего перечень требований, предъявляемых к ней, а также правила ее выполнения в документах;

- реальном осуществлении просветительской деятельности среди населения страны о роли и значении подписи в документах, начиная с периода получения общего школьного образования» [7].

В целом соглашаясь с описанными предложениями, стоит заметить, что реализация каждого из них возможна и частично воплощается в современных работах почерковедов.

Например, в настоящее время почерковедами ведутся исследования в направлении расширения и уточнения общих и частных признаков подписей, создаются новые инструменты и подходы к исследованию данной почерковой реализации. В частности, нами проводится анализ возможности исследования подписей с использованием интеллектуальной системы автоматизированной поддержки научных исследований, в основе которой лежит ДСМ-метод [1].

Интеллектуальные системы, основанные на данном методе, позволяют выявлять эмпирические зависимости в системе человек-почерк, а в последующем указывать пути решения определенных задач. Метод является помощником исследователя при работе с данными в предметной области. Один из главных принципов метода может быть сформулирован следующим образом: «структурное сходство объектов влечет сходство их свойств» и позволяет при выдвижении гипотез об исполнителе подписи (при решении идентификационной задачи), давать объяснения причинам выдвижения данных гипотез. Особенностью метода является возможность получения исследовательских данных, в частности, касающихся информативности выделяемых признаков буквенных и безбуквенных элементов подписи. Необходимо отметить также, что метод ориентирован на компьютерные приложения.

Наряду с этим предлагаются новые уточненные определения подписи и их нормативное закрепление. Например, А.М. Эрделевский под подписью предлагает понимать совокупность следующих компонентов: параф – стилизованный росчерк («монограммная аббревиатура в виде сочетания первых букв имени и отчества и части фамилии, т.е. сочетания инициалов, или только части фамилии») и «собственноручно написанное полное имя гражданина» [17].

Возвращаясь к предложениям ученых почерковедов по решению обозначенной проблемы, считаем необходимым заметить, что предложение об осу-

ществлении просветительской деятельности среди населения о роли и значении подписи является, с одной стороны, весьма удачным и осмысленным, но с другой стороны, сформировать у молодых граждан реальное представление о составе информативной подписи довольно затруднительно. Связано это в первую очередь с безразличием немалой доли граждан к этому вопросу и тем, что у большей части населения подпись уже сформирована. Полная реализация данного положения потребует большого количества сил и времени.

Развитие предложения о создании служебной подписи [2] также является весьма перспективным, но решит проблему лишь локально.

В связи с этим считаем необходимым, наряду с собственноручно выполненной подписью, выполнение собственноручной ее расшифровки, состоящей из фамилии и инициалов лица, ее исполняющего. Данную пару почерковых реализаций предлагаем называть «расширенной подписью».

Важно отметить, что почерковедческое исследование «расширенной подписи» должно проводиться по двум методикам – методике исследования подписи и методике исследования рукописного текста, т.к. две этих почерковых реализации имеют большое количество принципиальных различий.

Использование «расширенной подписи» повышает вероятность решения вопроса об исполнителе такой рукописной реализации за счет наличия, наряду с подписью, ее расшифровки даже в случае, когда подпись будет признана непригодной для проведения идентификационного исследования, что, безусловно, отразится на улучшении результатов оперативно-служебной деятельности.

Практика проведения почерковедческих экспертиз насыщена примерами исследований, в которых подписи являются малоинформативными или неинформативными и, соответственно, не дают никакой

ориентирующей информации. Например, результаты анализа более 600 экспертных заключений данного типа, выполненных экспертами подразделений ЭКЦ ГУ МВД России по Московской области, свидетельствуют о том, что на исследования в 67% случаев поступают именно относительно краткие и простые подписи. Расшифровка же подписи обладает большим объемом полезной почерковой информации, и в отношении нее вопрос об исполнителе решается в большинстве случаев.

Наряду с этим видится необходимым внесение данного понятия в ГОСТ Р 7.0.8-2013 [3] и определения «расширенной подписи» как удостоверительного знака, обозначающего совместное выполнение такой пары почерковых реализаций, как подписи и собственноручно выполненной ее расшифровки. Под расшифровкой здесь предлагаем понимать фамилию и инициалы расписывающегося лица.

Необходимость внесения нового понятия именно в указанный ГОСТ обосновывается тем, что данный документ устанавливает термины и определения основных понятий, используемых в области делопроизводства, и рекомендует их для применения.

Использование в документах «расширенной подписи» положительно скажется на реализации профилактической функции судебной экспертизы за счет увеличения ее априорной информативности и затруднения процесса подделки данной почерковой реализации. Выполнение в документах «расширенной подписи» существенно увеличит вероятность дачи категорического или вероятного вывода экспертами-почерковедами в связи с возможностью получения информации об исполнителе за счет наличия расшифровки, которая содержит в себе большее количество почерковых данных по сравнению с неинформативными предельно краткими и простыми подписями, что в конечном итоге благоприятно отразится на правоприменительной практике в целом.

Литература

1. Автоматическое порождение гипотез в интеллектуальных системах / под общ. ред. В.К. Финна. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 528 с.
2. Вилкова Н.А., Кошманов М.П., Кошманов П.М. «Служебный» вариант подписи – гарантия ее как полноценного реквизита документа // *Эксперт-криминалист*. 2014. № 3. С. 21-25.
3. ГОСТ Р 7.0.8-2013. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения: утв. приказом Росстандарта от 17.10.2013 № 1185-ст [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Елисеев А.А. Подпись как почерковое начертание. Теория и практика криминалистической экспертизы. М.: Госюриздат, 1958.
5. Жижина М.В. Возможности защиты подписи от подделки // *Хозяйство и право*. 2007. № 6. С. 95-101.
6. Жижина М.В. Защита подписи от подделки как реализация профилактической функции судебно-почерковедческой экспертизы // *Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: мат-лы международной научно-практ. конф-ции (г. Москва, 14-15 февраля 2007 г.)*. М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2007. С. 352-355.

7. Кошманов П.М., Кошманов М.П., Шнайдер А.А. Удостоверительная и защитная функции подписи // Нотариус. 2010. № 3. С. 40-46.
8. Липовский В.В. Исследование подписей // Судебно-почерковедческая экспертиза. М., 1971. Ч. 2. 274 с.
9. Липовский В.В., Фридман И.Я. Подпись как удостоверяющий знак и профилактика её подделки // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1968. Вып. 5.
10. Методические рекомендации по удостоверению завещаний, принятию нотариусом закрытого завещания, вскрытию и оглашению закрытого завещания: утв. Решением Правления ФНП от 01-02.07.2004, Протокол № 04/04 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Орлова В.Ф. Методика исследования подписи // Теория и практика криминалистической экспертизы. Экспертиза почерка. М., 1961.
12. Пахомов А.В., Сысоева Л.А. Судебно-экспертное исследование современной подписи: учебное пособие. М.: ЭКЦ МВД России, 2007. 60 с.
13. Сводный отчет по России о работе Экспертно-криминалистического центра. ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России». Форма «1-НТП» (276) книга № 101 за 2013-2017 гг.
14. Словарь основных терминов теории и практики судебно-почерковедческой экспертизы. М.: ВНИИСЭ, 1981. 268 с.
15. Судебно-почерковедческая экспертиза малообъемных почерковых объектов. Выпуск 1: Общие принципы исследования малообъемных почерковых объектов: методическое пособие для экспертов. М.: РФЦСЭ, 1996.
16. Толковый словарь Ушакова. URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=44596> (дата обращения: 27.02.2019).
17. Эрделевский А.М. Параф – не подпись! // Домашний адвокат. 2008. № 22. URL: <http://bestlawyers.ru/php/news/newsnew.phtml?id=368&idnew=32608&start=0> (дата обращения: 27.02.2019).

УДК 343.985:343.344

Н.В. Поляков

Сибирский юридический институт МВД России

E-mail: polyakov.nikolay.1987@mail.ru;

О.А. Юсупова

Сибирский юридический институт МВД России

E-mail: hudinov44ol@yandex.ru

К ВОПРОСУ О РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ ОРУЖИЯ, НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ

Статья посвящена рассмотрению первоначального этапа расследования преступлений в сфере незаконного оборота оружия. Анализ судебно-следственной практики показывает, что расследование указанных преступлений вызывает у следователей трудности как в сборе доказательственной информации, так и в доказывании виновности причастных к ней лиц. В работе обозначен ряд объективных и субъективных причин, способствующих совершению указанных преступлений в настоящее время. Обращается внимание на нарушения, допускаемые следователями в ходе осмотра места происшествия по данной категории уголовных дел. Отмечается, что при расследовании незаконного оборота оружия не всегда принимаются меры к раскрытию сопутствующих преступлений. Даются рекомендации по повышению эффективности раскрытия и расследования незаконного оборота оружия.

Ключевые слова: преступность, оружие, огнестрельное оружие, расследование преступлений, предусмотренных ст. 222 УК РФ.

N.V. Poliakov

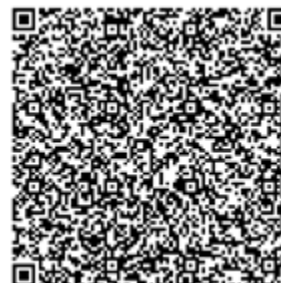
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: polyakov.nikolay.1987@mail.ru;

O.A. Yusupova

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: hudinov44ol@yandex.ru

ON THE INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO ARMS TRAFFICKING AT THE INITIAL STAGE

The article is devoted to the consideration of the initial stage of the investigation of crimes in the field of arms trafficking. An analysis of judicial investigative practice shows that the investigation of these crimes causes investigators difficulties in collecting evidence and in proving the guilt of those involved. The paper outlines several objective and subjective reasons that contribute to the commission of these crimes at present. Attention is drawn to violations committed by investigators during the inspection of the scene of an accident in this category of criminal cases. It is noted that in the investigation of illegal arms trafficking, measures are not always taken to uncover related crimes. Recommendations are given on improving the efficiency of the disclosure and investigation of illegal arms trafficking.

Key words: crime, weapon, firearms, investigation of crimes under Art. 222 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Незаконный оборот оружия и боеприпасов рассматривается большинством ученых-криминалистов в аспекте особо опасной преступной деятельности. Обусловлено это тем, что «преступность в сфере незаконного оборота оружия выступает одним из индикаторов современной криминогенной ситуации, напрямую определяет состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства, поскольку такие преступления наносят вред широкому спектру общественных отношений, а их мотивационный комплекс предопределяет возможность их совершения во всех сферах жизнедеятельности нашего общества» [10, с. 46].

Напомним, что в соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., утвержденной Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537, среди угроз национальной безопасности называется незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств [4].

Каждый год в Российской Федерации выявляется около 26-28 тысяч преступлений в сфере незаконного оборота оружия (в 2018 г. – 27 452, в 2017 г. – 28 916, в 2016 г. – 27 994, в 2015 г. – 27 320). Согласно статистическим данным ФКУ ГИАЦ МВД России, с января по декабрь 2019 г. выявлено 26 557 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, из них 16 060 – незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов. Из указанного числа преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, 7365 преступлений остались нераскрытыми, при этом 4041 преступление связано с незаконным приобретением, передачей, сбытом, хранением, перевозкой или ношением оружия, его основных частей и боеприпасов [6].

Не вызывает сомнения необходимость противодействия незаконному обороту оружия, т.к. анализ судебно-следственной практики свидетельствует о том, что каждый год количество данных преступлений остается стабильным и существенно не снижается. По мнению экспертов, в настоящее время в Российской Федерации несколько миллионов единиц огнестрельного оружия находится в незаконном обороте. Это существенно усложняет оперативную обстановку и порождает совершение тяжких и особо тяжких преступлений.

Предлагается, что своевременное выявление, раскрытие и расследование указанных преступлений становятся наиболее важной задачей для сотрудников органов внутренних дел, решение которой возможно лишь посредством проведения качественной предварительной проверки, а также выполнения точных и своевременных следственных действий на первоначальном этапе расследования.

Актуальность указанной проблематики также обусловлена тем, что в настоящее время имеются существенные недостатки в деятельности органов внутренних дел по раскрытию и расследованию преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, выражающиеся в недостаточно оперативном реагировании сотрудников полиции на указанные преступления, а также в неполном и некачественном проведении первоначальных следственных действий, что приводит к отсутствию или неполноте собранной информации о содеянном, особенно на первоначальном этапе расследования, что, в свою очередь, ведет к неверной оценке сложившейся следственной ситуации и влечет приостановление, прекращение или возвращение уголовного дела для дополнительного расследования.

Согласно официальным данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за первые полгода 2019 г. осуждено 3869 человек, в 2018 г. – 8730, в 2017 г. – 9062, в 2016 г. – 8568, в 2015 г. – 8242, в 2014 г. – 8550. Судами общей юрисдикции каждый год рассматривается около 8-9 тыс. уголовных дел, связанных с незаконным оборотом оружия, из них около 10% прекращается, 1% уголовных дел возвращается прокурору в соответствии со ст. 237 УПК РФ для устранения препятствий. Судами второй инстанции отменяется и изменяется около 2-3% приговоров [5].

Авторы солидарны с мнением А.И. Долговой, согласно которому число выявленных и зарегистрированных фактов не совпадает, а число выявленных и привлеченных к ответственности лиц всегда меньше на 15-20%, чем зарегистрированных преступлений [2].

В отчете о научно-исследовательской работе, подготовленном в Московском университете МВД России им. В.Я. Кикотя, назван ряд способствующих совершению указанных выше преступлений объективных и субъективных причин, к которым относятся:

- традиционно удобное географическое расположение России;
- нестабильное политическое и социально-экономическое положение дел в обществе в последние годы;
- увеличение количества объектов легальной торговли оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами и вместе с тем несовершенство контроля над их деятельностью;
- получение сверхприбыли от незаконного оборота оружия;
- различие правовых систем России и сопредельных государств;
- наличие на территории страны регионов и округов, бывших в недавнем прошлом очагами вооруженных конфликтов;

- длительные вооруженные конфликты на территории сопредельных республик и государств;

- традиционный богатый криминальный опыт значительного числа граждан;

- связанное с «прозрачностью границ» перемещение по территории страны большого количества нелегальных эмигрантов и отсутствие у МВД России информации о них (прошлых судимостях, приводах в милицию (полицию), информации оперативного характера);

- теневой оборот оружия времен Второй мировой войны, получившего «вторую жизнь» в результате ремонта [3, с. 7].

По нашему мнению, низкие количественные показатели успешного расследования уголовных дел данной категории также обусловлены некоторыми особенностями их расследования, к которым можно отнести:

1) отсутствие свидетелей совершения преступления, за исключением сотрудников полиции, проводивших задержание подозреваемых;

2) активное противодействие со стороны защиты на первоначальном и последующих этапах расследования.

Следует отметить, что наиболее часто при расследовании уголовных дел данной категории основными следственными действиями на первоначальном этапе расследования являются: осмотр места происшествия, обыск, осмотр предметов, допрос подозреваемого (обвиняемого), получение образцов для сравнительного исследования, назначение баллистической судебной экспертизы и т.д. При производстве данных следственных действий, следователями (дознавателями) и оперуполномоченными допускаются тактические и процессуальные ошибки, а это может повлечь признание их результатов недопустимыми.

В связи с этим представляют интерес данные, полученные авторами в результате исследования материалов 75 уголовных дел, возбужденных по ст. 222 УК РФ, свидетельствующие о том, что почти в каждом из них найдены нарушения, допущенные при производстве следственных действий. Например, при составлении протоколов осмотра места происшествия, обыска (выемки), осмотра предметов следователи (дознаватели) допускают следующие ошибки:

1) использование неустановленных сокращений в протоколах;

2) неполное указание должностей и званий участвующих в следственном действии должностных лиц либо их неверное указание;

3) непривлечение соответствующих специалистов к участию в следственном действии;

4) разъяснение процессуальных прав не всем специалистам, участвующим в следственном действии, что находит отражение в протоколах;

5) непредупреждение участвующих в следственном действии лиц о применении технических средств (например, фотоаппарата, видеокамеры, принтера, ноутбука и т.п.);

6) неуказание модели применяемого в ходе следственного действия технического средства (фотоаппарата, видеокамеры, принтера, ноутбука);

7) неуказание в протоколе осмотра места происшествия размера осматриваемого участка;

8) при описании места положения исследуемых на месте объектов в протоколе не отражается их привязка к двум неподвижным объектам;

9) при детальном осмотре оружия в протоколе не используется общепринятая терминология, содержащаяся в справочных пособиях (например, справочное пособие «Описание объектов криминалистического исследования» под редакцией В.В. Филиппова, 1995), что влечет его неверное описание;

10) недостаточно подробно описываются обнаруженное оружие, его основные части, боеприпасы, места обнаружения (тайники);

11) в ходе осмотра места происшествия (обыска) не изымаются объекты (следы), имеющие значение для уголовного дела, например, зачастую не принимаются меры к отысканию микроволокон одежды преступника; его запаховых следов; предметов, на которых можно обнаружить следы металлизации, смазки, копоти, пороха и т.д. Таким образом, это свидетельствует о поверхностном проведении следственных действий.

Следует отметить, что при расследовании незаконного оборота оружия не всегда принимаются меры к раскрытию других сопутствующих преступлений, например грабежей, разбойных нападений, причинения вреда здоровью, убийств и т.д. Подобное положение находит свое отражение и в некоторых научно-правовых исследованиях.

Так, А.Н. Вдовин утверждает, что «в ходе расследования анализируемых преступлений, особенно на первоначальном этапе, следователю в типичных следственных ситуациях необходимо выдвигать и тщательно проверять версии, учитывающие "феномен множественности" преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия и боеприпасов. Суть феномена в том, что при совершении деяний, квалифицируемых по ст. 222, 223, 224-226.1 УК РФ, зачастую имеют место невыявленные при возбуждении конкретного уголовного дела: 1) совокупности однородных преступлений (дополнительные эпизоды незаконного оборота оружия и боеприпасов, в узком смысле); 2) совокупности разнородных преступлений, включая разнообразные сопутствующие посяательства: убийства, изнасилования, разбои, иные насильственные действия; контрабанда, экологические, коррупционные преступления и др.; 3) неоконченные

преступления (приготовление или покушение), совершаемые, как правило, с применением оружия и боеприпасов» [1, с. 191].

Наглядным примером тому может служить уголовное дело, рассмотренное Краснодарским краевым судом в 2011 г., по обвинению Р. в совершении преступлений, предусмотренных п. «з» ч. 2 ст. 105, ч. 1 ст. 222 УК РФ, и по обвинению С. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4, 5 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105, ч. 1 ст. 222 УК РФ. В ходе рассмотрения дела в суде установлено, что в июле 2009 г. С. согласился на предложение неустановленного лица совершить убийство К. за денежное вознаграждение в двести тысяч рублей. Для совершения этого преступления С. склонил своего приятеля Р. выступить исполнителем убийства, пообещав ему часть из предполагаемого к получению денежного вознаграждения [8].

Еще одним примером тому может являться уголовное дело, рассмотренное Лазаревским районным судом г. Сочи, в отношении П., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 222, ч. 1 ст. 105 УК РФ. В ходе рассмотрения дела в суде установлено, что П. незаконно приобрел огнестрельное оружие – пистолет калибра 7,65 мм и четыре патрона к нему, которые незаконно хранил в салоне своего автомобиля. Далее П., находясь в состоянии алкогольного опьянения, прибыл к игровому клубу, где между ним и И. произошла драка, которая была пресечена. После драки П. ушел, затаив обиду. Затем П. решил вернуться обратно и убить И. из чувства мести и направился обратно к игровому клубу, где предварительно разбил рукоятью пистолета стекло входной двери в указанное заведение, чтобы увидеть место нахождения И. в помещении и произвести в него прицельные выстрелы. Затем П., просунув руку с пистолетом в образовавшееся отверстие в стекле входной двери, произвел два прицельных выстрела в И., после чего с места происшествия скрылся [7].

Изложенное позволяет определить нашу позицию о безусловной значимости выявления в ходе следственных действий по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом оружия, признаков совершения сопутствующих преступлений;

12) при изъятии оружия из влажной среды оно не высушивается, а сразу упаковывается, что может привести к утрате некоторых следов преступления;

13) детально не обследуется одежда подозреваемого (обвиняемого) и вещи при нем, где может быть обнаружено не только оружие, но и следы смазки, копоты и т.д.;

14) отсутствие должным образом оформленных сопроводительных надписей в протоколе, которые имеются на упаковке, изъятых в ходе следственного действия объектов;

15) разнородные объекты изымаются и упаковываются в одну упаковку;

16) отсутствие в протоколе указания на то, что упаковка опечатана и заверена подписями участвующих в следственном действии лиц. Кроме того, на самой упаковке может не быть подписей всех участников следственного действия;

17) отсутствие в протоколе указания о проведении фото- и видеосъемки объектов по правилам криминалистической фотографии и видеозаписи;

18) отсутствие в протоколе подписей всех участвующих в следственном действии лиц;

19) выполнение схем, чертежей и приложений к протоколу карандашом;

20) неинформативность схем (чертежей): отсутствие наименований объектов, неуказание мест обнаружения и изъятия следов (предметов) и т.д.

На наш взгляд, приведенные выше ошибки могут свидетельствовать о низкой профессиональной подготовке некоторых следователей (дознателей) и оперуполномоченных, а также об отсутствии у них знаний методики выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере незаконного оборота оружия.

Данное положение основано не только на личном опыте профессиональной деятельности авторов настоящей работы, но и достаточно аргументировано научным сообществом. Указанную тенденцию также отмечает О.П. Виноградова, по мнению которой, причинами низкого уровня раскрываемости преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, являются:

1) недостаточная практическая подготовка сотрудников, участвующих в раскрытии и расследовании указанной категории преступлений;

2) недостаточное технико-криминалистическое обеспечение следственных и оперативно-разыскных действий;

3) отсутствие современных научно обоснованных методик и практических рекомендаций в области использования криминалистической баллистики, предварительных и экспертных исследований [9, с. 10-11].

Эти же положения нашли свое подтверждение в диссертационном исследовании А.Н. Вдовина, в ходе которого проводилось анкетирование и интервьюирование практических работников в приграничных районах СФО (оперативных сотрудников органов ФСБ России и МВД России, следователей, дознавателей, работников прокуратуры). Исследование показало, что основными причинами, которые обуславливают ошибки, допускаемые при производстве по уголовному делу, являются: незнание действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства (в первую очередь в части изменений и дополнений, вно-

симых в те или иные нормативно-правовые акты), невысокая квалификация сотрудников, недостаточность прикладных методических рекомендаций [1, с. 5].

Не вдаваясь в дальнейшую научную дискуссию, заметим, что для успешной борьбы с незаконным оборотом оружия криминалистическими средствами необходимо продолжить научные исследования указанной преступной деятельности и внедрять их в правоприменительную практику. В свою очередь, усилия сотрудников правоохранительных органов

должны быть направлены на повышение собственной квалификации с целью повышения эффективности работы в данном направлении.

Резюмируя изложенное, позволим сделать вывод – успешное расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, на первоначальном этапе возможно только в случае тщательной подготовки сотрудников к проведению каждого следственного действия, а также четкого и слаженного взаимодействия между ними.

Литература

1. Вдовин А.Н. Особенности методики расследования и поддержания государственного обвинения по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом оружия и боеприпасов (по материалам приграничных регионов Сибирского федерального округа): дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 2015.
2. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Инфра-М-НОРМА, 2001. URL: https://zinref.ru/000_ucheb_niki/00600criminalistika/001_kriminologii_dolgova_2001/021.htm.
3. Методика расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: отчет о НИР (заключительный) / Московский университет имени В.Я. Кикотя Московский областной филиал; рук. М.И. Пилякин; исполн.: В.А. Кузнецов. Руза, 2015.
4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 04.02.2020).
6. Официальный сайт МВД России. URL: <https://mvd.ru> (дата обращения: 04.02.2020).
7. Приговор Краснодарского краевого суда от 11 января 2011 г. URL: http://infocourt.ru/car_kraevoi-krd_krasnodar_yufo/ug/4647337/obvinitelnyu-prigovor (дата обращения: 04.02.2020).
8. Приговор Лазаревского районного суда г. Сочи от 6 августа 2010 г. URL: <https://resheniya-sudov4.ru/9/100736> (дата обращения: 04.02.2020).
9. Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: отчет о НИР (заключительный) / Уральский юридический институт МВД России; рук. О.П. Виноградова; исполн.: А.А. Малых, С.В. Мосина. Екатеринбург: УрЮИ МВД России, 2016.
10. Юсупова О.А. Современное состояние и тенденции развития преступности, связанной с незаконным оборотом оружия // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 3 (36). С. 46-53.

УДК 343.123.3

В.Ю. Стельмах, канд. юрид. наук, доцент

Уральский юридический институт МВД России

E-mail: vlstelmah@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТМЕНЫ ПРОКУРОРОМ ПОСТАНОВЛЕНИЙ О ПРИОСТАНОВЛЕНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ И О ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В статье анализируются проблемы, связанные с отменой прокурором постановлений следователей и дознавателей о прекращении и приостановлении предварительного расследования. Законодатель установил, что соответствующие решения должны быть приняты прокурором в определенный срок. Буквально эти сроки изложены как пресекательные. Вместе с тем по смыслу закона данные сроки пресекательными быть не могут, поскольку в противном случае исключительно по формальным обстоятельствам станет невозможной отмена незаконных и необоснованных решений. В работе аргументируется, что установленные в законе сроки отмены прокурором указанных решений являются ориентирующими и введены, чтобы «дисциплинировать» прокуроров. Однако при выявлении незаконности и необоснованности решений следователя или дознавателя прокурор вправе отменить их и по истечении предусмотренных законом сроков. Также в статье подвергаются анализу последние изменения уголовно-процессуального закона, связанные с отменой постановления о прекращении уголовного дела более чем через год после его вынесения.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, предварительное расследование, прокурор, прокурорский надзор, прекращение предварительного расследования, приостановление предварительного расследования, отмена решений следователя, процессуальные сроки.

V. Yu. Stelmakh, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: vlstelmah@mail.ru

SOME PROBLEMS OF CANCELLATION BY THE PROSECUTOR OF DECISIONS TO SUSPEND PRELIMINARY INVESTIGATION AND ABOUT THE TERMINATION OF CRIMINAL CASE

The problems connected with cancellation by the prosecutor of resolutions of investigators and investigators on the termination and suspension of preliminary investigation are analyzed in the article. The legislator established that the relevant decisions must be made by the prosecutor in a certain time. From the literal point of view, these terms are stated as preclusive. At the same time, on sense of the law, these terms preclusive cannot be as otherwise it will become exclusive on formal circumstances impossible cancellation of illegal and unreasonable decisions. In work it is reasoned that the terms of cancellation by the prosecutor of the specified decisions established in the law are focusing and are entered «to discipline» prosecutors. However, at detection of illegality and groundlessness of decisions of the investigator or investigator the prosecutor has the right to cancel them and after the terms provided by the law. Also, the last changes of the criminal procedure law connected with cancellation of the resolution on the termination of criminal case more than in a year after its removal are exposed to the analysis.

Key words: criminal trial, preliminary investigation, prosecutor, public prosecutor's supervision, termination of preliminary investigation, suspension of preliminary investigation, cancellation of decisions of the investigator, procedural terms.

Предварительное расследование в Российской Федерации осуществляется под надзором органов прокуратуры (ч. 1 ст. 37 УПК РФ, абз. 3 ч. 2 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»).

Целью осуществления прокурорского надзора законодательно установлено обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства (ч. 2 ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»).

Предметом надзора является соблюдение прав и свобод человека и гражданина, а также законность решений, принимаемых органами дознания и предварительного следствия (ст. 29 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»). Предварительное расследование предназначено для собирания по уголовному делу доказательств, достаточных для последующего рассмотрения дела судом. Соответственно, принимаемые в ходе предварительного расследования процессуальные решения (как итоговые для данной стадии уголовного судопроизводства, так и не являющиеся таковыми) непосредственным образом влияют и на состояние законности в Российской Федерации, и на защиту субъективных прав граждан, пострадавших от преступления. В связи с этим в научной литературе справедливо отмечается, что «прокурор обязан следить за тем, чтобы нормы закона, регулирующие процессуальную деятельность органов дознания и предварительного следствия, не нарушались, а при обнаружении нарушений – немедленно принимались меры к их устранению» [4, с. 224]. Необходимо учитывать, что нарушение процессуальных норм органами предварительного расследования – это не только несоблюдение формальной процедуры, но и ущемление прав базовых граждан, как привлекаемых к уголовной ответственности, так и пострадавших от преступлений. Наличие таких нарушений неизбежно влечет дискредитацию системы правоохранительных органов, действующих от имени государства и призванных решить задачи уголовного судопроизводства.

Объем надзорных полномочий прокурора за органами дознания и органами предварительного следствия различен.

Прокурор контролирует практически все процессуальные и некоторые организационные действия дознавателя. В частности, при осуществлении надзора за дознанием прокурор вправе отменять любые незаконные или необоснованные постановления дознавателя (п. 6 ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

В отношении органов предварительного следствия прокурор реализует свои надзорные полномочия в основном через опосредованный механизм.

Прокурор имеет право на ознакомление по мотивированному письменному запросу с материалами уголовного дела, находящегося в производстве следователя (ч. 2¹ ст. 37 УПК РФ). В случае обнаружения нарушений, допущенных в ходе следствия, прокурор полномочен вынести в адрес следователя требование об устранении нарушений федерального законодательства (п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). Данный процессуальный документ по своей правовой природе близок к такому акту прокурорского реагирования, применяемому в сфере общего надзора, как представление. Требование должно быть в обязательном порядке рассмотрено руководителем следственного органа, однако если он посчитает требование прокурора необоснованным, то, не исполняя требование, должен сообщить об этом прокурору.

При этом прокурор имеет немногочисленные, но достаточно важные и действенные полномочия по прямому воздействию на орган предварительного следствия, в частности право отменять постановления следователя о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела, о приостановлении предварительного следствия, о прекращении уголовного дела (ч. 4 ст. 146, ч. 6 ст. 148, ч. 1¹ ст. 211, ч. 1 ст. 214 УПК РФ).

При этом применительно к отмене постановлений законом установлены сроки, в течение которых прокурор должен принять данное решение. Они исчисляются с момента получения прокурором материалов уголовного дела и составляют:

- 24 часа для решения о возбуждении уголовного дела (ч. 4 ст. 146 УПК РФ);
- 5 суток для решения следователя об отказе в возбуждении уголовного дела (ч. 6 ст. 148 УПК РФ);
- 5 суток для решения дознавателя о приостановлении дознания (ч. 3² ст. 223 УПК РФ);
- 14 суток для решения следователя и руководителя следственного органа о приостановлении предварительного следствия и прекращении уголовного дела (ч. 1¹ ст. 211, ч. 1 ст. 214 УПК РФ).

На необходимость соблюдения прокурорами данных сроков акцентирует внимание Генеральный прокурор Российской Федерации (абз. 2 п. 1.10 Приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 28 декабря 2016 г. № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия», абз. 2 п. 23 Приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 26 января 2017 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания»).

Вместе с тем возникает важный вопрос: являются ли указанные сроки пресекательными и возможна ли отмена прокурором названных постановлений после истечения соответствующих сроков. Проблематика

отмены постановления о прекращении уголовного дела стала предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации, который в результате сформулировал следующую правовую позицию: возможность отмены постановления о прекращении уголовного преследования лица по реабилитирующим основаниям в течение неопределенно долгого времени не соответствует Конституции Российской Федерации. Вместе с тем нельзя допустить «ситуацию, при которой (по крайней мере, в пределах срока давности привлечения к уголовной ответственности) исключалась бы возможность отмены постановления о прекращении уголовного преследования лица, если выявились новые сведения о его виновности в совершении преступления и, соответственно, такая отмена необходима для восстановления справедливости и предупреждения совершения новых преступлений» [3]. Соответственно, для реализации данной правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации была принята ст. 214¹ УПК РФ, в соответствии с которой отмена постановления о прекращении уголовного преследования по истечении одного года с момента его вынесения производится только по судебному разрешению.

Порядок рассмотрения судом вопроса об отмене постановления о прекращении уголовного дела в общих чертах регламентирован ст. 214¹ УПК РФ.

Установив наличие оснований для отмены решения о прекращении уголовного дела, прокурор выносит постановление о возбуждении перед судом ходатайства о разрешении отмены постановления о прекращении уголовного дела (ч. 1 ст. 214¹ УПК РФ).

В описательно-мотивировочной части данного постановления должны быть изложены конкретные фактические обстоятельства, в т.ч. новые сведения, подлежащие дополнительному установлению после отмены решения о прекращении дела. Также к постановлению необходимо приложить материалы, обосновывающие ходатайство (ч. 1 ст. 214¹ УПК РФ).

Ходатайство рассматривается единолично судьей районного или гарнизонного военного суда по месту производства предварительного расследования (ч. 2 ст. 214¹ УПК РФ).

Срок проведения судебного заседания – не позднее 14 суток со дня поступления в суд ходатайства и обосновывающих его материалов (ч. 2 ст. 214¹ УПК РФ).

Обязательным участником судебного заседания является лицо, возбудившее соответствующее ходатайство. Кроме того, в судебном заседании вправе участвовать:

- лицо, в отношении которого прекращено уголовное преследование;
- защитник и законный представитель данного лица;

- потерпевший или его законный представитель.

Последовательность действия в судебном заседании изложена в ч. 3 ст. 214¹ УПК РФ:

1. Объявление судьей, какое ходатайство подлежит рассмотрению.
2. Разъяснение прав и обязанностей участникам судебного заседания.
3. Обоснование ходатайства лицом, его заявившим.
4. Исследование материалов, обосновывающих ходатайство.
5. Заслушивание лиц, явившихся в судебное заседание.
6. Удаление судьи в совещательную комнату для принятия решения.
7. Провозглашение решения судьи.

По результатам рассмотрения ходатайства судья принимает одно из двух решений, указанных в ч. 4 ст. 214¹ УПК РФ:

1. О разрешении отмены постановления о прекращении уголовного дела.
2. Об отказе в удовлетворении ходатайства о разрешении отмены постановления о прекращении уголовного дела.

Решение судьи оформляется постановлением (ч. 4 ст. 214¹ УПК РФ).

Необходимо подчеркнуть, что судья не отменяет постановление о прекращении уголовного дела, а лишь дает соответствующее разрешение прокурору. Непосредственная отмена данного решения производится постановлением прокурора, в котором должна быть обязательно сделана ссылка на судебное решение.

Законом предусмотрена возможность апелляционного или кассационно-надзорного обжалования постановления судьи (ч. 6 ст. 214¹ УПК РФ). Для обеспечения этого права копия постановления судьи направляется лицу, возбудившему ходатайство, прокурору, лицу, в отношении которого прекращено уголовное дело, потерпевшему (ч. 5 ст. 214¹ УПК РФ).

По смыслу закона прокурор вправе вынести постановление об отмене постановления о прекращении уголовного дела только после вступления судебного решения в законную силу, т.е. после истечения срока апелляционного обжалования, если в этот срок жалобы не поданы, либо после отклонения жалоб и оставления постановления судьи в силе решением суда апелляционной инстанции.

Следует обратить внимание на то, что прекращение уголовного дела является окончательным решением и завершает уголовное судопроизводство, в результате чего наступает ситуация правовой определенности для участников процесса. Если дело прекращается по реабилитирующим основаниям, это

влечет реабилитацию лиц, подвергавшихся уголовному преследованию. Поэтому возможность отмены решения о прекращении уголовного дела в течение неопределенно длительного времени нарушает соответствующую правовую определенность. Однако неопределенно долгий период, в течение которого ранее была возможна отмена решения следователя, и предоставляемые прокурору 14 суток для отмены постановления следователя – абсолютно не равнозначные вещи. Нет никаких оснований утверждать, что Конституционный Суд Российской Федерации признал неконституционным право прокурора отменять решения следователя о прекращении уголовного дела по истечении 14-суточного срока.

Ситуация с отменой постановления о приостановлении предварительного расследования принципиально иная в сравнении с рассмотренной. Приостановление, в отличие от прекращения уголовного дела, не является итоговым решением для стадии предварительного расследования. Более того, принятие такого решения свидетельствует о невозможности выполнения задач, поставленных в законе перед стадией предварительного расследования. Никакой правовой определенности после приостановления производства по делу не наступает, это всего лишь временный перерыв в процессуальной деятельности, продолжающийся от отпадения соответствующих обстоятельств.

Исходя из этого, очевидно, что установленные законодателем сроки в 5 и 14 суток для отмены постановления соответственно дознавателя и следователя о приостановлении предварительного расследования являются ориентирующими, призванными в определенном смысле дисциплинировать прокурора и мотивировать его на отмену незаконных и необоснованных решений в максимально короткий срок. Однако пресекательными эти сроки не являются, на что справедливо обращается внимание в научной литературе [2, с. 48]. Если прокурор выявил допущенные в ходе расследования нарушения, повлекшие незаконное или необоснованное приостановление производства по уголовному делу, он вправе и обязан отменить соответствующее решение.

Иное толкование закона противоречит базовым положениям закона о статусе прокурора и его месте в уголовном судопроизводстве. Главная задача прокурора – это обеспечение соблюдения законности при производстве по уголовным делам, и реализация этой задачи не может быть поставлена под сомнение. Отмена незаконных или необоснованных постановлений о приостановлении предварительного расследования и о прекращении уголовного дела после истечения названных в УПК РФ сроков «не влечет незаконность процессуального решения прокурора. В указанном случае речь может идти лишь о недо-

статочной эффективности деятельности прокурора» [1, с. 92].

Вряд ли можно согласиться с тем, что прокурор в подобных случаях не имеет права самостоятельно отменять решения дознавателя или следователя, а должен обратиться с ходатайством об отмене вынесенных ими постановлений к начальнику органа дознания или руководителю следственного органа. Прокурор осуществляет надзорные полномочия за процессуальной деятельностью не только дознавателя, но и начальника органа дознания. Так, прокурор вправе отменять незаконные и необоснованные постановления начальника органа дознания, а также указания, данные начальником органа дознания дознавателю (п. 6 ч. 2 ст. 37, ч. 4 ст. 41 УПК РФ). Исходя из этого, в силу общеправового принципа «уполномоченный на большее уполномочен на меньшее», прокурор должен обладать всеми теми контрольными полномочиями за дознавателями, которыми обладает начальник органа дознания. «Процессуальная медиатизация» в досудебном производстве, т.е. невозможность непосредственного процессуального воздействия на поднадзорных или подконтрольных субъектов нижестоящего уровня, в принципе не характерна для российского уголовно-процессуального права. Подобные алгоритмы (правила инстанцииности) установлены только для обжалования судебных решений в апелляционном и кассационно-надзорном порядках. Если же речь идет о процессуальном надзоре или контроле, то надзирающий или контролирующий субъект вправе осуществлять свою деятельность за всеми нижестоящими органами и должностными лицами, а не только за ближайшим к нему звеном.

Следует учитывать и то обстоятельство, что возможность отмены прокурором постановления о приостановлении предварительного следствия прямо закреплена в УПК РФ. Поскольку законодатель наделил прокурора таким полномочием, он вправе и обязан реализовывать его непосредственно, без обращения к руководителю следственного органа [5, с. 38].

Кроме того, признание невозможности отмены прокурором постановления дознавателя о приостановлении дознания по истечении 5 суток, а предварительного следствия – по истечении 14 суток влечет неоправданное сужение полномочия вышестоящего прокурора. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 208 УПК РФ копия постановления о приостановлении предварительного расследования направляется прокурору, и именно с момента поступления ему копии начинается исчисляться соответственно 5-суточный или 14-суточный срок. По смыслу закона копия данного постановления направляется прокурору, непосредственно осуществляющему надзор за органом предварительного расследования. Направление копии постановле-

ния вышестоящим прокурором законом не предусмотрено. Соответственно, 5-суточного или 14-суточного срока для отмены постановления дознавателя и следователя у вышестоящего прокурора в принципе не имеется.

Таким образом, прокурор вправе отменять постановления следователя и дознавателя о приостановлении предварительного расследования и о пре-

кращении уголовного дела. Установленные уголовно-процессуальным законом сроки для принятия прокурором соответствующих решений не являются пресекательными, а выполняют сугубо организационную цель [6, с. 128], ориентируя прокурора на необходимость быстрого реагирования на допущенные органами предварительного расследования нарушения.

Литература

1. Колomeец Е.В. Требования к актам реагирования военного прокурора как составляющие принципа законности уголовного судопроизводства // Право в Вооруженных Силах. 2017. № 4. С. 89-93.
2. Ларин Е.Г., Павлов А.В. Установление прокурором срока предварительного расследования при отмене незаконного или необоснованного постановления о приостановлении дознания // Законность. 2015. № 10. С. 46-49.
3. По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.И. Бондаренко: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 28-П // Собрание законодательства РФ. 2017. № 48. Ст. 7299.
4. Прокурорский надзор: учебник / под общ. ред. Ю.Е. Виокурова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Высшее образование, 2005. 460 с.
5. Сопин В.П. Полномочия прокурора в стадии предварительного следствия // Законность. 2011. № 12. С. 38-39.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Постатейный научно-практический комментарий / отв. ред. Л.А. Воскобитова. М.: Ред. «Российской газеты», 2015. 799 с.

Гражданско-правовые отношения

УДК 346.7

Е.В. Ваймер, канд. юрид. наук

Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

E-mail: vaimmer-evgeniya79@yandex.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПЛАТФОРМ КАК НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

В статье анализируется содержание Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», принятого на основании стратегических программных документов.

Выявляются проблемы правового обеспечения их деятельности в вопросах регулирования вложений в некоммерческие проекты, отсутствия гарантий возврата денежных средств инвесторов и неопределенности юридической ответственности при нарушении законодательства.

Автором отмечается, что регулирование деятельности инвестиционных платформ осуществляется также мерами их государственной поддержки в целях создания и развития национальной модели цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровые инвестиции, операторы инвестиционных платформ, инвесторы, лица, привлекающие инвестиции, цифровая экономика.

E. V. Vaimmer, Candidate of Juridical Sciences

Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

E-mail: vaimmer-evgeniya79@yandex.ru

LEGAL REGULATION OF ACTIVITY OF INVESTMENT PLATFORMS AS A DIRECTION OF DIGITAL ECONOMY DEVELOPMENT

The article analyzes the content of Federal Law «On attracting investments using investment platforms and on amending certain legislative acts of the Russian Federation», adopted on the basis of strategic program documents.

The problems of legal support of their activities in the regulation of investments in non-commercial projects, the lack of guarantees for the return of investor's funds and the uncertainty of legal liability in violation of the law are identified.

The author notes that the regulation of the activity of investment platforms is also carried out by measures of their state support to create and develop a national model of the digital economy.

Key words: digital investments, operators of investment platforms, investors, persons attracting investments, digital economy.

В настоящее время стратегическая политика Российского государства направлена на развитие информационного общества, применение инновационных цифровых технологий в различных сферах.

Одним из направлений реализации государственной информационной политики является совершенствование механизмов предоставления финансовых услуг в электронной форме и обеспечение их информационной безопасности. Вполне логично, что для этого необходимо создание системы правового регулирования цифровой экономики, основанной на внедрении в гражданский оборот современных информационных и коммуникативных технологий [3, 4].

Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» предусматривает принятие федеральных законов, регулирующих оборот криптовалют и осуществление краудфандинговой деятельности [7]. Летом 2019 г. был принят Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1]. Предполагается, что и закон «О цифровых финансовых активах» будет принят в ближайшее время.

Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» определяет алгоритм привлечения инвестиций через интернет-площадки (инвестиционные платформы), возникновение и обращение утилитарных цифровых прав, а также устанавливает требования к участникам отношений по цифровому инвестированию.

Субъектами отношений при привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ являются: оператор инвестиционной платформы, инвестор и лицо, привлекающее инвестиции.

Оператор инвестиционной платформы – это юридическое лицо в организационно-правовой форме хозяйственного общества, предоставляющее интернет-доступ к информационной системе (площадке), используемой для заключения с помощью информационных технологий и технических средств этой площадки договоров инвестирования, и включенное Банком России в специальный реестр.

В целях легализации оператор инвестиционной платформы должен иметь не менее 5 млн рублей собственных средств, помимо обслуживания инвестиционной интернет-площадки, может осуществлять определенные виды финансовой деятельности (брокерскую, дилерскую, клиринговую, депозитарную).

Устанавливаются требования к исполнительным органам и участникам хозяйственного общества (оператора инвестиционной платформы). Так, руководитель или член коллегиального исполнительного

органа оператора инвестиционной платформы не может быть дисквалифицированным лицом или лицом, имеющим неснятую (непогашенную) судимость за преступления в сфере экономики или против государственной власти, или лицом, не имеющим высшего образования.

Юридическое лицо – участник хозяйственного общества (оператора инвестиционной платформы) с долей 10% и более не может быть зарегистрирован на территории государств, которые не раскрывают финансовую информацию, либо у такого юридического лица аннулирована лицензия на осуществление определенного вида финансовой деятельности. В случае если участник хозяйственного общества (оператора инвестиционной платформы) – физическое лицо с долей 10% и более, то такое лицо не может иметь судимость за преступления в сфере экономики или против государственной власти или иметь административное наказание в виде дисквалификации.

Оператором инвестиционной платформы, а также их участниками с долей 10% и более не могут являться организации и физические лица, включенные в перечень лиц, причастных к экстремистской деятельности, терроризму или к распространению оружия массового уничтожения.

Согласно закону привлечение инвестиций осуществляется через оператора инвестиционной платформы. Последний заключает с физическим или юридическим лицом (инвестором) договор об оказании услуг по содействию в инвестировании. До заключения договора оператор инвестиционной платформы обязан получить от инвестора – физического лица подтверждение того, что он ознакомился с рисками, связанными с привлечением инвестиций, осознает, что инвестирование с использованием интернет-платформы является венчурным и может привести к потере вложений в полном объеме.

В свою очередь, с лицом, привлекающим инвестиции, оператор инвестиционной платформы заключает договор об оказании услуг по привлечению инвестиций.

Договорные отношения с оператором инвестиционной платформы должны предусматривать возможность заключения прямого договора инвестирования между инвестором и лицом, привлекающим инвестиции с использованием информационных технологий и технических средств этой платформы на основании инвестиционного предложения лица, привлекающего инвестиции, и перечисления на его банковский счет денежных средств инвесторов. Договор инвестирования считается заключенным с момента поступления денежных средств инвесторов с номинального счета оператора инвестиционной платформы на банковский счет лица, привлекающего инвестиции.

Инвестиционное предложение, размещенное на платформе, должно содержать сведения об условиях договора инвестирования, сроке действия инвестиционного предложения, минимальном объеме вложений и максимальном объеме денежных средств инвесторов, по достижении которого действие предложения прекращается.

Инвестор, принявший инвестиционное предложение, вправе отказаться от заключения договора инвестирования в течение пяти рабочих дней с даты принятия инвестиционного предложения, но не позднее дня прекращения его действия.

Интернет-площадка оператора должна содержать реестр заключенных с использованием инвестиционной платформы договоров, а также всю юридически значимую информацию об операторе инвестиционной платформы, предусмотренную статьей 13 Федерального закона № 259.

Оператор инвестиционной платформы обязан разработать правила – порядок взаимодействия участников посредством платформы, а также типовые договоры об оказании услуг по привлечению инвестиций и по содействию в инвестировании, которые соответственно для лиц, привлекающих инвестиции и инвесторов, будут договорами присоединения.

Правила инвестиционной платформы в качестве обязательных требований должны содержать сведения: условия договоров для инвесторов и лиц, привлекающих инвестиции, правила присоединения к договорам; требования к участникам платформы; способы инвестирования; требования к содержанию инвестиционного предложения и порядок его принятия; сроки передачи денежных средств участникам инвестиционной платформы с номинального счета, открытого оператору инвестиционной платформы; размер вознаграждения оператора инвестиционной платформы или порядок его определения либо указание на отсутствие вознаграждения; состав информации, раскрываемой оператором инвестиционной платформы, а также порядок, сроки раскрытия такой информации, порядок обмена информацией между инвесторами; указание на возможность работы в мобильном приложении, порядок его применения.

Обычно операторы инвестиционных платформ включают в правила еще и технические условия и требования к регистрации участников (например, загрузка отдельных страниц паспорта гражданина или устава юридического лица, протокола общего собрания, уведомление об используемом виде налогообложения и т.д.), а также дополнительные требования к лицам, привлекающим инвестиции, самостоятельно разрабатывают договоры инвестирования, соглашения об использовании аналога собственноручной подписи и обработке персональных данных.

Закон в статье 5 устанавливает три способа инвестирования через инвестиционные платформы: предоставление займов, приобретение эмиссионных ценных бумаг, за исключением ценных бумаг финансовых организаций, а также структурных облигаций, предназначенных для квалифицированных инвесторов; приобретение утилитарных цифровых прав.

Закон не предусматривает инвестирование посредством криптовалют, а также не регулирует отношения некоммерческого краудфандинга. Хотя последний достаточно развит на интернет-площадках: «Благо.ру», «Planeta.ru», «Добро.Mail.Ru», «Нужна помощь», «Сделай!», «Meet for Charity», «Пользуясь случаем», «QIWI #надобро», «Один + Один».

По существу, рассматриваемый закон устанавливает основные правила краудинвестинга как разновидности краудфандинга, поскольку лицами, привлекающими инвестиции, могут быть юридические лица и индивидуальные предприниматели, соответствующие требованиям, установленным законом и правилами инвестиционной платформы. В качестве инвесторов выступают физические лица, индивидуальные предприниматели и юридические лица.

В отношении инвесторов – физических лиц действуют ограничения по сумме инвестирования, они не могут вложить более 600 тыс. руб. в течение одного календарного года. Представляется, что такое ограничение установлено в целях защиты имущественных прав граждан. Это ограничение не распространяется на инвесторов – физических лиц, зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей, и физических лиц, признанных по их заявлению оператором инвестиционной платформы квалифицированными инвесторами, а также при приобретении ими утилитарных цифровых прав по договорам, заключенным с публичным акционерным обществом.

В целом действуют ограничения по сумме инвестиций с отсылкой на Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «О рынке ценных бумаг» [2]. В течение одного календарного года одно лицо может привлечь с использованием инвестиционных платформ инвестиций на сумму не более одного миллиарда рублей. Ограничения по сумме вложений не распространяются на публичные акционерные общества, привлекающие денежные средства путем приобретения инвесторами утилитарных цифровых прав.

Контроль за соблюдением указанных ограничений обязаны осуществлять операторы инвестиционной платформы, в т.ч. путем взаимного обмена информацией.

Большинство российских операторов инвестиционных платформ, по данным Ассоциации операторов инвестиционных платформ, ориентированы на предоставления займов хозяйствующим субъектам и инвестиции в фондовый рынок. Это вполне понятно,

поскольку только рассматриваемым законом введено понятие утилитарных цифровых прав.

Инвестиции в утилитарные цифровые права, в отличие от займов или покупки ценных бумаг, – это вложения в разработку и создание вещей, результаты интеллектуальной деятельности или выполнение работ, оказание услуг в будущем.

Утилитарные цифровые права – это право требовать передачи такой вещи, передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности или выполнения работ и (или) оказания услуг. Инвестиции в утилитарные цифровые права оформляются договором о приобретении утилитарного цифрового права, заключаемым между инвестором и лицом, привлекающим инвестиции в электронной форме через платформу. В этой связи законом установлено, что утилитарными цифровыми правами не могут являться право требовать имущество, права на которое подлежат государственной регистрации, и (или) сделки с ним подлежат квалифицированному письменному оформлению.

Закон вводит возможность депозитарного учета утилитарных цифровых прав с выдачей депозитарием обладателю утилитарного цифрового права (депоненту) цифрового свидетельства. Согласно статье 9 закона цифровое свидетельство – это немиссионная бездокументарная ценная бумага, не имеющая номинальной стоимости, удостоверяющая принадлежность ее владельцу утилитарного цифрового права, распоряжаться которым имеет возможность депозитарий, и закрепляющая право ее владельца требовать от этого депозитария оказания услуг по осуществлению утилитарного цифрового права и (или) распоряжения им определенным образом. Законодательством предусматривается свободный оборот утилитарных цифровых прав, включая отчуждение, залог и обременение другими способами.

Статья 12 закона достаточно неопределенно предусматривает ответственность оператора инвестиционной платформы за убытки, причиненные вследствие раскрытия недостоверной, неполной или вводящей в заблуждение информации, за нарушение оператором инвестиционной платформы установленных в законе правил, а также за несоответствие интернет-платформы техническим требованиям. При этом оператор совершенно не отвечает по обязательствам лиц, привлекающих инвестиции. Следовательно, закон не дает инвесторам никаких гарантий возврата вложенных средств.

Однако здесь возникает вопрос, что если лица, привлекающие инвестиции, представили оператору инвестиционной платформы недостоверную информацию о своей деятельности, а оператор вследствие непроявления должной осмотрительности разместил такую информацию на платформе, может ли он быть привлечен к возмещению убытков? Более того, возможно ли привлечь к ответственности операторов инвестиционной платформы, которые сами принимают решение об инвестициях в бизнес-проекты за счет средств инвестора, находящихся на номинальных счетах? И еще вопрос, какую ответственность будут нести операторы краудфандинговых платформ, деятельность которых не соответствует Федеральному закону № 259?

До 1 июля 2020 г. операторы инвестиционной платформы обязаны привести свою деятельность в соответствие с законом и зарегистрироваться в Центральном банке Российской Федерации. Порядок ведения реестра операторов инвестиционных платформ установлен Указанием Банка России от 04.12.2019 № 5342-У [6].

Необходимо отметить, что российские организации – операторы инвестиционных платформ, деятельность которых соответствует Федеральному закону № 259, вправе претендовать на получение субсидий из федерального бюджета на компенсацию расходов, связанных с обеспечением доступа к платформе на основании соглашения с Министерством экономического развития [5]. Соответственно, из федерального бюджета будет возмещаться плата для инвесторов и лиц, привлекающих инвестиции, а также вознаграждение оператора инвестиционной платформы. Кроме того, Банк России в 2020 г. планирует создать информационно-аналитический портал для инвесторов и компаний, в т.ч. в целях их вовлечения в систему цифрового инвестирования. Предполагается, что такие меры расширят доступ субъектов малого и среднего предпринимательства к альтернативным источникам финансовых ресурсов.

Таким образом, государство не просто начало регулировать уже сложившиеся отношения в сфере венчурного интернет-инвестирования, но и организационными, экономическими мерами стремится сформировать национальную модель цифровой экономики для решения задач стратегического развития страны. Однако пока еще остается много нерешенных вопросов, требующих в том числе системного правового регулирования.

Литература

1. О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.

2. О рынке ценных бумаг: федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1918; Российская газета. 2019. № 296.

3. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 // Собрание законодательства РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.

4. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

5. Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета на государственную поддержку российских организаций в целях компенсации части затрат на обеспечение доступа к платформе для коллективного инвестирования: постановление Правительства Российской Федерации от 27.12.2019 № 1898 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 30.12.2019).

6. О порядке ведения реестра операторов инвестиционных платформ: указание Банка России от 04.12.2019 № 5342-У // Официальный сайт Банка России. URL: <http://www.cbr.ru/> (дата обращения: 20.01.2020).

7. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г. № 16 // Официальный сайт Правительства России. URL: <http://government.ru/info/35568/> (дата обращения: 24.01.2020).

УДК 347.61

Ю.С. Кабанова, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: jul-555@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Статья посвящена исследованию проблемы определения понятия семьи в современном российском законодательстве. На данный момент существует множество трактовок этого понятия, при этом в каждом нормативном правовом акте оно имеет свое значение и смысл, что приводит к проблемам при реализации прав в рамках семейных правоотношений. Упоминание термина «семья» встречается в большом количестве нормативных правовых актов, относящихся к разным сферам жизни современного общества, например в семейном праве, гражданском праве, гражданском процессуальном праве, жилищном праве, налоговом праве и др. Однако на данный момент нет четкого законодательного определения семьи, каждая отрасль права трактует данный термин по-своему, вкладывая в него смысл, близкий к предмету соответствующей отрасли права. Для правильного преодоления указанных проблем на современном этапе развития общества необходимо в рамках современного законодательства ввести единое для всех отраслей права понятие семьи и круг лиц, к ней относящихся, что позволит решить вопрос правового регулирования брачно-семейных отношений без государственной регистрации, однополых союзов и браков с иностранными гражданами.

Ключевые слова: семья, понятие семьи, российское законодательство, молодая семья, брак, семейные правоотношения.

Yu.S. Kabanova, Candidate of Juridical Sciences

Barnaul law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: jul-555@mail.ru

ON THE CONCEPT OF FAMILY IN MODERN RUSSIAN LEGISLATION

The article is devoted to the study of the problem of defining the concept of family in modern Russian legislation. Now there are many interpretations of the family, while in each normative legal act it has its own meaning and meaning, which leads to problems in the implementation of rights within family legal relations. Mention of the term «family» is found in many normative legal acts relating to various spheres of life in modern society. For example, in family law, civil law, civil procedure law, housing law, tax law, etc. However, now there is no clear legislative definition of «family», each branch of law interprets this term in its own way, putting in it a meaning close to the subject of the corresponding branch of law. In order to overcome these problems correctly at the present stage of society's development, it is necessary to introduce the concept of family and the circle of persons related to it within the framework of modern legislation, which will allow resolving the issue of legal regulation of marriage and family relations without state registration, same-sex unions and marriages with foreign citizens.

Key words: family, the concept of family, the Russian legislation, the young family, marriage, family relationships.

В средствах массовой информации в последние годы все чаще встречается информация о том, что «семья» в том понимании, которое в нее вкладывалось еще со времен римского права, перестает существовать, ей на смену приходит «семья» нового типа, однако никто не может точно определить, что же это за «семья» и как необходимо ее трактовать с учетом современных реалий. При этом никто не сомневается в том, что семья является необходимым элементом развития любого общества, обеспечивающим духовное и физическое воспитание молодежи, удовлетворение потребностей человека в общении и любви.

Упоминание термина «семья» встречается в большом количестве нормативных правовых актов, относящихся к разным сферам жизни современного общества, например в семейном праве, гражданском праве, гражданском процессуальном праве, жилищном праве, налоговом праве и др. Однако на данный момент нет четкого законодательного определения «семьи», каждая отрасль права трактует данный термин по-своему, вкладывая в него смысл, близкий к предмету соответствующей отрасли права.

Ситуацию осложняет тот факт, что на современном этапе развития межличностных отношений и увеличения количества признанных однополых браков за рубежом наше современное законодательство становится все более уязвимым. Помимо увеличения числа однополых пар, увеличивается количество лиц, не желающих регистрировать брак, как закреплено в рамках семейного законодательства, при этом они проживают совместно, ведут совместное хозяйство и имеют детей. Не имея четкого определения семьи, данные лица сталкиваются с рядом проблем, таких как невозможность: получить сведения о состоянии здоровья сожителя; наследовать после его смерти; ограничить дееспособность сожителя, злоупотребляющего наркотическими средствами, при совместном проживании и др.

Еще 10-15 лет назад ученые говорили о необходимости определения понятия семьи. Так, Т.В. Шершень писала, что определение семьи необходимо как с практической, так и с теоретической точки зрения, т.к. это позволит создать механизм правовой охраны семьи и обеспечит стабильность и устойчивость семьи в российском обществе и государстве [16, с. 16].

Для правильного преодоления указанных проблем на современном этапе развития общества необходимо в рамках современного законодательства ввести единое для всех отраслей права понятие семьи и круг лиц, к ней относящихся, что позволит решить вопрос правового регулирования брачно-семейных отношений без государственной регистрации, однополых союзов и браков с иностранными гражданами. Но для формулирования единого понятия необходи-

мо рассмотреть, как законодательство и ученые трактуют указанный термин.

На данный момент исследователи рассматривают «семью» в нескольких аспектах. В первую очередь, как общественный институт, способствующий передачи российских ценностей и норм от одного поколения к другому. Во-вторых, как философскую категорию, в которую включают индивидов, связанных брачными отношениями, узами крови и любви. В-третьих, как объект демографических исследований, к которому относятся лица, объединенные браком или родством, связанные общностью быта и взаимной ответственностью. В-четвертых, как социологическую категорию, при которой семья понимается как основанная на браке или кровном родстве малая группа, члены которой связаны между собой общностью быта, взаимной помощью, моральной и правовой ответственностью. В-пятых, в юридическом смысле, как круг лиц, которые связаны личными неимущественными и имущественными правами и обязанностями, вытекающими из брака, родства, усыновления или иной формы принятия детей на воспитание в семью. Но такая обширная трактовка одного термина, встречающегося в разных сферах жизни человека, не способствует правильному применению норм права в данной области, поэтому для выявления единого термина следует раскрыть данное понятие с разных точек зрения.

В римском праве под семьей подразумевалась общность людей, которая возглавлялась отцом семейства, а остальные члены семьи находились под его властью. По мнению И.А. Покровского, древнеримская семья строилась на принципе абсолютной власти домовладыки над женой и детьми. Надо отметить, что на этой власти объединялась семья, при этом общность крови не учитывалась [12, с. 449]. Таким образом, можно говорить, что семья строилась не на родстве, а на некоем единстве под одной волей (власть отца семейства).

С развитием римского права в семье появились две ветви родства: агнатское родство – связь по мужской линии, включающая всех подвластных домовладыке лиц, т.е. жена, дети, дети сыновей, жены детей, усыновленные; когнатское родство – родство по крови, изначально лишь по женской линии, в дальнейшем любое родство по признаку крови. Впоследствии в рамках развития права указанные линии родства перемешались, что привело к тому, что семья стала основываться лишь на факте родства и регистрации брачных отношений.

Как справедливо указывает Е.Е. Ягунова, в Семейном кодексе РФ понятие семьи не раскрывается, при этом имеет место детальная регламентация отношений между участниками семейных правоотношений. Однако в рамках Семейного кодекса РФ семья

как субъект правоотношений не наделяется правами, ими наделены лишь лица, указанные в кодексе [18, с. 37]. Остается вопрос, можно ли считать «семью» субъектом права. Так, В.И. Иванов и Ю.С. Харитоновна говорят о том, что «семья должна признаваться субъектом права в целом, поскольку и законодатель воспринимает ее таким образом» [4, с. 30]. В свою очередь, О.В. Романовская, анализируя законодательство Российской Федерации, приходит к выводу, что семья не является самостоятельным субъектом правоотношений, относя семью к социобиологическому институту [13, с. 133].

Анализируя жилищное законодательство по вопросам предоставления жилья либо выплат на его приобретение, речь не идет о выплате денежных средств всем лицам, зарегистрировавшим брак: в распоряжении Правительства РФ говорится о предоставлении такого права «молодым семьям». «Молодая семья – это семья, состоящая в первом зарегистрированном браке, в которой возраст каждого из супругов либо одного родителя в неполной семье не превышает 30 лет» [11]. Таким образом, можно говорить, что семья с точки зрения законодательства России – это не только лица, зарегистрировавшие брак, но также и один родитель с ребенком.

В статье 1 Федерального закона от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» закреплено, что семья – это лица, связанные родством и/или свойством, совместно проживающие и ведущие общее хозяйство [8]. Таким образом, в рамках жилищного законодательства к родственным отношениям как критериям семьи добавляется и критерий свойства и ведения общего хозяйства. Но на данный момент в российском законодательстве нет определения «свойства» ни в Семейном кодексе РФ, ни в других нормативных правовых актах, а чаще всего отношения свойства упоминаются в рамках налогового законодательства при выявлении взаимозависимых лиц, к которым относятся и лица по линии свойства. Возникает вопрос о том, как можно применять нормы закона, не зная, кто относится к лицам, связанным отношениями свойства? Обращаясь к римскому праву, можно сделать вывод, что под свойством понимаются отношения лица к родственникам его супруга (супруги). Иными словами, в свойстве состоят, например, мужчина и сестра его жены, свекровь и невестка. Но разве указанных лиц нельзя отнести к членам семьи? Конечно, можно, ведь регистрируя брак или проживая совместно без регистрации, между родственниками мужа и жены в большинстве случаев складываются именно семейные отношения, отношения взаимопонимания и взаимовыручки, которые как раз подходят для определения семьи.

Помимо отношений свойства, Жилищным кодексом РФ в целях определения прожиточного мини-

муна применяется такой критерий, как ведение совместного хозяйства, а также в ч. 1 ст. 69 ЖК РФ закреплена возможность отнесения иных лиц к членам семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма, но лишь в исключительных случаях и только в судебном порядке. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса РФ» говорится, что при решении вопроса об отнесении иных лиц к членам семьи нанимателя необходимо точно знать, в каком качестве они были вселены, ведут ли они совместное хозяйство и в течение какого времени проживают вместе, при этом в качестве примера указываются лица, проживающие совместно с нанимателем без регистрации брачных отношений [7]. Конституционный Суд РФ при рассмотрении жалоб на нарушение конституционных прав граждан ч. 1 ст. 69 Жилищного кодекса РФ подтверждает вышеуказанные положения [10].

Итак, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ речь идет о возможности признания различных лиц членами семьи, при этом и без регистрации брака. Тогда необходимо на данный момент развития современного законодательства четко установить, является ли фактическое сожительство мужчины и женщины семьей или это выходит за пределы данного понятия.

В рамках семейного правоотношения лица должны строить свои отношения на любви, взаимоуважении и т.д., требуя такого поведения от любого субъекта, входящего в круг семьи, при этом неважно зарегистрирован ли это брак или сожительство. Однако если данные требования не выполняются, идет речь о распаде семьи, о невозможности ее дальнейшего существования, при этом речь не идет о брачных отношениях они могут остаться, а вот семья как таковая, по-видимому, уже перестанет существовать. Некоторые исследователи говорят о невозможности преодоления разногласий в браке, если распалась семья [15, с. 30]. То есть можно говорить о том, что семья не заключается лишь в брачных отношениях, понятие семьи в рамках Семейного кодекса РФ представляется более широким.

В странах Европы лица, проживающие совместно, обладают рядом прав, присущих лицам, официально зарегистрировавшим брак, что положительно влияет на развитие страны в целом. Так, в Швеции фактические сожители наделяются правами: не свидетельствовать друг против друга в правоохранительных органах и суде; осуществлять совместную опеку сожителей над детьми друг друга [1, с. 42]. Необходимо сказать, что законодательное закрепление понятия семьи по аналогии поможет в решении данного вопроса и в России, при этом речи не идет об уравнивании факти-

ческих сожителей в правах и обязанностях с зарегистрированными супругами. Предполагается наделение лиц, связанных семейными правоотношениями, определенными правами, присущими лишь семьям в целом, но не всеми правами, которые есть у лиц, зарегистрировавших брак. Как справедливо отмечает А.В. Черных, закрепление подобных прав никоим образом не сказалось бы отрицательно на российских национальных традициях и культуре [15, с. 31].

Можно сделать вывод о том, что для правильного понятия семьи необходимо выделить круг лиц, которые к ней относятся, т.е. кто является членом семьи с точки зрения современного законодательства и социальной составляющей семьи. В соответствии со ст. 2 Семейного кодекса РФ к членам семьи относятся: супруги, родители и дети (усыновители и усыновленные), другие родственники и иные лица. Тем не менее Семейный кодекс РФ содержит положения касательно алиментных обязательств других членов семьи, к которым относится обширный круг лиц, что вносит противоречие в законодательство и правоприменительную практику.

А.П. Зрелов придерживается мнения, что поскольку лица, указанные в главе 15 Семейного кодекса РФ, не перечислены в ст. 2 Семейного кодекса РФ, то можно говорить о том, что после прекращения алиментных обязательств они не будут считаться семьей, т.е. семейные отношения между такими лицами носят временный и ограниченный характер [3, с. 72]. Также по нормам Семейного кодекса РФ для признания конкретного лица членом семьи не имеет значения факт совместного проживания и ведения совместного хозяйства. То есть в рамках семейных правоотношений лица, проживающие совместно, имеющие детей и ведущие совместное хозяйство, по нормам Семейного кодекса РФ семьей не являются и не вступают в семейные правоотношения. Так, по мнению В.Ю. Плетьева и Д.А. Шубина, «семейные отношения имеют место там, где, помимо родства, присутствуют личные отношения, основанные на их признании сторонами, что, собственно, и создает эти отношения» [17, с. 24].

Подводя итог вышеизложенному, можно согласиться с мнением Е.М. Ворожейкина, говорящего

о том, что «не может быть несколько определений понятия семьи в праве для разных отраслей, а оно должно быть единым» [2, с. 33]. Выделяя основные признаки традиционного брака, нужно отметить принадлежность к разному полу супругов, прохождение определенной законодательством процедуры создания такого союза. При этом признаками семьи являются длительное совместное проживание, взаимоотношения, основанные на родстве, свойстве, принятии детей в семью, ведении совместного хозяйства, в ряде случаев наличие детей, регистрация брачных отношений. Таким образом, было бы целесообразно закрепить в Семейном кодексе РФ не только понятие семьи, но и круг лиц, к ней относящихся, а также права, присущие лицам в семье без регистрации брачных отношений, например имущественные права лиц, проживающих совместно в фактически брачных отношениях.

При меняющемся консервативном подходе к пониманию брачно-семейных отношений в мире России необходимо не отстать от мировых тенденций, закрепив понятие семьи с учетом как современных реалий мирового сообщества, так и существующих социально-правовых национальных традиций. Главное при реализации политики государства в области такого острого и всегда актуального вопроса, как вопрос о семье и ее составе, учитывать все аспекты, касающиеся данной стороны жизни общества: историю, религию, проблемы морали и нравственности.

Предлагаем зафиксировать в Семейном кодексе РФ следующее понятие семьи. Семья – это объединение физических лиц, основанное на браке или родстве, свойстве, усыновлении или иных формах устройства детей в семью, либо на совместном проживании и ведении домашнего хозяйства, которое подлежит охране государством и члены которого связаны лично-доверительными отношениями, общностью быта и интересов. Таким образом, закрепление данного понятия, единого для всех отраслей права, позволит как гражданам, так и правоприменительным органам осуществлять реализацию норм закона на более высоком смысловом и юридико-техническом уровне.

Литература

1. Андрощук В.В., Можилан С.А. Сравнительный анализ правового регулирования фактических брачно-семейных отношений в России и государствах Европы // Труды молодых исследователей по сравнительному праву. 2010. № 2 (7). С. 41-46.
2. Ворожейкин Е.М. Семейные правоотношения // Советское семейное право. М., 1974. 336 с.
3. Зрелов А.П. Современные проблемы межотраслевого применения понятия «член семьи» // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 6. С. 70-74.
4. Иванов В.И., Харитонов Ю.С. О субъектах права по законодательству России // Гражданское право. 2012. № 3. С. 27-33.

5. Карибян С.О. Семейно-правовая ответственность: сущность и правоприменение: монография. М.: Юстицинформ, 2018. 192 с.
6. Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р // Собрание законодательства РФ. 2014. № 35. Ст. 4811.
7. О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 № 14 // Российская газета. 2009. № 123.
8. О прожиточном минимуме в Российской Федерации: федеральный закон от 24.10.1997 № 134-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 43. Ст. 4904.
9. Об Основных направлениях государственной семейной политики: Указ Президента РФ от 14 мая 1996 г. № 712 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 21. Ст. 2460.
10. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Мейера Александра Владимировича и Пахомова Сергея Васильевича на нарушение их конституционных прав статьей 53 и частью 1 статьи 69 Жилищного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 21.06.2011 № 782-О-О. URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 24.10.2019).
11. Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р // Собрание законодательства РФ. 2014. № 50. Ст. 7185.
12. Покровский И.А. История римского права. СПб.: Издательско-торговый дом «Летний сад», 1998. 560 с.
13. Романовская О.В. «Семейные» объединения граждан в российском праве // Известия вузов. Правоведение. 2009. № 5. С. 121-133.
14. Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
15. Черных А.В. Актуальные вопросы правового регулирования форм совместного проживания // Адвокатская практика. 2018. № 6. С. 30-32.
16. Шершень Т.В. О праве на семью и проблеме определения понятия семьи в современном российском праве // Семейное и жилищное право. 2010. № 6. С. 14-17.
17. Шубин Д.А., Плетнев В.Ю. Есть ли у родителей обязанность содержать своих совершеннолетних трудоспособных детей? // Жилищное право. 2012. № 10. С. 21-30.
18. Ягунова Е.Е. Родовая усадьба как основа семейного бизнеса в форме КФХ // Юрист. 2015. № 22. С. 34-38.

УДК 347.778

А.Н. Кривоногов

ФГУП «18 Центральный научно-исследовательский институт» Минобороны России

E-mail: krivonogov_anton@mail.ru;

П.С. Гончаров

ФГУП «18 Центральный научно-исследовательский институт» Минобороны России

E-mail: gps_1@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ АВТОРОВ СЛУЖЕБНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются вопросы правового обоснования определения авторов служебных результатов интеллектуальной деятельности. Обосновывается актуальность данного вопроса в современной системе гражданского права. Авторы акцентируют внимание на том, что основная сложность регламентации режима права авторства в Российской Федерации заключается в наличии близкой данному правовому институту конструкции исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности (РИД), которые могут быть реализованы правообладателем РИД, не являющимся автором такового, в связи с чем возникает проблема взаимного пересечения режимов реализации права авторства и исключительных прав на РИД в системе гражданско-правового регулирования. В статье анализируются нормативно-правовые акты, регламентирующие установление права авторства, формулируются рекомендации по выявлению авторов служебных результатов интеллектуальной деятельности, в которых отражается необходимость придания обязательного статуса указанию перечня авторов (с раскрытием творческого вклада каждого из них) в уведомлениях о РИД, созданных творческими коллективами при выполнении научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.

Ключевые слова: результаты интеллектуальной деятельности, авторское право, исключительное право, работник, работодатель, научно-исследовательская работа, опытно-конструкторская работа.

A.N. Krivonogov

FSUE «18 Central Research Institute» of the Ministry of Defense of Russia

E-mail: krivonogov_anton@mail.ru;

P.S. Goncharov

FSUE «18 Central Research Institute» of the Ministry of Defense of Russia

E-mail: gps_1@mail.ru

ON THE PROBLEM OF IDENTIFYING AUTHORS OF INTELLECTUAL PROPERTY

The article discusses the legal justification for determining the authors of official results of intellectual activity. The relevance of this issue in the modern civil law system is substantiated. The authors focus on the fact that the main difficulty in regulating the administration of copyright in the Russian Federation is the design of exclusive rights to intellectual property results, which can be realized by the copyright holder of the results of intellectual activity, which is not the author thereof. This causes the problem of the mutual intersection of the regimes for the exercise of copyright and exclusive rights to the results of intellectual activity in the civil law system of regulation. The article analyzes the regulatory legal acts governing the establishment of copyright, formulates recommendations for identifying authors of service results of intellectual activity, which reflects the need to give mandatory status to the list of authors (with disclosing the creative contribution of each of them) in notifications of results of intellectual activity created creative teams in the implementation of research and development.

Key words: results of intellectual activity, intellectual property, copyright, exclusive right, employee, employer, research work, technical development.

В современной системе гражданско-правового регулирования повышается значимость институтов охраны интеллектуальной собственности. Этот процесс вызван объективными причинами, обусловленными в первую очередь тенденциями глобального экономического развития, одной из которых является повышение значимости неценовых факторов конкуренции.

По итогам проведения исследований в научно-технической области создаются различные результаты интеллектуальной деятельности (далее – РИД) – изобретения, полезные модели и промышленные образцы. Иными словами, РИД могут быть созданы в рамках служебной деятельности лиц, выполняющих работы по контрактам.

Для успешной интеграции полученных в результате исполнения контрактов РИД в систему гражданско-правового регулирования принципиальным является вопрос определения их авторов. Концептуальными основами права авторства в РФ являются следующие положения действующего законодательства.

Во-первых, в соответствии с нормами п. 1 ст. 1225 ГК РФ [3] в качестве РИД в РФ рассматриваются произведения науки, литературы и искусства; программы для ЭВМ и базы данных; изобретения, полезные модели и промышленные образцы, а также селекционные достижения, топологии интегральных микросхем и секреты производства (ноу-хау). Им предоставляется правовая охрана, сущность которой заключается в комплексе правовых норм, устанавливающих отношения по поводу возникновения, прекращения и перехода прав на разнообразные объекты интеллектуальной собственности. Таким образом, на данные РИД нормами действующего законодательства устанавливаются интеллектуальные права, включающие исключительное право, по содержанию являющееся имущественным, а также личные неимущественные (право авторства) и иные права.

Во-вторых, действующее гражданское законодательство утверждает тезис о том, что каждый РИД имеет своего автора. В таком качестве понимается гражданин, творческим трудом которого создан соответствующий РИД. Важно отметить, что при этом понятия «интеллектуальная деятельность» и «творческий труд» являются синонимами и обозначают целесообразную созидательную деятельность человека, направленную на создание нового творения. В связи с этим не признаются авторами граждане, не внесшие личного творческого труда в процесс создания РИД, в т.ч. способствовавшие автору в оформлении прав на РИД или оказавшие организационную, техническую или консультационную помощь.

Действующее законодательство устанавливает комплекс специальных субъективных правомочий,

которые авторы имеют возможность практически реализовать в отношении созданных ими РИД.

Так, в соответствии с нормами ст. 1265 ГК РФ право авторства заключается в праве гражданина признаваться автором произведения, а право на имя заключается в возможности использовать или разрешать использование произведения под своим именем, под псевдонимом или без указания имени. При этом право авторства неотчуждаемо и при переходе исключительного права другому правообладателю сохраняется за автором произведения.

К иным правам автора относится право на неприкосновенность произведения и защиту произведения от искажений, которые в соответствии с п. 2 ст. 1266 Гражданского кодекса направлены на недопущение искажения или иного изменения произведения, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию автора. Данные права предоставляют автору или после его смерти заинтересованным лицам возможность обеспечить защиту чести, достоинства и деловой репутации автора.

Представляется, что основная сложность регламентации режима права авторства в РФ заключается в наличии близкой данному правовому институту конструкции исключительных прав на РИД, которые могут быть реализованы правообладателем (не автором) РИД.

Исключительное право на РИД состоит в том, что его обладатель может использовать такой результат любым не противоречащим закону способом, например путем тиражирования и введения в гражданский оборот произведений и программ для ЭВМ, использования изобретения в продукте или способе. Кроме того, обладатель исключительного права может разрешать или запрещать другим лицам использовать охраняемый РИД.

Согласно нормам статьи 1233 ГК РФ правообладатель может распоряжаться принадлежащим ему исключительным правом путем его отчуждения по договору другому лицу или путем предоставления другому лицу права использования соответствующего РИД по лицензионному договору.

Таким образом, как видим, режимы реализации права авторства и исключительных прав на РИД в системе гражданско-правового регулирования пересекаются. Проблемные аспекты связаны и с влиянием действующей системы регулирования трудовых правоотношений. К субъектам правоотношений по поводу создания РИД относится его автор, являющийся работником организации – исполнителя НИОКР, работодатель – администрация организации исполнителя НИОКР, а также заказчик такой НИОКР.

Большинство представителей современной цивилистической доктрины РФ [4, 5, 6] констатируют, что российское законодательство не делает различий для

вида трудовых отношений в зависимости от постоянного или временного характера работы или от того, работал ли автор по совместительству или на постоянной основе, и был ли с ним заключен срочный или бессрочный трудовой договор. Однако действие Трудового кодекса не распространяется, например, на военнослужащих (ч. 8 ст. 11 Трудового кодекса). Тем не менее следует исходить из широкого толкования терминов «работник» и «работодатель» и распространять действие на любые категории рабочих и служащих [7].

Для решения проблемы идентификации субъектов авторского и исключительных прав на РИД существенное значение имеет определение служебных РИД. Легальное определение данной категории содержится в нормах п. 1 ст. 1370 ГК РФ. В соответствии с ними для приобретения служебного характера указанные РИД должны быть созданы работником в связи с выполнением своих трудовых обязанностей или в связи с выполнением конкретного задания работодателя.

Значение указанной нормы ГК РФ заключается в том, что на ее основе осуществляется дифференциация субъектов права авторства и исключительных прав на конкретный РИД. В соответствии с пунктами 2 и 3 ст. 1370 ГК РФ право авторства на служебное изобретение, служебную полезную модель или служебный промышленный образец принадлежит работнику (автору). Исключительное право на служебное изобретение, служебную полезную модель или служебный промышленный образец и право на получение патента принадлежат работодателю, если трудовым или гражданско-правовым договором между работником и работодателем не предусмотрено иное.

Следует отметить, что действующее законодательство в рамках подзаконных актов конкретизирует авторов служебных РИД. В соответствии с п. 4.1 ГОСТ Р 56823-2015 [2] и комментариями [1] авторами служебных РИД могут быть физические лица, творческим трудом которых созданы охраняемые РИД в ходе выполнения ими трудовых функций или конкретного служебного задания работодателя, независимо от вида и особенностей трудовых отношений.

Действующее законодательство, допуская возможность для авторства работника организации, выполняющей НИОКР, определяет последовательность обязательных действий, которые должен совершить работник для того, чтобы получить статус автора РИД. Таким юридически значимым действием является оформление специального уведомления и направление его в адрес администрации работодателя. В данном документе работник обязан проинформировать о создании РИД, охарактеризовать его параметры.

Иными словами, в случае создания нового творения работник должен его выявить и отделить от

остальных результатов своего труда, отнести к продукту, способу или художественно-конструкторскому решению, после чего описать существенные признаки своего творения и приложить их к заявлению на имя руководителя о создании потенциально охраноспособного РИД.

При этом решение о принятии мер к осуществлению правовой охраны данного РИД принимает исключительно работодатель. Законом определено, что работодатель обязан в течение четырех месяцев после получения вышеуказанного заявления от работника осуществить оценку возможности и целесообразности правовой охраны созданного им РИД и подать в уполномоченный государственный орган заявку на выдачу патента на тот или иной вид РИД, полученный работником в процессе выполнения его трудовой функции.

Основными вопросами при составлении автором и рассмотрении работодателем уведомления о создании способного к правовой охране РИД являются полнота описания и оценка полезности технического решения. Однако в данном случае не ставится вопрос о полноте представления авторов технического решения.

Таким образом, закон сохраняет за работником организации возможность являться автором РИД. В данной связи необходимо отметить, что вышеуказанный обязательный уведомительный порядок получения сведений работодателем от работника о создании РИД может принимать характер диспозитивной нормы в случае заключения между работником и работодателем соглашения, определяющего принадлежность авторских и исключительных прав на конкретный РИД работнику. Однако такой вариант представляется исключением, а не правилом.

Более того, в некоторых случаях закон предусматривает вариант своеобразной реституции прав работника на РИД в полном объеме. Так, в случае если в течение четырех месяцев работодатель не предпримет указанные выше действия в отношении потенциально охраноспособного РИД, то право на получение патента Российской Федерации на него возвращается работнику, который может получить соответствующий патент Российской Федерации или передать право на получение патента другому лицу.

В данном случае важным юридическим фактом является сохранение работником письменного уведомления о создании служебного РИД с указанием даты доведения до работодателя, которое в последующем может гарантировать защиту исключительных прав работника на данный РИД.

Однако, с другой стороны, законодатель существенно ограничивает реализацию данного правомочия, поскольку предполагает два возможных варианта.

Во-первых, четко определенную схему его осуществления (обязательный заявительный порядок). При этом важно отметить, что уклонение либо неисполнение уведомительного обязательства работника не влечет за собой никаких негативных последствий для работодателя [1]. В таких случаях работодатель имеет возможность приступить к процессу обеспечения правовой охраны РИД без всякого участия автора-работника.

Во-вторых, законодатель в общем порядке передает исключительные права на РИД работодателю. Иными словами, налицо конструкция «полисубъектности» права авторства и исключительного права, которая, исходя из своего содержания, несет в себе потенциал возникновения правового спора между сотрудником и администрацией работодателя.

Очевидно, что прямым следствием такой ситуации могут стать финансовые потери средств заказчика.

Другая проблема, связанная с определением авторства РИД, созданных в результате осуществления НИОКР, связана с внешней стороной такой деятельности. Иначе говоря, проблема заключается в том, что, как правило, выполнение НИОКР осуществляется научно-производственным коллективом. В основе этой деятельности находится труд нескольких работников, которые являются соавторами соответствующего РИД. При этом с точки зрения действующего гражданского законодательства данный факт не имеет юридического значения при определении субъекта права авторства. Четвертая часть Гражданского кодекса не оперирует понятием «коллективный автор» в отношении сотрудников организации.

Представляется, что решение данного вопроса должно находиться в компетенции администрации работодателя. В целях определения степени участия сотрудников в создании РИД целесообразно соз-

давать специальную комиссию из представителей работодателя, профсоюзной организации и других заинтересованных лиц, функционирующую на паритетных началах, которая и должна определять авторов РИД, которым надлежит реализовать вышерассмотренный уведомительный порядок оформления собственного права авторства, а также размер премирования остальных участников рабочего коллектива. В данном случае авторское вознаграждение следует рассматривать в качестве компенсации за «отчужденные» исключительные права. Кроме того, комиссии необходимо учитывать, что созданные при выполнении НИОКР РИД, способные к правовой охране, могут основываться на научно-техническом заделе, полученном при выполнении, например, предшествующей научно-исследовательской работы (далее – НИР) для опытно-конструкторской работы (далее – ОКР), поскольку в отчетах о выполнении НИР могут содержаться сведения о технических решениях, которые послужили основой для создания нового РИД при выполнении ОКР. В связи с этим при обеспечении правовой охраны таких РИД работодателю необходимо учитывать также и творческий вклад в их создание авторов, выполнявших предшествующую НИР по государственному контракту.

Кроме того, целесообразным является сделать обязательным элементом уведомления о создании способного к правовой охране технического решения перечень его авторов с раскрытием творческого вклада каждого, а при его рассмотрении работодателем проверять корректность представления сведений об авторах технического решения. Данная мера позволит обеспечить соблюдение права авторства работников на служебные РИД, а также обеспечить выплату вознаграждений за создание и использование способных к правовой охране РИД всем изобретателям.

Литература

1. Абрамова Е.Н., Сергеев А.П., Аверченко Н.Н., Грачев В.В., Павлов А.А. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть четвертая: учебно-практический комментарий / под ред. д.ю.н., проф. А.П. Сергеева. М.: Проспект, 2016. 384 с.
2. ГОСТ Р 56823-2015 Интеллектуальная собственность. Служебные результаты интеллектуальной деятельности: утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 03.12.2015 № 2102-ст.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.05.2018) // Российская газета. 2006. 22 дек. № 289.
4. Иванов Н. Доля в исключительном праве // ИС. Авторское право и смежные права. 2017. № 1. С. 26-34.
5. Красовский В. Распределение интеллектуальных прав между государственными заказчиками и исполнителями работ // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2017. № 1. С. 23-30.
6. Крупко С.И. Институт служебных изобретений. Новеллы и проблемы правового регулирования // Интеллектуальная собственность в России и ЕС: правовые проблемы: сборник статей / под ред. М.М. Богуславского и А.Г. Светланова. М., 2008. С. 133-184.
7. Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 3 июня 2014 г. по делу № СИП-253/2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 347.447.72

П.М. Назмутдинова

адъюнкт Нижегородской академии МВД России

E-mail: nazhmudinovap@mail.ru;

Д.А. Хайруллина

аспирант Нижегородского института управления – филиал Российской академии

народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

E-mail: mazaeva.darja@rambler.ru

ЗАПРЕТИТЕЛЬНЫЕ АКТЫ ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ КОРОНАВИРУСА КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО НЕПРЕОДОЛИМОЙ СИЛЫ

В статье рассматривается получившее широкий общественный резонанс новое инфекционное заболевание, названное коронавирусом, которое быстрыми темпами распространилось в Китайской Народной Республике и впоследствии стало представлять угрозу на глобальном уровне. Охватившая Китай и множество других стран эпидемия анализируется авторами на предмет соответствия данного явления критериям, позволяющим оценивать обстоятельства в качестве непреодолимой силы. Делается вывод о том, что с учетом выявленных особенностей эпидемия как обстоятельство непреодолимой силы представляет собой сложный юридический факт-состояние, который обуславливает возникновение последующей цепочки юридических фактов. Одним из таких новых фактов является издание органами государственной власти запретительных нормативных правовых актов, которые, по мнению авторов, должны признаваться в качестве обстоятельств непреодолимой силы, особенно в свете набирающих обороты экономических отношений России и КНР.

Ключевые слова: коронавирус, эпидемия, чрезвычайная ситуация, непреодолимая сила, юридический факт, правовое состояние, запретительные акты государства, органы государственной власти, государственная служба, контрактные обязательства, международные отношения.

P.M. Nazhmutdinova

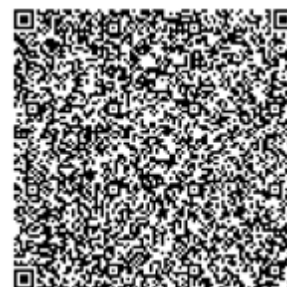
postgraduate student of Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of Russia

E-mail: nazhmudinovap@mail.ru;

D.A. Khairullina

postgraduate student of Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch
of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration

E-mail: mazaeva.darja@rambler.ru

PROHIBITION ACTS OF THE STATE AGAINST CORONAVIRUS AS A CIRCUMSTANCE OF INSUPERABLE FORCE

The article deals with a widespread public outcry of a new infectious disease called coronavirus, which has spread rapidly in the People's Republic of China and, subsequently, has become a global threat. The epidemic that has swept China and many other countries is analyzed by the authors for the compliance of this phenomenon with criteria that allow assessing circumstances as force majeure. It is concluded that, considering the revealed features, the epidemic as a force majeure situation is a complex legal fact-state that causes the emergence of a subsequent chain of legal facts. One of these new facts is the publication by state authorities of prohibitive normative legal acts, which, according to the authors, should be recognized as force majeure circumstances, especially against the background of the growing economic relations between Russia and China.

Key words: coronavirus, epidemic, emergency, force majeure, legal fact, legal status, prohibitive acts of the state, public authorities, public service, contractual obligations, international relations.

Новый вид вируса, впервые зафиксированный в Китае в декабре 2019 г., названный коронавирусом, с невероятной скоростью распространился на территории Китайской Народной Республики, а также перекинулся на другие государства [1], получив общемировую «известность». Коронавирус, о котором говорят повсюду, а СМИ пестрят устрашающими заголовками, в действительности за довольно короткий промежуток времени, являясь изначально проблемой национального масштаба, после признания Всемирной организацией здравоохранения сложившейся в Китае ситуации чрезвычайной стал предметом всеобщего внимания на международном уровне.

Общеизвестно, что Российская Федерация и Китай взяли курс на тесное экономическое сотрудничество. Так, например, стремительными темпами растет трансграничная электронная торговля между государствами, динамично развивается двустороннее инвестиционное взаимодействие [19]. В 2019 году товарооборот России с Китаем составил 110 918 574 885 долларов США, что на 2,43% больше по сравнению с 2018 г. [14]. Учитывая данные факты, коронавирус, а точнее вызванные им последствия, стал серьезным препятствием для текущей реализации торговых отношений, осуществления предпринимательской деятельности.

По своей сути, новый вид вируса обусловил возникновение эпидемии, которая в соответствии с российским законодательством представляет собой опасное инфекционное заболевание, характеризующееся стремительным распространением среди населения, обретающее массовые формы, вызывающее тяжелое болезненное состояние, а также иные негативные последствия в виде высокого уровня смертности и инвалидности [12].

Необходимо отметить, что эпидемии обладают специфическими признаками, которые не свойственны «типичным» болезням. Так, эпидемии всегда значительно превышают обычный (устанавливается для каждой территории с учетом различных показателей) уровень заболеваемости, они представляют особую опасность в связи с молниеносным, стихийным характером и масштабностью. Учитывая данные характеристики, а также то, что в соответствии с российским законодательством эпидемии относятся к чрезвычайным экологическим ситуациям, можно говорить о возможности отнесения (в зависимости от конкретных условий) эпидемии к обстоятельствам непреодолимой силы.

Мы разделяем позицию, согласно которой непреодолимая сила по своей правовой природе представляет собой юридический факт [15, с. 50]. При этом, с одной стороны, она может выступать независимо от воли лица объективно существующим явлением, а с другой – быть порождением сознательно-волевой

деятельности субъекта, в результате которой произошло наступление негативных правовых последствий. Это означает, что в само понятие «непреодолимая сила» закладываются как события (исключающие волевой фактор человека и его контроль), так и действия или бездействия (обладающие признаками чрезвычайности и непредотвратимости и вызывающие неблагоприятные юридические последствия различного рода).

Предполагаем, что эпидемия наиболее соответствует критериям специфического вида юридических фактов, названных состояниями. Правовое состояние определяется как длящееся (постоянно существующее или возникающее эпизодически) обстоятельство, которое каким-либо образом способно оказывать влияние на положение социального субъекта, а также на его взаимоотношения с другими лицами и организациями.

Вопрос о выделении юридических фактов-состояний в качестве самостоятельной категории является дискуссионным. Некоторые ученые считают их одной из разновидностей юридических фактов, стоящих в одном ряду с событиями и действиями [17, 20]. Другие считают, что неверно выделять состояния в качестве отдельного звена наравне с событиями и действиями [16, с. 185].

Мы поддерживаем точку зрения В.Б. Исакова, который под юридическим состоянием понимает специфическую категорию юридических фактов, являющихся сложными, характеризующихся относительно стабильным периодом существования, на протяжении которого в сочетании с другими фактами они могут неоднократно обуславливать наступление правовых последствий [2, с. 34]. Из этого следует, что в основе обособления данной группы юридических фактов лежит критерий продолжительности их существования, а также возможность участвовать в формировании новых правовых отношений.

На наш взгляд, эпидемия соответствует параметрам правового состояния. Во-первых, для нее характерно течение в определенные временные интервалы, т.е. можно говорить об относительной стабильности ее существования как факта. Во-вторых, эпидемия порождает возникновение новых юридических фактов, а следовательно, и новых правоотношений. Так, вспышка коронавируса в Китае стала причиной принятия органами государственной власти Российской Федерации специальных актов, нацеленных на защиту граждан путем предотвращения распространения данного заболевания и обеспечения благополучной санитарно-эпидемиологической обстановки на территории страны. В частности, государственными органами власти были приняты следующие меры:

- временно ограничено движение через пункты пропуска на отдельных участках государственной

границы Российской Федерации с Китайской Народной Республикой [10];

- приостановлен безвизовый проезд граждан КНР в Россию; МВД России и его территориальным органам было поручено временно приостановить прием и оформление документации, необходимой для осуществления трудовой деятельности гражданам КНР; МИД России также поручено на время приостановить прием документов, оформление и выдачу рабочих виз гражданам КНР в консульских учреждениях МИДа России в КНР, ему также необходимо уведомить КНР о принятии соответствующих мер, указав, что они обоснованы особыми обстоятельствами и носят исключительно временный характер (курсив авт. – П.Н., Д.Х.) [7];

- коронавирусная инфекция внесена в перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих [4];

- перенесено проведение ежегодного Российского инвестиционного форума в связи со вспышкой нового коронавируса, объявленного Всемирной организацией здравоохранения чрезвычайной ситуацией международного значения (курсив авт. – П.Н., Д.Х.) [9];

- Минтрансу России совместно с ФСБ России, ФТС России и Роспотребнадзором дано распоряжение временно ограничить въезд иностранных граждан с территории КНР в воздушных пунктах пропуска через государственную границу РФ, кроме воздушного пункта пропуска через государственную границу РФ Москва (Шереметьево) (исключения составляют только граждане государств – членов Евразийского экономического союза, а также экипажи воздушных судов, члены официальных делегаций и лица, обладающие видом на жительство в РФ) [5].

Следует также отметить постановления главного государственного санитарного врача, изданные в целях принятия дополнительных мер по недопущению эпидемии [6, 11], и ряд важных документов, изданных федеральными службами, министерствами и ведомствами, включая Минздрав, Роспотребнадзор, Россельхознадзор [8, 13]. Нельзя не подчеркнуть, какая нагрузка ложится на многие государственные структуры. Большое количество предписаний, обязательных для исполнения, требует усиленного внимания со стороны государственных служащих, максимальной концентрации сил и ресурсов, быстрого распространения поступающей информации и своевременного реагирования на федеральном, региональном и местном уровнях.

Таким образом, довольно внушительный объем предпринятых мер со стороны органов государственной власти РФ, на наш взгляд, по большей части представляет собой запретительные акты, которые для многих субъектов предпринимательства, чья

деятельность имеет прямые или косвенные связи с Китаем, могут стать непреодолимым препятствием для исполнения обязательств, предусмотренных договорами. В результате реализованных государством превентивных мер в настоящий момент практически прекращена поставка товаров из КНР и в КНР, т.е. фактически полностью приостановлен товарооборот, ужесточен порядок, регламентирующий пересечение государственных границ гражданами Китая. Установленный посредством принятия соответствующих нормативных правовых актов строгий режим карантина оказывает непосредственное влияние на своевременное исполнение контрактных обязательств между российскими и китайскими партнерами.

Сложившаяся обстановка, по нашему мнению, позволяет признать изданные органами государственной власти РФ запретительные акты в качестве обстоятельства непреодолимой силы, что, в свою очередь, дает возможность освободить сторону от исполнения договорных обязательств или от ответственности за их неисполнение. Следует также отметить, что вице-президент Торгово-промышленной палаты РФ (далее – ТПП) Владимир Падалко обратился к Правительству России с предложением ввести определенный форс-мажор в сфере внешнеэкономической деятельности с Китаем по контрактам, которые подлежат исполнению в настоящий период, сдвинув сроки исполнения минимум до марта-апреля [17]. Так, субъектам предпринимательской деятельности, бизнес которых претерпел неблагоприятные последствия из-за ситуации в КНР, была предоставлена возможность получить сертификаты, подтверждающие их неспособность исполнить предусмотренные контрактные обязательства вследствие наступления обстоятельств непреодолимой силы. Оформление документов, подтверждающих форс-мажорную ситуацию в Китае, относится к компетенции ТПП РФ. Сертификаты, выдаваемые ТПП, свидетельствующие об обстоятельствах непреодолимой силы, являются основанием для возможного освобождения компании от ответственности по заключенным договорам.

По нашему мнению, понятия «непреодолимая сила» и «форс-мажор» не являются тождественными, и существует необходимость разграничивать данные термины. Как отмечает А.М. Хужин, форс-мажор (или форс-мажорные обстоятельства) может быть сформулирован посредством указания самими сторонами перечня соответствующих обстоятельств, которые подпадают под конкретно установленные требования (назовем их заданными параметрами) и фиксируются в форме так называемых форс-мажорных оговорок в контрактах. Сторонам предоставляется возможность самостоятельно путем включения соответствующих условий в договор

«расширить» перечень оснований освобождения от ответственности. Непреодолимая сила же представляет собой нормативно закрепленное обстоятельство, предусматривающее возможность освобождения обязанного лица от ответственности (в т.ч. и по соглашению сторон), т.е. понятие непреодолимой силы выступает в качестве основания, гарантированного законом [18, с. 222-223].

С учетом данного различия видится необходимым добавить, что, на наш взгляд, признание запретительных актов государства в отношении коронавируса как обстоятельства непреодолимой силы будет возможным независимо от того, установлено ли оно в условиях контракта в качестве такового или нет.

Исходя из изложенного, можно говорить о том, что эпидемия коронавируса, по своей сути, является сложным юридическим фактом, особым правовым состоянием, которое выступает своеобразной отправной точкой, предопределяющей возникновение других юридических фактов (так зародилась цепочка: новый вид вируса – эпидемия на территории КНР – признание ситуации международной проблемой – принятие органами государственной власти РФ соответствующих актов – дальнейшая конкретизация в зависимости от вида правовых отношений) в системе правового регулирования, затрагивая при этом совокупность различных правовых отношений, вызывая наступление множества последствий.

Литература

1. Где и в каких странах обнаружен коронавирус на сегодня. URL: <https://news.rambler.ru/community/43614323-gde-i-v-kakih-stranah-obnaruzhen-koronavirus-na-segodnya/> (дата обращения: 16.02.2020).
2. Исаков В.Б. Юридические факты в советском праве. М.: Юридическая литература, 1984. 144 с.
3. Коронавирус как обстоятельство непреодолимой силы. URL: <https://tpprf.ru/ru/news/regional/344126/> (дата обращения: 18.02.2020).
4. О внесении изменений в перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих: постановление Правительства Российской Федерации от 31 января 2020 г. № 66. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Search/Date/government?date=02%2F03%2F2020%2000%3A00%3A00> (дата обращения: 17.02.2020).
5. О временном ограничении въезда иностранных граждан с территории Китайской Народной Республики в воздушных пунктах пропуска через государственную границу РФ: распоряжение Правительства Российской Федерации от 3 февраля 2020 г. № 194-р. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202002040029> (дата обращения: 17.02.2020).
6. О дополнительных мероприятиях по недопущению завоза и распространения новой коронавирусной инфекции, вызванной 2019-nCoV [Электронный ресурс]: постановление Главного государственного санитарного врача РФ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. О мерах по обеспечению безопасности государства, защите здоровья населения и нераспространению новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) на территории РФ: распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 января 2020 г. № 153-р. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202002030002> (дата обращения: 17.02.2020).
8. О мерах по предупреждению распространения коронавирусной инфекции: приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 29 января 2020 г. № 146.
9. О переносе проведения Российского инвестиционного форума: распоряжение Правительства Российской Федерации от 3 февраля 2020 г. № 192-р. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202002040046> (дата обращения: 17.02.2020).
10. О Перечне пунктов пропуска на отдельных участках государственной границы РФ с Китайской Народной Республикой, движение через которые временно ограничиваются: распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 января 2020 г. № 140-р. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202001300031> (дата обращения: 17.02.2020).
11. О проведении дополнительных санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий по недопущению завоза и распространения новой коронавирусной инфекции, вызванной 2019-nCoV [Электронный ресурс]: постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 31 января 2020 г. № 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ // Российская газета. 1999. 6 апр.
13. Об обязательности исполнения предписаний должностных лиц, осуществляющих федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор, при проведении дополнительных санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий по недопущению завоза и распространения новой коронавирусной инфекции, вызванной 2019-nCoV: информация Роспотребнадзора от 4 февраля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Обзоры внешней торговли России в 2019 г. Торговля между Россией и Китаем в 2019 г. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-kitaem-v-2019-g/> (дата обращения: 16.02.2020).
15. Обухова Е.А. О непреодолимой силе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 1998. № 3. С. 50-51.
16. Протасов В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2001. 487 с.
17. Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1959. 88 с.
18. Хужин А.М. Невинное поведение в праве: общетеоретический аспект: дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2013. 525 с.
19. Экономическое сотрудничество расширяется // Российская газета. 2019. 20 янв. Спецвыпуск № 11 (7769).
20. Явич Л.С. Право и социализм. М.: Юрид. лит-ра, 1982. 176 с.

УДК 347.5

П.Д. Портянова

аспирант Юридического института Южно-Уральского государственного университета

E-mail: ivapola@mail.ru

ДИСКРЕТНОСТЬ ПРАВА В ОБЛАСТИ ПРИМЕНЕНИЯ «ПРАВА НА ЗАБВЕНИЕ»

Статья посвящена анализу одного из новых для российского законодательства способов защиты права – «права на забвение», реализация которого означает прекращение выдачи ссылок на интернет-ресурсы, содержащие определенную информацию о заявителе. Проведен сравнительный анализ содержания и реализации права на забвение в отечественном и европейском праве. Проанализированы требования законодательства к информации, к которой может быть применено право на забвение, а также основания для признания информации неактуальной. Проведено сравнение категорий «неактуальная информация» и «информация, утратившая значение для заявителя». Рассмотрена конкуренция признаков общественной значимости информации и наличия общественного интереса к информации с правом на забвение. Рассмотрены случаи отказа в удовлетворении запросов о применении права на забвение поисковыми системами, основания и правомерность такого поведения. Сделан вывод о наличии признаков дискретности российского законодательства в указанной области в форме правовой неопределенности и наличия недействующей нормы.

Ключевые слова: дискретность законодательства, «право на забвение».

P.D. Portyanova

postgraduate student of Law Institute of South Ural State University

E-mail: ivapola@mail.ru

DISCRETENESS OF LAW IN THE APPLICATION OF «RIGHT TO BE FORGOTTEN»

The article is devoted to the analysis of one of the new methods of defense of rights for the Russian legislation: the «right to be forgotten» (stopping the display of links to Internet resources containing certain information about the applicant). A comparative analysis of the content and implementation of the «right to be forgotten» in domestic and European law is conducted. The legal requirements for information to which the «right to be forgotten» can be applied are analyzed, as well as the grounds for recognizing information as irrelevant. The categories of «irrelevant information» and «information that has lost importance for the applicant» are compared. The competition of signs of public importance of information and the presence of public interest in information with the «right to be forgotten» is considered. Cases of refusal to satisfy requests for the application of the «right to be forgotten» by search engines, the grounds and legitimacy of such behavior are considered. It is concluded that there are signs of discreteness of Russian legislation in this area in the form of legal uncertainty and the presence of an invalid norm.

Key words: discreteness of the legislation, «right to be forgotten».

Одним из новых способов гражданско-правовой защиты, а потому представляющих особый интерес в качестве предмета научного исследования, является «право на забвение» (right to be forgotten).

Указанный способ защиты права был имплементирован в национальную правовую систему из европейского права. Последним из документов, наиболее подробно рассматривающих указанный вопрос до момента введения «права на забвение» в России, были: Резолюция Европейского парламента от 12 марта 2014 г. [13] и решение Суда Европейского Союза по делу Google Spain v. AEPD and Mario Costeja González от 13 мая 2014 г. [15].

Международная ассоциация по защите свободы слова (IFEX) дает три возможных определения «права на забвение» [4], однако ни одно из них не совпадает полностью с тем способом защиты права, который был введен в национальную систему права в 2016 г. путем внесения изменений в ст. 10.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (далее – Закон об информации) [7].

Согласно новой редакции статьи любое лицо наделено правом обратиться к оператору, распространяющему в сети Интернет рекламу, с запросом о прекращении выдачи ссылок на сайты в сети Интернет, позволяющих получить доступ к определенной нежелательной информации о данном лице.

Таким образом, предоставлено право подать заявку поисковой системе (в частности, русскоязычным Google, Яндекс, Мэйл.ру, Рамблер) о неотображении ссылок на определенные сайты по запросу, содержащему имя и (или) фамилию заявителя.

Перечень информации, выдача ссылок на которую подлежит прекращению, определен в той же статье 10.3 Закона об информации: *«информация о заявителе, распространяемая с нарушением законодательства Российской Федерации, являющаяся недостоверной, а также неактуальной, утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя, за исключением информации о событиях, содержащих признаки уголовно наказуемых деяний, сроки привлечения к уголовной ответственности по которым не истекли, и информации о совершении гражданином преступления, по которому не снята или не погашена судимость»* [7].

Исходя из буквального толкования процитированного законоположения, «право на забвение» применимо:

- 1) к информации, распространяемой с нарушением законодательства РФ;
- 2) недостоверной информации;
- 3) неактуальной информации.

Перечень указанной информации шире того, который описан в Резолюции Европейского парламента от 12 марта 2014 г. [13] и решении Суда Европейского Союза по делу Google Spain v. AEPD and Mario Costeja González от 13 мая 2014 г. (недостоверная, нерелевантная и/или неактуальная информация) [15].

Возможно, отчасти в связи с этим наполнение каждой из названных групп в процессе реализации «права на забвение» вызывает большое количество вопросов. Центр по международной поддержке СМИ к их числу относит, например, отсутствие разграничения между частными и общественными интересами – персональными данными и оценочными суждениями, что создает широкое пространство для злоупотреблений [4].

Однако это не единственный требующий разъяснения вопрос. Правовая дискретность в указанном случае представлена сразу в нескольких видах и формах, которые будут названы в рамках дальнейшего анализа.

Первая группа информации, указанная в статье 10.3 Закона об информации, – это распространяемая с нарушением законодательства (незаконная) информация.

Для того чтобы оценить информацию как незаконную, поисковая система должна самостоятельно соотнести содержание информации с действующим законодательством, по сути, приняв на себя функции суда или специалиста/эксперта.

Например, информация, содержащая нелитературные эпитеты, могла бы быть квалифицирована как оскорбительная и, следовательно, незаконная, однако в связи с отсутствием стилистической пометы «неприличная» в лингвистике, отсутствия возможности установления по словарям относимости лексем к числу неприличных для точного определения наличия в тексте оскорблений желателен анализ лингвиста. То есть необходимы специальные знания, которыми представители поисковых систем, рассматривающие запросы граждан, не обладают.

Аналогичное замечание справедливо практически в отношении любой информации, незаконность которой неочевидна.

Также имеются и иные препятствия. В частности, в случае если лицо утверждает, что на сайте распространена информация, содержащая его персональные данные, на обработку которых он согласия не давал. Оценить истинность подобного заявления можно после установления факта отсутствия у сайта-распространителя соответствующего согласия. Однако отсутствующий факт не может быть подтвержден никаким иным способом, кроме как путем непредставления согласия со стороны сайта-распространителя, а обязанности и полномочий осуществлять запрос о

предоставлении данного доказательства у поисковой системы нет.

Таким образом, идентификация информации как незаконной поисковыми системами на практике затруднена. По этой причине на большинство запросов о прекращении выдачи ссылок приходит отказ (согласно приведенной яндекс-статистике [3]), норма не работает.

В данном случае можно говорить о наличии законодательной дискретности в форме наличия неисполнимой (мертвой) нормы.

Вторая группа информации, доступ к которой может быть ограничен, – недостоверная информация.

Представляется, что недостоверной информацией в целях применения «права на забвение» может быть признана:

1) информация, признанная недостоверной на основании судебного акта;

2) иная информация, достоверность которой безусловно опровергается предоставленными заявителем документами, в т.ч. не являющаяся порочащей.

Первая группа, казалось бы, четко определена, и споров между заявителем и поисковой системой в отношении информации, признанной судом недостоверной, возникать не должно. Однако может иметь место ситуация, когда информация, на которую заявитель желает добиться прекращения выдачи ссылок, не полностью совпадает с указанной в судебном акте, но по смыслу подобна ей. В этом случае поисковая система может отказать в удовлетворении заявки по формальным основаниям и может оказаться неправа.

Подобная ситуация описана в решении Одинцовского городского суда Московской области по делу № 2-2715/2017 [11] по иску экс-министра сельского хозяйства Е.Б. Скрынник к ООО «Яндекс». Предметом рассмотрения суда стал отказ поисковой системы прекратить выдачу ссылок на ресурсы, на которых содержалась информация, аналогичная признанной ранее недостоверной в судебном порядке, но не указанная в точных формулировках. Яндекс сослался на то, что на основании представленного решения не представляется возможным сделать однозначный вывод о недостоверности информации. Суд, напротив, пришел к выводу, что информация, содержащаяся в ссылках, указанных в иске, является по смыслу идентичной информации, признанной судебными решениями негативной, недостоверной, порочащей честь, достоинство и деловую репутацию Е.Б. Скрынник.

Наполнение второй группы (иная информация, достоверность которой безусловно опровергается предоставленными заявителем документами) вызывает еще большее количество вопросов.

Представляется, что к ней может быть отнесена информация о совершении преступления в случае

предъявления справки об отсутствии судимости. Поисковые системы, однако, даже в такой ситуации могут отказать в удовлетворении запроса.

Иллюстрацией к тому тезису служит судебный спор по делу № 2-1432/18, рассмотренному в Кировском районном суде города Перми (в апелляционной инстанции – № 3119/2019), в рамках которого истец заявлял о недостоверности заявлений о его причастности к каким-либо организованным преступным сообществам ввиду того, что указанное деяние является уголовно наказуемым и должно быть доказано в судебном порядке, а справка об отсутствии судимости доказывает обратное. Поисковая система утверждала, что не наделена полномочиями по проверке достоверности и актуальности сведений, указывала на необходимость предварительного получения решения суда о признании распространенных сведений недействительными [10].

Суд с таким доводом не согласился. В Апелляционном определении Пермского краевого суда от 01.04.2019 [2] указано, что освобождение оператора поисковой системы от обязанности принимать определенные меры к проверке доводов заявителя о недействительности и неактуальности сведений делало бы недействующим и лишало бы смысла установление правового механизма, предусмотренного ст. 10.3 Закона об информации.

Данное обстоятельство требует от оператора поисковой системы проверки доводов обращения и направления мотивированного ответа на требования заявителя о прекращении выдачи ссылок, если их недостоверность и неактуальность небесспорны.

В итоге следует заключить, что доказательства достоверности информации должны полностью опровергать утверждения, содержащиеся на странице в сети Интернет, выдачу ссылок на которую хочет прекратить заявитель.

Третья группа сведений, указанная в ст. 10.3 Закона об информации и требующая особо пристального рассмотрения, – неактуальная информация.

Определение содержания данной группы вызывает проблемы в связи с допущением такой формы дискретности законодательства, как правовая неопределенность: неясно перечисляет ли законодатель неактуальную информацию и информацию, утратившую значение для заявителя, в качестве однородных членов предложения или же они соотносятся как общее и частное, и законодатель уточняет, какая именно неактуальная информация имеется в виду. Небольшого дискурса в филологию в подобной ситуации не избежать.

Правила русского языка в данном случае не дают однозначного ответа. С одной стороны, причастный оборот относится к главному слову «информация», с другой стороны, это не означает, что параллельно

он не может быть уточнением по отношению к слову «неактуальная». Более того, неактуальная информация (согласно толковому словарю Т.Ф. Ефремовой) – это «не имеющая важного значения в настоящее время» [5], т.е. это и есть «утратившая значение» информация.

Указанный анализ важен потому, что в случае первого толкования закон указывает на более широкий перечень ситуаций. Ряд сведений может входить в категорию «неактуальная информация», но не являться информацией, утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя.

Например, информация о том, что лицо находилось в эпицентре политического скандала энное количество лет назад, может перестать быть актуальной, но не по причине наступления каких-либо событий или действий заявителя, а исключительно по причине давности события и отсутствия интереса к нему со стороны общества.

Представляется, что воля законодателя все же была направлена на уточнение характера неактуальной информации, т.к. в противном случае имело бы место перечисление общего и частного, полностью поглощаемого общим, в качестве однородных членов предложения, а это очевидное нарушение правил логики.

Таким образом, третий вид информации следует читать так: «неактуальная информация, а именно: информация, утратившая значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя, за исключением информации о событиях, содержащих признаки уголовно наказуемых деяний, сроки привлечения к уголовной ответственности по которым не истекли, и информации о совершении гражданином преступления, по которому не снята или не погашена судимость».

И здесь возникает целый ряд новых вопросов о содержании такой информации, поскольку критерии его определения крайне субъективны.

Сразу следует отметить, что конституционность ст. 10.3 Закона об информации уже проверялась Конституционным Судом РФ.

В Определении от 26.03.2019 № 849-О Конституционный Суд РФ пояснил, что использование федеральным законодателем таких понятий, как «неактуальная информация» и «информация, утратившая для заявителя значение в силу последующих событий или его действий», само по себе не свидетельствует о неопределенности их содержания и преследует цель эффективного применения нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций. Названные понятия, как и иные используемые федеральным законодателем оценочные понятия, предполагают, что они будут наполняться смыслом в зависимости

от фактических обстоятельств конкретного дела и с учетом толкования этого законодательного термина в правоприменительной практике [8].

Итак, вернемся к определению содержания понятия «неактуальная информация».

Первым значимым моментом является необходимость доказать факт неактуальности размещенной информации. Об обязательности подобного доказывания заявил Ленинградский областной суд в Апелляционном определении от 14.02.2018 № 33-847/2018 по делу № 2-701/2017: «*Одно лишь указание заявителя на то, что, по его мнению, информация является неактуальной, не является надлежащим подтверждением. Противное означало бы явное отступление от конституционного принципа гласности и свободы слова, так как любой гражданин мог бы затруднить доступ к любой информации о себе, в том числе и общественно значимой информации, на недопустимость чего обратил внимание Конституционный Суд РФ в постановлении от 09.07.2013 № 18-П в отношении владельцев сайтов, на которых непосредственно размещена информация*» [1].

Указанная обязанность на первый взгляд кажется неисполнимой, поскольку у заявителя отсутствуют рабочие механизмы доказывания неактуальности информации при подаче заявки в поисковую систему, а у поисковой системы – соответствующие способы проверки информации на актуальность. Можно лишь предположить, что при рассмотрении подобных запросов поисковая система учитывает посещаемость спорной интернет-страницы, из чего можно сделать вывод об актуальности информации для неопределенного круга лиц.

Однако при более пристальном изучении проблемы становится ясно, что обязанность доказывания связана с тем самым уточнением перечня неактуальной информации, о котором говорилось ранее: об утрате значения информации для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя.

Если признак актуальности доказать практически невозможно, то доказать событие, в связи с которым информация перестала быть актуальной, можно.

Так, например, в судебном деле № 2-1432/18, рассмотренном в Кировском районном суде города Перми суд признал неактуальной информацию о задержании 9 лет назад лица по подозрению в совершении уголовных преступлений по причине последующей реабилитации лица. Суд счел, что «*истцом представлены надлежащие и достаточные доказательства того, что уголовное преследование и задержание истца было незаконным, а это свидетельствует о том, что для истца информация о его задержании в рамках данного уголовного дела является неактуальной*» [10]. Апелляционной инстанцией указанное правописание воспринято, акт оставлен в силе [2].

В данном случае информация перестала быть актуальной в связи с последующим опровержением первоначальных подозрений.

В связи со сравнительной новизной «права на забвение» приведенное правопонимание не является пока общепризнанным. Из анализа судебной практики о применении «права на забвение» не следует, что утрата значения информации для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя является обстоятельством, подлежащим доказыванию в данной категории споров.

Более того, поисковые системы, рассматривая запросы граждан о прекращении выдачи ссылок, особое внимание уделяют другому: наличию общественного интереса к размещенной по ссылке информации, а также общественной значимости данной информации.

Наличие общественного интереса можно оценить, изучив посещаемость страницы, частоту интернет-запросов, по результатам которых выходит спорный интернет-ресурс.

Второй же критерий общественной значимости неактуальной информации является исключительно субъективным.

Таким образом, на сегодняшний день отсутствует законодательное, доктринальное и даже основанное на материалах судебной практики толкование понятия «неактуальная информация» в значении, необходимом для применения «права на забвение».

В Определении Конституционного Суда РФ от 26.03.2019 № 849-О также указано, что при рассмотрении исков о применении «права на забвение» в отношении неактуальной информации судам необходимо находить баланс между конституционно защищаемыми ценностями (доступом граждан к информации, с одной стороны, и защитой прав граждан при распространении информации о них – с другой) на основе установления и исследования фактических обстоятельств конкретного дела [8].

Поисковыми системами при рассмотрении запросов «общественная значимость» очень активно используется как повод для отказа. В «отказных» ответах поисковые системы ссылаются на то, что в данном случае право общества на распространение и получение указанной информации в связи с наличием к ней общественного интереса превалирует над правом заявителя на неприкосновенность частной жизни.

При этом такая позиция поисковых систем строится на концепции «права на забвение», закрепленной в европейском праве, из которого понятие было заимствовано национальной правовой системой. Подобная взаимосвязь подробно рассмотрена А.Р. Мухалиным [6], Р.Т. Нуруллаевым [17, с. 185], Н.А. Чиришевым [12], ссылающимися на неприменимость

«права на забвение» к публичным личностям ввиду прямого на то указания в ряде актов европейского права.

Поисковые системы, вероятно, акцентируя внимание на обязательном признаке незначительности неактуальной информации для общества, на своих ресурсах приводят такие примеры неактуальной информации, как: неактуальные номер телефона, адрес электронной почты или информация о прежнем месте работы.

Однако указанные примеры не очень удачны, поскольку названные данные в случае, если они размещены не лично заявителем, а третьими лицами, чаще всего опубликованы одновременно с информацией об аналогичных данных в отношении третьих лиц. А прекращение выдачи ссылки возможно только в том случае, если интернет-страница содержит неактуальную информацию лишь о заявителе, поскольку удаление всех сведений целиком могло бы привести к ущемлению права всех заинтересованных лиц на свободный доступ к информации. Указанный вывод содержится также в судебной практике [1].

К слову, другими примерами неактуальной информации, доступ к которой не подлежит ограничению по причине отнесенности к иным помимо заявителя лицам, могут быть названы: протоколы соревнований, списочные результаты сдачи экзаменов, справочная информация о коллективе организации, иная информация о группе лиц.

Интересно, что изначально именно персональная информация, предоставленная ранее самим заявителем (номера телефонов, место жительства и т.д.), планировалась к указанию в законе о забвении на уровне европейского права. На это обращала внимание, в частности, Viviane Reding [18]. Информация о событиях в указанный список не входила, но позже перечень был расширен.

Отдельно следует выделить информацию о совершении преступления.

Согласно ст. 10.3 Закона об информации не предусмотрено прекращение выдачи ссылок на информацию *«о событиях, содержащих признаки уголовно наказуемых деяний, сроки привлечения к уголовной ответственности по которым не истекли, и информацию о совершении гражданином преступления, по которому не снята или не погашена судимость»*.

Казалось бы, отпадение перечисленных оснований (истечение сроков) для прекращения выдачи ссылок на информацию должно означать право заявителя использовать «право на забвение». На это в том числе указывают зарубежные источники [14, 16].

Однако российский правоприменитель, рассматривая круг данных сведений, распространяет ограничение использования «права на забвение» и на сведения о погашенной судимости в том случае, если

данная информация может представлять интерес для неопределённого круга лиц.

Так, Конституционный Суд РФ в Определении от 26.11.2018 № 3087-О в отношении указанного законоположения пояснил, что судимость имеет не только уголовно-правовые, но и общеправовые последствия, уголовные дела о тяжких преступлениях хранятся 15 лет, а потому соответствующая информация также должна быть доступна в течение данного срока. Применительно к обстоятельствам конкретного спора судом был сделан вывод, что по этой причине актуальность информации, выдачу ссылки на которую просил прекратить заявитель, не утрачена. Дополнительным доводом стало то, что преступле-

ние было совершено заявителем в связи с осуществлением профессиональной деятельности адвоката, являющейся публично значимой, и заявитель вновь получил статус адвоката, но на сайте адвокатской коллегии, в которой он состоит, в разделе, содержащем биографические данные, нет информации о привлечении заявителя к уголовной ответственности [9].

Отдельно следует упомянуть, что надлежащим ответчиком является оператор поисковой системы, а не Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, к которой особенно часто обращались с требованиями в течение первых двух лет после вступления в силу поправок в Закон об информации.

Литература

1. Апелляционное определение Ленинградского областного суда от 14.02.2018 по делу № 33-847/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Апелляционное определение Пермского краевого суда от 01.04.2019 по делу № 2-1432/18 (№ 33-3119/2019) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Блог Яндекса. О применении закона «о праве на забвение». URL: <https://yandex.ru/blog/company/o-primeneni-zakona-o-prave-na-zabvenie> (дата обращения: 01.11.2019).

4. Доклад, опубликованный Центром по международной поддержке СМИ (The Center for International Media Assistance) (сокращенный перевод). URL: <https://roskomsvoboda.org/35507/> (дата обращения: 01.11.2019).

5. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. М.: Рус. яз., 2000. В 2 т. 1209 с. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/193360/%D0%9D%D0%B5%D0%B0%D0%BA%D1%82%D1%83%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9> (дата обращения: 08.11.2019).

6. Мухгалин А.Р. Некоторые аспекты применения «права на забвение» в сети «Интернет» // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2018. № 20. С. 27-33. URL: <http://ipcmagazine.ru/legal-issues/some-aspects-of-the-application-of-the-right-to-oblivion-in-the-internet> (дата обращения: 09.11.2019).

7. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и ст. 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 264-ФЗ (ред. 18.03.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Региональной общественной организации содействия просвещению граждан «Информационно-аналитический центр "Сова"» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 10.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», пунктом 2 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2019 № 849-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина К. на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 3 и частью 1 статьи 8 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 26.11.2018 № 3087-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Решение Кировского районного суда города Перми от 13 ноября 2018 г. по делу № 2-1432/18. URL: https://kirov--perm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=116413597&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 01.11.2019).

11. Решение Одинцовского городского суда Московской области от 06.04.2017 по делу № 2-2715/2017. URL: https://odintsovo--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_id=43334049&_uid=&_deloId=1540005&_caseType=&_new=0&_doc=1&srv_num=1 (дата обращения: 14.11.2019).

12. Чикишев Н.А. Право на забвение в европейском цифровом законодательстве (на примере Франции) // Медиаскоп. 2017. Вып. 3. URL: <http://www.mediascope.ru/2348> (дата обращения: 09.11.2019).

13. European Parliament legislative resolution of 12 March 2014 on the proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council on the protection of individuals with regard to the processing of personal data and on

the free movement of such data (General Data Protection Regulation), Amendment 27. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&reference=P7-TA-2014-0212&language=EN> (дата обращения: 09.11.2019).

14. Georgetown University. Center for Transnational Legal Studies Colloquium. Research Paper, no. 2, May. P. 285–300. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1401357 (дата обращения: 09.11.2019).

15. Google Spain v. AEPD and Mario Costeja González. URL: http://curia.europa.eu/juris/document/document_print.jsf?doclang=EN&docid=152065 (дата обращения: 10.11.2019).

16. Rosen Jeffrey, Stanford Law Review Online The Right to BeForgotten. URL: <https://www.stanfordlawreview.org/online/privacy-paradox-the-right-to-be-forgotten/> (дата обращения: 09.11.2019).

17. Ruslan Nurullaev. Right to Be Forgotten in the European Union and Russia: Comparison and Criticism // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. 2015. No. 3. P. 181-193. URL: <https://www.hse.ru/data/2015/10/11/1076267685/nurullaev.pdf> (дата обращения: 09.11.2019).

18. Viviane Reding, Vice President, Eur. Comm'n, The EU Data Protection Reform 2012: Making Europe the Standard Setter for Modern Data Protection Rules in the Digital Age 5 (Jan. 22, 2012). URL: <http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=SPEECH/12/26&format=PDF> (дата обращения: 09.11.2019).

УДК 342:343.359.3

Л.А. Семина, доктор экон. наук, доцент
Алтайский государственный университет
E-mail: seminalaisa@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОБОРОТУ КОНТРАФАКТНОЙ ПРОДУКЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Сегодня проблемы экономической безопасности приобрели особую важность. Рыночные экономические отношения создали благоприятные условия для роста теневого сектора экономики, с другой стороны, проблема качества и безопасности продукции достигла таких границ, что представляет реальную угрозу безопасности личности, общества, государства. Наиболее болезненный момент здесь – оборот контрафактной продукции, ввозимой через таможенную границу Российской Федерации.

В статье рассмотрено понятие «контрафактная продукция», ее виды и признаки. Приведены критерии ущерба, который может нанести контрафактная продукция. В силу того что таможенные органы играют одну из ключевых ролей в борьбе с контрафактной продукцией, выделены проблемы теоретического и практического характера, с которыми они сталкиваются, сделана попытка разработать алгоритм действия в случае выявления контрафакта. Представлены способы противодействия обороту контрафактной продукции, даны предварительные оценки результата их введения.

Ключевые слова: контрафактная продукция, экономическая безопасность, незаконный оборот, рынок.

L.A. Semina, Doctor of Economics, assistant-professor
Altai State University
E-mail: seminalaisa@yandex.ru

PROBLEMS AND PROSPECTS OF COUNTERACTION TO TRAFFICKING OF COUNTERFEIT PRODUCTS AT THE PRESENT STAGE

Today, economic security issues have become particularly important. Market economic relations have created favorable conditions for the growth of the shadow economy, on the other hand, the problem of product quality and safety has reached such boundaries, which poses a real threat to the security of the individual, society, and the state. The most painful moment here is the circulation of counterfeit products imported through the customs border of the Russian Federation. The article considers the concept of «counterfeit products», its types and characteristics. Criteria for the damage that counterfeit products can cause are given. Since the customs authorities play one of the key roles in the fight against counterfeit products, the theoretical and practical problems that they face are highlighted, an attempt is made to develop an algorithm for action in case of counterfeit detection. Methods of counteracting to trafficking of counterfeit products are presented, preliminary estimates of the result of their introduction are given.

Key words: counterfeit products, economic security, illegal turnover, market.

В современных условиях для развития любого государства актуальной задачей является поддержание устойчивого уровня безопасности во всех сферах общественной жизни. Одной из угроз экономической безопасности выступает оборот контрафактной продукции, ввозимой через таможенную границу Российской Федерации. В условиях постоянно возрастающей глобализации контрафактные товары являются одной из важнейших проблем, с которой приходится сталкиваться не только на внутренних рынках, но и в международной торговле товарами и услугами. На сегодняшний день паутина подделанных товаров раскинулась на все без исключения сектора хозяйственной деятельности, что создает прямую угрозу жизни и здоровью населения.

Законодательно запрещены изготовление, продажа, сбыт, незаконное использование товаров с нарушением интеллектуальных прав правообладателя, в т.ч. при отсутствии сертификата соответствия требований, предъявляемых к данным видам товаров. С определением контрафакта в России также связано словосочетание «серый импорт» или совокупность продукции, ввозимой в страну с занижением тарифных платежей за счет недостоверного декларирования. С точки зрения законодательства серый импорт – это контрафактная продукция. Здесь наибольшее распространение нашли:

1) занижение таможенной стоимости посредством предоставления ложной информации о наименовании, ассортименте товара;

2) занижение количества ввозимого товара или пропуск в декларации конкретных объектов;

3) намеренное недостоверное декларирование: неверное описание, изменение кода товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности на товар, года изготовления, страны происхождения и пр.;

4) подделка документов на товар. При этом в соответствии с п. 4 ст. 1252 ГК РФ товар, импортированный по серой схеме, является контрафактным [3].

Основной причиной появления контрафактной продукции на рынке выступает теневая экономика страны, при этом создаются условия для посягательства на интеллектуальную собственность.

По форме контрафактной продукции можно выделить: контрафактные товары, которые лишь имитируют внешние атрибуты оригинального изделия и не соответствуют его качественным характеристикам и требованиям безопасности; контрафакт, который соответствует качеству, но продается без согласия автора или правообладателя, т.е. с нарушением авторских прав.

По степени опасности для государства и общества: низко- и высокоопасные. К последним относятся незаконный провоз: оружия (химического, биологического и токсического); наркотических,

ядовитых, отравляющих и радиоактивных веществ; предметов искусства: произведений художественного, исторического и археологического достояния, а также культурных ценностей, замаскированных под товары массового потребления [4, с. 304].

По виду контрафакта: одежда и обувь; продукты питания; парфюмерная косметика и бытовая химия; алкогольная и табачная продукция и пр.

Производство и реализация такой продукции наносит ущерб экономике страны, т.к. декларирование таких товаров происходит по заниженной стоимости, происходит невыплата таможенных платежей, соответственно, в неполном объеме поступают денежные средства в бюджет [2, с. 12].

Таможенные органы относительно успешно выполняют свои задачи в сфере защиты интеллектуальной собственности и играют одну из ключевых ролей в борьбе с контрафактной продукцией. На них возлагается ответственность за изъятие такой продукции при перемещении через границу ЕАЭС. Однако в своей деятельности они сталкиваются с большим количеством проблем как теоретического, так и практического характера, которые значительно препятствуют выявлению товаров, на которых незаконно используются товарные знаки. Рассмотрим из них наиболее важные.

1. Главной проблемой в обеспечении эффективной и надежной защиты прав на товарные знаки является наличие пробелов в действующем законодательстве. Так, в ст. 4.5 КоАП РФ (давность привлечения к административной ответственности) наблюдалась неясность в том, что за нарушение таможенных правил срок давности привлечения составляет 2 года, однако срок таможенного контроля после выпуска товаров 3 года. Это значит, что после двух лет таможенные органы не могут выносить постановление по делу об административном правонарушении.

2. Большинство правообладателей не разглашают отличительные признаки своих товарных знаков, которыми могли бы воспользоваться эксперты при проведении экспертиз для определения признаков контрафактности схожих товаров.

3. Слабое взаимодействие правообладателей с таможенными органами. Так, осложняет работу таможенных органов неоднозначный подход к вопросу защиты прав интеллектуальной собственности представителей отдельных правообладателей, которые, протестуя против нарушений своих прав на объекты интеллектуальной собственности, в то же время игнорируют запросы таможенных органов либо отказываются от защиты своих прав в связи с незначительностью нанесенного ущерба, а иногда вообще без указания причин.

Средства поиска наличия регистрации товарных знаков, не включенных в таможенный реестр,

имеющиеся на сегодняшний день в распоряжении таможенных органов, ограничены и не позволяют проводить графическое сравнение изображений на товаре с использованием программных средств. Точнее, фактическое установление наличия регистрации изображения эмблемы продукции зависит от общего кругозора и способности зрительной памяти должностных лиц, осуществляющих таможенный контроль перемещаемых товаров. Таможенный инспектор должен предположить, какая организация является правообладателем искомого изображения, и уже с использованием текстового поиска установить наличие правовой охраны либо осуществить детальный визуальный анализ информации, имеющейся в распоряжении таможенных органов. Однако в случае обнаружения товаров, содержащих какое-либо изображение, инспектору, осуществляющему таможенный контроль, нужно без помощи технических средств выполнить ряд действий, требующих значительных временных затрат, включающих следующие этапы:

- 1) определение объекта охраняемой интеллектуальной собственности;

- 2) подтверждение условий предоставления ему правовой охраны на территории РФ;

- 3) поиск сведений о правообладателе, сроке и пределе действия правовой охраны конкретного объекта;

- 4) выход на контакт с представителем правообладателя;

- 5) установление сведений о примененных мерах, связанных с приостановлением выпуска товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, не внесенные в реестры. Необходимо отметить, что зачастую выявление незаконного использования товарного знака на контрафактной продукции сопряжено с необходимостью проведения широкого круга мероприятий.

Важнейшая причина существования в России контрафактной продукции связана с бедностью населения, которое в силу своих причин не может позволить себе купить дорогой, качественный товар, более 60-70% себестоимости которого складывается из роялти. Решение проблемы видится в комплексной работе (возможно, в рамках национальных проектов) по созданию негативного восприятия у населения контрафактной продукции, установлению эффективной системы антикоррупционной профилактики, подготовке кадров, способных распознавать нарушения законодательства в этой сфере и оперативно применять соответствующие меры [6, с. 206].

Что касается работы Сибирского таможенного управления в области защиты прав объектов интеллектуальной собственности, то необходимо в целях

повышения эффективности работы таможен взять на контроль следующее:

1. Организацию и проведение мероприятий, направленных на безусловное выполнение контрольного показателя и аналитического показателя эффективности деятельности, динамику нарастания показателей, эффективность проведенных мероприятий.

2. Участие всех подразделений таможенных органов (особенно инспекционных подразделений) в выявлении и задержании контрафактных товаров, содержащих символику общегосударственных мероприятий (например, FIFA 2018).

3. Полноту и достоверность подготавливаемых ежеквартальных отчетов о выполнении контрольного показателя и аналитического показателя эффективности деятельности, расчет значений показателей в соответствии с установленными расчетами.

4. Активное использование системы управления рисками по направлению защиты прав интеллектуальной собственности.

5. Принятие совместных с правообладателями решений о приостановлении выпуска товаров в соответствии с ФЗ «О таможенном регулировании» с обязательной предварительной проработкой деталей фактов ввоза товаров, обладающих признаками контрафактных, для исключения неэффективных приостановлений выпуска товаров.

С целью совершенствования работы по выявлению контрафактных товаров таможенным органам необходимо в той же мере осуществлять:

1. Постоянный мониторинг таможенного декларирования товаров, маркированных товарными знаками, включенными в реестр объектов интеллектуальной собственности (ТРОИС), а также зарегистрированными в Роспатенте.

2. Ужесточать контроль товаров, перемещаемых в международных почтовых отправлениях.

3. Осуществлять проверки после выпуска товаров.

4. Активно взаимодействовать с правообладателями.

5. Расширять использование маркировки товаров для защиты от контрафакта.

Следует отметить, что большой проблемой выступает отсутствие эффективных и доступных баз данных, которые позволили бы гражданам и сотрудникам правоохранительных органов оперативно выявлять контрафактную продукцию путем ее сопоставления с охраняемыми законом образцами, легально введенными в оборот. Так, высокую эффективность в борьбе с теневым рынком показывают публичные реестры и открытые базы данных [5, с. 174]. Поэтому считаем необходимым создание специального информационного ресурса, на котором аккредитованные правообладатели могли бы размещать

данные о своей охраняемой законом продукции. Введение технологии распределенных вычислений или использования нейросетей позволит оптимизировать поиск на основании описания или фотографии объекта.

Все вышеперечисленные рекомендации благоприятно отразятся на показателях экономической безопасности региона, а именно: уменьшится уро-

вень преступности, сократится присутствие теневой экономики (контрафакт в экономическом плане – это наиболее быстро развивающийся сектор теневого рынка), из-за потребления качественных товаров продолжительность жизни населения возрастет, улучшится благосостояние граждан, за счет таможенных пошлин пополнится государственный бюджет страны.

Литература

1. Интеллектуальная собственность и рынок / под ред. Г.А. Барышева, Н.Н. Горюнова. Томск: Изд-во: ТПУ, 2015. 365 с.
2. Кобзарь Л.В. Контрафактная и фальсифицированная продукция как угроза экономической безопасности России // Центральный научный вестник. 2017. № 14 (31). С. 12-13.
3. О таможенном регулировании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27.11.2010 № 311-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Петрова А.А. Контрафакт как угроза экономической безопасности // Актуальные вопросы развития национальной экономики: сборник трудов конференции. 2017. С. 303-308.
5. Чесноков А.А. Публичность имущественного реестра как гарантия безопасности добросовестного приобретателя // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 3. С. 171-176.
6. Чеснокова О.В. Антикоррупционный механизм: проблемы измерения // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: сборник трудов по итогам Всероссийской научной конференции. 2014. С. 203-208.